

**ФОРМИРОВАНИЕ
ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ:
СУЩНОСТЬ, УСЛОВИЯ,
ЭФФЕКТИВНОСТЬ**

СВЕРДЛОВСК 1990

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ
СВЕРДЛОВСКИЙ ИНЖЕНЕРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ФОРМИРОВАНИЕ
ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ:
СУЩНОСТЬ, УСЛОВИЯ,
ЭФФЕКТИВНОСТЬ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

СВЕРДЛОВСК 1990

Ю 937.24я43

Ф 79

Формирование творческих способностей: сущность, условия, эффективность: Сб. науч. тр. / Свердлов. инж.-пед. ин-т. — Свердловск, 1990. — 160 с.

Раскрываются объективные и субъективные моменты формирования творческих способностей в условиях обновления советского общества. Особое внимание уделяется социальным и психологическим компонентам формирования творческих способностей, выяснению роли природных задатков и социальных механизмов в процессе развития способностей и становления талантливой личности. Критикуются догматизм и вульгаризаторство во взглядах на процесс формирования творческих способностей, раскрываются реальные противоречия в системе образования, которые вели в период застоя к сужению социальной базы развития творческих способностей.

Сборник адресован преподавателям и студентам педагогических институтов.

Редколлегия: канд. филос. наук *С. З. Гончаров* — отв. редактор, канд. филос. наук *Л. Г. Копалова*, канд. филос. наук *Н. Б. Костина* (Свердловский инженерно-педагогический институт), д-р филос. наук *В. И. Копалов* (Уральский университет), канд. филос. наук *В. И. Корюкин* (УрО АН СССР).

ВВЕДЕНИЕ

Проблема творчества выдвигается на передний край философского исследования самим процессом обновления советского общества. Первостепенное значение приобретают вопросы социальной сущности и значимости способности к творчеству. Речь идет в первую очередь о соотношении социальной детерминации и самодетельности личности в развитии творческих способностей, о воспитании личности и коллектива как субъектов социального творчества, о должном балансе полномочий в общественном производстве, об освобождении трудящихся от тотальной (всеохватывающей) регламентации всего и вся со стороны различных инстанций, о возрождении в полном объеме марксистского понимания творческих способностей человека как основного содержания общественного богатства, а значит, и о превращении политической экономии социализма из утопии в теоретическое учение о целостном культурном воспроизводстве людей, о приоритете социальной сферы в том смысле, что именно она должна определять стратегию преобразований в технологии, экономике и политике согласно потребностям целостного культурного развития человека как творческой индивидуальности.

Свое действительное разрешение проблемы творчества получают только на практике, в процессе созидания социализма живого, творческого, как произведения самого трудового народа. Поэтому авторы сборника значительное внимание уделили рассмотрению собственности и власти, социальных институтов и полномочий, которые определяют существенным образом, какова доля творческой деятельности в общественном жизненном процессе. Анализ социальной сущности творческих способностей позволяет развеять элитарный миф о природной предопределенности одних людей к творчеству, а других — к исполнительству, раскрыть значение самодетельности в становлении творческой индивидуальности, осмыслить социализм как общество самодетельности, понять творчество и талант как норму, а не исключение. Подлинное творчество демократично, оно уравнивает в интеллектуальном отношении новатора стройки с Бетховеном.

Раздел 1. СПОСОБНОСТЬ К ТВОРЧЕСТВУ: СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ

В. И. КОРЮКИН

УрО АН СССР

ПРИОРИТЕТ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Творчество обычно принято определять как *деятельность*, порождающую нечто качественно новое, никогда ранее не бывшее и отличающуюся неповторимостью и общественно-исторической уникальностью. Вряд ли подобное определение можно считать удовлетворительным, поскольку в нем не отражается социальная направленность деятельности. Как справедливо отмечает Н. Ф. Овчинников, «когда мы говорим о творчестве, то... имеем в виду нечто высокое в человеческом, гуманистическом смысле. Если же под творчеством мы будем понимать лишь новизну в качестве цели, без оценки этой цели, тогда творческими оказываются самые бесчеловечные деяния, лишь бы эти деяния обладали новизной»¹. В самом деле, невозможно считать творческой деятельностью изобретение нового оружия массового уничтожения людей или опыты над людьми в гитлеровских концлагерях, хотя следует признать, что в ходе этих бесчеловечных усилий добывается новая и иногда существенно новая информация. Эту ситуацию следует отличать от более общей, связанной с характером использования нового знания, которое, согласно старой аналогии, напоминает нож: ножом можно нарезать хлеб, а можно и зарезать человека... Практически это относится ко всем великим открытиям в истории человечества — от освоения огня до открытия возбудителей болезней и возможностей использования энергии атома.

Становление человеческого сознания одновременно означает и становление творческой деятельности как мощного и во многом исходного фактора общественного развития. Уже более яркая выраженность на скромные доли процента так называемого познавательного рефлекса (например раскалывание камней в рамках древней галечной индустрии Восточной Африки²) обеспечивает решающие преимущества в борьбе за выживание соответствующих групп (как, впрочем, и «первобытный альтруизм», коллективная забота о потомстве и пр.).

Человеческая деятельность в развитой форме невозможна без постановки цели, предвидения результата и разработки плана деятельности. Инструментом этого своеобразного «удвоения действительности» является сознание человека. «Сознание человека,— сочувственно комментирует мысль Гегеля В. И. Ленин,— не только отражает объективный мир, но и творит его»³. Цели, предвидения, планы могут быть достижимыми, а могут и не совпадать с реальностью. Человек, действуя в рамках законов природы, может создавать не реализуемые природой варианты сочетания объективных факторов. Природа без человека не создала телевизоров и радиоприемников, синтетических материалов, самолетов и автомобилей. Будучи существом «делающим орудия» (и приводящим эти орудия в действие), человек, осуществляя воспроизводство материальных условий своей жизни, вносит в этот процесс случайные, а затем и сознательные изменения, позволяющие лучше, быстрее, экономнее удовлетворять его потребности, расширяющие возможности взаимодействия человека с природой и степень его овладения природными и социальными силами.

В отличие от первоначальных успехов в развитии человечества, эпохальных и весьма впечатляющих, таких как использование огня, изобретение колеса, паруса, земледелия, хлеба, спонтанно достигнутых в ходе непосредственной практической деятельности (но сознательно в ней закрепившихся), современное общественное производство предполагает сознательную творческую активность как основной и определяющий источник совершенствования производства и всей общественной жизни. Открытие новых источников энергии, более эффективных способов ее преобразования и использования, совершенствование общественного целеполагания, организации, планирования и управления, повышение, таким образом, степени освоения природных и социальных сил происходят в рамках функционирования и развития интеллектуального потенциала человечества, его коллективного интеллекта.

Что же, научно-техническое творчество, духовное производство, общественное сознание являются определяющими факторами в развитии общественного производства и общественного бытия? Не противоречит ли это традиционному прочтению основных положений «исторического материализма» о непременном отставании сознания от бытия?

Нет, не противоречит. Существуют не только прямые, но и обратные связи между бытием и сознанием. Для осуществления творческой деятельности и эффективного использования ее результатов необходимы предпосылки в бытии. Однако и социально воплощенная идея становится реальностью, фактом бытия, меняющим это бытие. И, самое важное, если в основе развития человечества лежит развитие производительных сил, то главной такой силой, активной и во многом определяющей, является сам чело-

век с его знаниями и умениями, способностью получать новое знание и совершенствовать умения.

Отсюда вытекают как минимум два важных вывода. Во-первых, следует признать без всяких оговорок производительной деятельностью работу конструктора, проектировщика, технолога, ученого, а также врача и учителя, обеспечивающих воспроизводство и развитие главной производительной силы — человека. Во-вторых, рассматривая действие закона соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил, также нельзя сбрасывать со счета соответствие отношений основной производительной силе — человеку. Программно-целевое планирование и управление с помощью ЭВМ не могут осуществляться при наличии в производстве «современных луддитов». Не случайно в условиях НТР растет потребность в высококвалифицированных работниках (избыток рабочих мест во многих странах) и сокращается потребность в низкоквалифицированном труде⁴.

Усложнение производственной деятельности и всей общественной жизни требует не только квалификации, но и заинтересованности, сознательного и активного отношения к делу, что невозможно без развития способности к критическому и творческому восприятию действительности. Все подвергай сомнению — таков был любимый тезис К. Маркса. (Разумеется, сомнение не равнозначно невежественному, «зряшному, пустому отрицанию».) «Не держись устава, яко слепой держится стены,— наставлял своих соратников еще Петр I,— ибо в нем порядки писаны, а времен нет — надлежит в каждом случае собственное разумение иметь». Казалось бы, давно опровергнуты вновь повторяемые сегодня призывы, «чтоб грамоте никто не знал и не учился», в рамках которых человек выглядит средством-приложением к господствующему уровню массового производства. Но человек не устаревшая пятиэтажка, которую можно снести, не старый станок, который можно отправить в переплавку. Сегодняшние 20-летние без воспитанной способности к самообучению и творчеству станут «лишними людьми» в XXI в. В Японии, например, поставлен вопрос о всеобщем высшем образовании в не столь отдаленной перспективе. В США выдвинут тезис о начале эры «золотых воротничков» (на смену «синим» и «белым»), высококвалифицированных работников, чей труд не может контролироваться и стимулироваться традиционными методами.

Если общество заинтересовано в творчестве и развитии творческих способностей, а эта заинтересованность так или иначе пробивает себе дорогу, система воспроизводства духовной жизни общества должна быть на это ориентирована.

Исторический опыт подсказывает, что роль насилия в побуждении к творчеству сразу можно сбросить со счета. «Худые песни соловью в когтях у кошки». Страх и насилие могут чему-то вос-

препятствовать, побудить же к творчеству они не в состоянии.

Творческую деятельность нельзя эффективно стимулировать и вознаграждением за нее. Способность к творчеству и само творчество не могут быть куплены. В науке нет «царского пути», и, увы, «не продается вдохновение». Прямой зависимости между материальными затратами и формированием творческих способностей нет. Иное дело — создание условий для работы творческим личностям.

Не следует возлагать особых надежд и на отбор творческих личностей в рамках наследования способностей. Не отрицая подобного наследования, подчеркнем, что главное в обществе — не генетическая, а социальная память; полного биологического воспроизведения способностей не бывает. Нередко, как говорится, «на детях гениев природа отдыхает»⁵.

Обучение творчеству содержит в себе глубокое противоречие: любое обучение нормировано, ограничено и потому консервативно, а надо воспитать, развить творческие способности.

Поскольку исходная способность к творчеству не коррелирует жестко с профессиональными способностями и обеспеченностью родителей, ставка должна делаться на демократизм в выявлении способностей на конкурсной основе при стремлении к подъему общего уровня воспитания и обучения.

Сегодня же появление современного Ломоносова в московской аспирантуре надежно перекрывается требованием московской прописки. А судьи кто?.. Неладно обстоит дело и с судьями.

К самому обучению необходимо подходить как к потенциально творческому процессу, поскольку весьма давние по происхождению знания усваиваются новыми людьми в новых условиях, и даже ошибки в усвоении могут носить творческий характер.

Возможность сомнения, демократическое равенство всех участников процесса обучения перед истиной, категорический приоритет системы положительных доказательств перед системой верований — важнейшие условия преодоления психологических барьеров и стереотипов на пути к новому знанию, который пролегает к тому же между Сциллой многознания, не прибавляющего мудрости, и Харибдой «флюсовидной» специализации...

Любая технология стандартна и в определенной мере слепа: она направлена на достижение ограниченной конкретной цели. Совершенствование и выработка технологии — творческий процесс. В основе «технологии» развития творческих способностей и выработки творческих решений должен лежать «стандарт» на нестандартные решения. Найти подобный «стандарт» пока никому, насколько известно, не удавалось. Похоже, что волшебного «сезам, откройся» в природе вовсе не существует. Однако нестандартные решения, связанные с внимательным и критическим рассмотрением всех условий, все же существуют. Так, любимая задача некоторых

психологов о переправе через реку двух человек в одноместном челноке изящно решается, если допустить, что наши путешественники подошли к ее разным берегам. Что ж, преодоление односторонности — один из способов отказа от стандартности...

¹ Овчинников Н. Ф. О цели и смысле творчества // Науч.-техн. прогресс и науч. творчество: Тез. к чтениям памяти акад. Б. М. Кедрова. Свердловск, 1988. Ч. 2. С. 4.

² Расколотые камни являются (даже при бессознательном применении) более эффективным орудием защиты и нападения, выступают прообразом простейших каменных орудий.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 194.

⁴ См. данные об опыте Венгрии: квалифицированным работникам предлагается на выбор до 10 рабочих мест, в то время как на одно освободившееся место подсобника претендуют до 10 человек. (Известия. 1989. 8 янв.)

⁵ Рассказывают, что некая весьма миловидная дама пыталась увлечь Бернарда Шоу перспективой появления потомства, наследующего ее красоту и ум великого сатирика. Он же посчитал такую перспективу не слишком надежной: а вдруг дети унаследуют физический облик отца, а ум матери?

В. И. КОПАЛОВ

Уральский университет

Л. Г. КОПАЛОВА

Свердловский инженерно-педагогический институт

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ РАЗВИТИЯ СПОСОБНОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ

В марксистско-ленинской теории личности немаловажное значение имеет исследование специфических характеристик, которые образуют ансамбль социальных свойств личности. К свойствам такого рода относятся и способности, которые, будучи психическими образованиями, являются результатом социального развития. К. Маркс и Ф. Энгельс утверждали, что «призвание, назначение, задача всякого человека — всесторонне развивать свои способности»¹. В этом смысле развитие способностей предстает как предметное развертывание сущностных сил человека.

Способности личности — область и предмет исследования психологии, педагогики, социологии и других наук. Но только философия может дать интегральное представление о сущности спо-

способностей: об их социальной обусловленности в процессе формирования личности, о творчестве как сфере реализации способностей, а также о соотношении социальных условий и природных факторов в формировании способностей.

На современном этапе критерием прогресса общества является его вклад в развитие личности. Иначе говоря, приоритетное развитие образования и науки сегодня определяет, а в перспективе в еще большей степени будет определять эффективность общественного прогресса. Следовательно, речь идет о необходимости создания такой социальной системы, которая в максимальной степени даст возможность раскрытия резервов, способностей, творческого потенциала личности. Как говорил А. де Сент-Экзюпери, надо создать такие условия, чтобы ни в одном человеке не погиб Моцарт.

Все это делает проблему способностей личности одной из актуальных, имеющих глубокий теоретический смысл и практическую значимость. С особой остротой вопрос о социальных свойствах личности встает в связи с нарастающими диспропорциями, проявляющимися в негативном отношении к труду и к дисциплине труда, в социальной пассивности, в пренебрежении общественными интересами, в инертности, застылости форм и методов управления, гипертрофированном разрастании бюрократизма. Эти тенденции объективно приводят к ухудшению «человеческого материала», к атрофии ряда социальных свойств, в том числе и способностей.

В теоретическом плане исследование способностей включает в себя систематическое рассмотрение их общественно-исторического развития, противопоставление диалектико-материалистической методологии их исследования современным немарксистским концепциям иррационального толка, авторы которых пытаются обосновать положение о решающей роли биологических факторов в развитии способностей личности. Подобные концепции игнорируют вопрос о социальной обусловленности и сущности способностей и тем самым стремятся доказать непреходящий характер социального неравенства людей.

Способности издавна считались наиболее таинственными свойствами человека. Факты выдающихся способностей, особенно в области науки и искусства, создавали впечатление исключительности носителей этих свойств. Видимое различие людей по способностям до сих пор обуславливает живучесть мнений, что способности — это врожденные свойства, счастливое сочетание генов, доставшееся определенному лицу. Чем определено различие в способностях людей? Где истоки способностей? Можно ли целенаправленно воспитывать талантливых людей? По нашему мнению, решение этих проблем необходимо начать с выявления противоположных методологических подходов.

В домарксистской философии проблема развития способностей человека рассматривалась в основном как выявление познавательных способностей. Согласно традиции, идущей от идеалистического направления античной философии, способности расценивались как свойства, источником которых является индивидуальное или божественное сознание. Еще Платон ввел в науку понятие способностей как врожденных свойств, обуславливающих социальное неравенство людей. По его мнению, одни рождены для управления государством, другие — для военного дела, а остальные — для ремесла и земледелия. Связывая существование этих сословий с потребностями государства, Платон, по выражению К. Маркса, осуществляет «афинскую идеализацию египетского кастового строя»². Классовый характер идеи о врожденном неравенстве способностей ясно виден не только в учении Платона, но и у его последователей.

Аристотель опирался на платоновские представления о способностях как потенциально данных внутренних свойствах человека, без которых внешнее воздействие не может произвести должного эффекта. Учение Аристотеля о душе, где он касается проблемы способностей, содержит важные положения, которые позволяют оценить его как основоположника научной психологии. Он подразделял способности на врожденные и приобретенные, указывал на взаимодействие способностей и неспособности, на связь способностей и деятельности человека³.

Эти идеи оказали влияние на философию Нового времени, которая ставит вопрос о методах познания способностей, о путях приобщения познающего индивида к «божественному интеллекту», о способностях как самосознании и интеллектуальной интуиции. Наряду с рассмотрением способностей как врожденных качеств человека утверждался тезис о способностях как свойствах, приобретенных в результате воспитания. Это направление было связано с процессом становления класса буржуазии, мыслители которой перенесли акцент в проблеме человека и его способностей на социальную среду, на воспитание, что было высоко оценено К. Марксом. С гносеологической стороны это понимание проблемы было обосновано Д. Локком, а в философско-историческом плане — Гельвецием и другими французскими материалистами. Основной тезис Гельвеция сводится к следующему: «Неравенство умов есть результат известной причины, и эта причина — разница в воспитании»⁴. Искусство воспитания состоит в том, чтобы ставить людей в условия, при которых в полной мере развились бы задатки их ума и добродетели. Отрицая врожденный характер идей, Гельвеций полагал, что ум и талант являются чем-то благоприобретенным. В связи с этим он саркастически замечает, что «тезис о врожденном характере идей мешает успехам науки о воспитании и поощряет леность и небрежность»⁵.

Воззрения Гельвеция и французского материализма в целом явились шагом вперед в постановке и решении проблемы способностей. Отрицая понимание способностей как врожденных свойств человека, материалистическая философия отвергает основные постулаты религиозной философии и придает исследованию проблемы ярко выраженную идеологическую направленность. Тем не менее решение проблемы приобретает противоречивый характер: мысль о развитии способностей под влиянием среды и воспитания дополняется идеалистическим пониманием общества и человека, взглядом на просветительство как единственно возможный путь развития способностей. Здесь пока нет и намека на исторический характер общественных отношений, обуславливающих развитие способностей личности. Дилемма врожденный — приобретенный характер способностей человека становится водоразделом между идеализмом и материализмом, между рационализмом и эмпиризмом.

Немецкая классическая философия перенесла рассмотрение проблемы в гносеологическую плоскость, развивая при этом идею активного характера человеческого познания. Кантовский дуализм в понимании человека стал основой для субъективно-идеалистической трактовки человеческого Я в учении Фихте. Для человеческой способности, по мнению Фихте, «быть» значит «осуществляться», т. е. быть действующим. Поэтому способность в одно и то же время есть то, что совершает действие, и продукт этого действия, действующее начало и результат этого действия⁶.

Дальнейшее развитие проблема способностей находит в философии Гегеля, согласно которому мышление предстает как субстанция всех человеческих способностей и сообщает всему человеческому его человечность. Если Кант стремился доказать, что познавательные способности индивида априорны, то Гегель показал обусловленность индивидуального познания всеобщими формами культуры и тем устранил основания гносеологической «робинзонады». Основной характеристикой человека является деятельность, которая позволяет понять его как целостное саморазвивающееся существо в единстве всех его способностей. Деятельность дает возможность не только зафиксировать «сводимость» различных способностей к общему знаменателю, но и объяснить их специфику. «Человек по своему непосредственному существованию есть само по себе нечто природное, внешнее своему понятию; лишь через усовершенствование своего собственного тела и духа, главным образом благодаря тому, что его самосознание постигает себя как свободное, он вступает во владение собою и становится собственностью себя самого и по отношению к другим. Это вступление во владение представляет собою, наоборот, также и осуществление, превращение в действительность того, что он есть по своему понятию (как возможность, способность, задаток)»⁷.

Обращение к деятельности сообщает гегелевской концепции объективные основания в отличие от эмпирического психологизма, фиксирующего отдельные проявления человеческой личности, и от натуралистического редукционизма, сводящего сущность человека к телесным, соматическим параметрам. «Отношение знания к объекту познания не есть, по Гегелю, отношение изолированного индивида... а отношение, осуществляемое индивидом через общественно-объективированные и всеобщие формы культуры, через уже сложившиеся в объекте совокупные продукты человеческой деятельности, пропущенные через „сито“ исторически кристаллизующегося „культурного фонда“ человечества»⁸. Хотя Гегель идеалистически логизировал этот процесс, тем не менее он заложил основы для научного диалектико-материалистического решения проблемы.

Во второй половине XIX в. проблема способностей становится объектом внимания психологической науки, на развитие которой оказали влияние представления о натуралистическом характере сущности человека. Речь идет прежде всего о биологизации и психологизации понимания развития общества и личности. На основании работ Ф. Гальтона, Ж. Гобино и Ч. Ломброзо возникли течения, которые пытались объяснить культурную и экономическую отсталость внеевропейских стран исходя из биологических и расовых особенностей народов этих стран. «Стремление буржуазных идеологов найти в самой природе основы или хотя бы предпосылки социальной структуры капиталистического общества, методологическая слабость некоторых мыслителей, не видящих качественных различий между природой и обществом, также обуславливает интерес к биологической интерпретации социального»⁹.

В современных немарксистских философских, социологических, психологических и педагогических концепциях биологизацию сущности человека и его способностей осуществляют неотрейдизм, социальная этология и социобиология. Так, классический фрейдизм, «возникнув в качестве средства лечения и объяснения невротических симптомов,— пишет Л. И. Божович,— спустя некоторое время стал рассматриваться Фрейдом и его сторонниками как метод, раскрывающий внутренний мир и поведение здоровых людей, а затем и всеобъемлющий принцип, объясняющий ход социального и культурного развития человечества»¹⁰. Рассматривая вопрос о способностях в сфере художественного творчества, Фрейд считал, что творчество есть результат сублимации, перевоплощения бессознательных влечений человека, в основе которых лежит половой инстинкт. Основываясь на данной методологической установке, Фрейд стремился объяснить творчество целого ряда выдающихся художников.

Современному фрейдизму также свойственно натуралистическое понимание сущности человека и его способностей. Э. Фромм рассматривает способность к прямохождению и речи, способность

рассуждать, воображать и любить как врожденные потенциальные способности, дремлющие в наследственной психике человека. «К сожалению,— пишет американский философ-марксист Г. Уэллс,— общественное мнение в Соединенных Штатах в отношении понятия врожденных способностей настроено таким образом, что мало кто ставит под вопрос адекватность преобразованного аристотелевского подхода к проблеме человеческих потенциальных способностей»¹¹.

Широкое распространение получили сейчас родственные фрейдизму биогенетические концепции человека и общественной жизни. К ним можно отнести исследования в области социальной этиологии, осуществляемые К. Лоренцем, Р. Ардри и др. Для социальной этиологии свойственно стремление перенести естественнонаучные методы исследования поведения животных на изучение поведения и свойств человека. «Мы не должны,— писал Р. Ардри,— ожидать слишком много от способности, приобретенной в результате научения, если она находится в противоречии с инстинктом. К сожалению, мы вообще не можем ожидать многого от человеческого разума, так как его главные усилия большей частью служат самообману»¹².

Концепция социобиологии связывает актуальные вопросы соотношения природного и социального с новым фактическим материалом из области биологии, генетики и нейрофизиологии. Однако решение вопроса о соотношении социального и биологического в социобиологии не может быть признано удовлетворительным. Основоположники социобиологии Э. Уилсон и Ч. Ламсен выделяют в качестве основного понятия «культурген» как единицу культуры. Они постулируют наличие четырех основных элементов культурной эволюции: способность учиться, способность к подражанию, способность к обучению и способность к созданию символов и абстракций. «Мы считаем,— пишут они,— что ключ к пониманию проблемы взаимодействия генетической и культурной эволюции лежит в понимании процессов онтогенетического развития мыслительных способностей человека и его поведения»¹³.

Различные варианты современного социал-биологизма, являясь идеалистическими по своим мировоззренческим основаниям, имеют вполне определенную идеологическую направленность. Это проявляется в стремлении объяснить социальные противоречия капиталистического общества неизменной природой человека, а также отождествить социально-экономические и культурные различия с расовыми. Расистские тенденции находят преломление в такой интерпретации умственных способностей, согласно которой слабо развитые умственные способности свойственны низшим расам и социально-экономическим слоям населения. На основе этих положений строится политика в системе образования в некоторых капиталистических странах.

Немарксистские педагогика и психология, утверждающие врожденный характер способностей, определяют соответствующие методики, применяемые в системе образования. Суть этих методик состоит в стремлении измерить умственные способности учащихся количественными методами с помощью стандартизованных тестов. Первоначально работы по созданию тестов, начатые во Франции Бине и Симоном, имели целью выявление детей, не соответствующих существующей системе образования. Создатели тестов исходили из того, что интеллект — врожденная способность и что уровень интеллектуальных способностей задан изначально. Один из основоположников тестов «коэффициента интеллекта» А. Дженсен считал, что бессмысленно обсуждать вопрос о том, что представляет собой интеллект. Вместо этого можно принять операциональную установку и определить интеллект путем измерения. Выводимый отсюда «коэффициент интеллекта» и есть мера способностей человека. Исходя из результатов этих тестов, детей сортируют по школам трех типов от высшей до низшей¹⁴.

Тесты как методика экспериментальной психологии и педагогики, по-видимому, не могут отрицаться, но необходимо их адекватно интерпретировать и видеть границы корректности их употребления. Выявляя посредством тестов различный уровень способностей, психологи, по существу, измеряют приобретенный интеллект, а не врожденную способность. «Каждая форма классового общества, будучи установленной, всецело полагалась на концепцию о врожденности и неизменности природы человека, оправдывая ею свою собственную конкретную структуру, — подчеркивал Г. Уэллс. — Доктрина врожденности человеческих способностей доказала на деле, что она является высокоэффективным идеологическим оружием защиты целого ряда социальных организаций на протяжении по меньшей мере двух тысяч лет»¹⁵. В целом антропологизм, отрицание социальной детерминации способности человека характерны для современных немарксистских концепций, утверждающих идеи расового и социального неравенства.

Принципиально иной методологический подход в понимании способностей человека был у К. Маркса и Ф. Энгельса. Они обосновали новое понимание природы и сущности человека, выявили факторы, определяющие развитие общества в целом, отдельного индивида, а следовательно, и его способностей. В связи с этим необходимо более подробно остановиться на взглядах К. Маркса и Ф. Энгельса. Основоположники марксистской философии исходили из социальной сущности человека. Тем не менее они сохранили позитивные идеи предшествующих философских направлений, прежде всего идею о влиянии среды и воспитания на развитие свойств человека (французский материализм), идею активного отношения человека к миру и обусловленности индивидуальных свойств всеобщими формами культуры (немецкая классическая

философия). Однако эти положения были не просто включены в новую систему мировоззрения, а преобразованы в соответствии с материалистическим пониманием истории. Влияние среды было представлено в качестве определенной системы социальной детерминации, и в первую очередь выявлена роль общественных отношений в формировании социальных свойств личности. Активное отношение понималось как практически-духовное освоение действительности человеком в его деятельности, а обусловленность индивидуальных свойств всеобщими формами культуры в марксизме представлена как диалектическое единство личности и общества, индивидуального и общественного сознания, как принцип сведения индивидуального к социальному.

В работах «Экономическо-философские рукописи 1844 года», «Немецкая идеология», «Капитал» понятие способностей не только широко используется, но и характеризуется в связи с социальной сущностью человека, его становлением и развитием. К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали способности в определенной системе социальной детерминации: социальная сущность человека, деятельность, общественные отношения, роль труда в формировании способностей, социально-классовый характер разделения труда и его влияние на развитие личности, значение системы образования и, наконец, роль социальных потребностей общества в формировании способностей личности.

В отличие от предшествующих мыслителей, представляющих разум или чувственность сущностью человека, К. Маркс и Ф. Энгельс за эмпирически видимым многообразием единичного — множеством различных черт, качеств, интересов людей — сумели выделить их всеобщую, а именно общественную, сущность. Сущность человека и его индивидуальное бытие не являются чем-то различным. «Общественная история людей есть всегда лишь история их индивидуального развития, сознают ли они это или нет»¹⁶. Индивид выступает в качестве индивидуализации определенного социального положения, определенной социальной функции. Развитие индивида зависит всецело от богатства его общественных отношений; они есть та основа, на которой только и возможно становление индивидуальности как сочетания своеобразных черт и качеств индивида. Способности как универсальные потенции носят социальный характер.

В характеристике способностей К. Маркс широко использует понятие «человеческая природа», обращая внимание на природность человека как его неотъемлемое качество. «Человек является непосредственно природным существом. В качестве природного существа, притом живого природного существа, он, с одной стороны, наделен природными силами, жизненными силами, являясь деятельным природным существом; эти силы существуют в нем в виде задатков и способностей, в виде влечений»¹⁷. Однако природное

в человеке, согласно К. Марксу, всегда выступает как историческое, связанное с социальным становлением человека. Рождение дает ему лишь индивидуальное бытие. Природная основа человека преобразуется в зависимости от исторически изменяющихся общественных отношений. «Мы должны знать, какова человеческая природа вообще и как она модифицируется в каждую исторически данную эпоху»¹⁸. Исторический процесс и есть непрерывное изменение человеческой природы. Следуя логике рассуждений К. Маркса, неверно останавливаться на постулировании способностей как природных сил. Несомненно, основоположники марксизма не отрицали значения природной основы человеческого существования, но отдавали приоритет в развитии человека общественным отношениям.

Развитие взглядов К. Маркса на сущностные силы человека тесно связано с исследованием труда как предметной деятельности. Индивид лишь в качестве субъекта деятельности становится личностью. Способности, потенции человека К. Маркс рассматривает как рабочую силу. Рабочая сила — это предпосылка труда и результат труда. «Под рабочей силой, или способностью к труду, мы понимаем совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости»¹⁹. Способности выступают как предпосылка, условие деятельности; труд, необъективированный в продуктах, существует в форме способности рабочего к труду. Труд является процессом, где не только участвуют уже имеющиеся физические и духовные способности, но и где они формируются. Присваивая производительные силы, созданные обществом, индивид развивает свои способности. «Для того чтобы преобразовать общечеловеческую природу так, чтобы она получила подготовку и навыки в определенной отрасли труда, стала развитой и специфической рабочей силой, требуется определенное образование и воспитание»²⁰. Развитие способностей к производству неразрывно связано с развитием способностей к потреблению, которое порождает способности производителя. Благодаря тому, что в созданном человеком предметном мире «застывает» богатство человеческих способностей, возможно развитие способностей индивида.

Характеристика процесса труда как сферы формирования и реализации способностей будет недостаточна, если не рассматривать конкретно-исторические этапы труда. Особенно четко прослеживается социальная зависимость развития способностей личности при анализе разделения труда, которое является основным фактором, определяющим развитие каждого человека. К. Маркс и Ф. Энгельс утверждали, что рабочие являются таковыми не в силу естественных различий с буржуа, что причина не в их индивидуальных особенностях и способностях, а в антагонистическом характе-

ре общественных отношений. Последствия антагонистического характера разделения труда ярко описывали и К. Маркс, и Ф. Энгельс. «Вместе с разделением труда разделяется и сам человек. Развитию одной-единственной деятельности приносятся в жертву все прочие физические и духовные способности»²¹. Среди многочисленных качеств и дарований в рабочем культивируется одна только односторонняя сноровка. Мануфактура уродует его, превращая в частичного рабочего, а «духовные потенции материального процесса производства противостоят рабочим как чужая собственность и господствующая над ними сила»²². Результатом классово-антагонистического разделения труда является, по словам К. Маркса, «профессиональный кретинизм» как выражение однобокого, уродливого развития личности.

Из абстрактной возможности развивать в себе все богатство социальных свойств рабочий получает возможность существовать только в качестве рабочего. Принадлежность к определенному классу в значительной мере предопределяет развитие способностей индивида. Эти границы предстают как внешние, случайные для конкретного индивида, они не зависят от его воли, но в качестве господствующих общественных отношений властвуют над ним и определяют его жизненный путь. Сюда относятся как социально-классовая принадлежность индивида, так и соответствующая ей система образования и воспитания личности.

В рамках этой концепции проблема талантливости, одаренности может быть решена только в плане соотношения индивидуального и социального. К. Маркс и Ф. Энгельс писали по этому поводу: «Исключительная концентрация художественного таланта в отдельных индивидах и связанное с этим подавление его в широкой массе есть следствие разделения труда»²³. Поэтому рассуждения о прирожденных поэтах, музыкантах, философах они называли бессмысленной болтовней, подчеркивая социальный характер развития личности, даже таких ее свойств, источник которых, казалось бы, сугубо индивидуален. Социальные условия порождают спрос, общественную потребность в определенных способностях индивида. Эта потребность и определяет переход способностей из области возможного в область действительного. На зависимость появления таланта от общественных потребностей указывал Г. В. Плеханов, который утверждал: «Таланты появляются всюду и всегда, где и когда существуют общественные условия, благоприятные для их развития»²⁴. Известно положение К. Маркса об обусловленности творчества художника, в частности Рафаэля, такими социальными детерминантами, как организация общества, разделение труда, а также достигнутыми техническими успехами в искусстве, т. е. уровнем развития данной сферы деятельности.

Следовательно, в трудах классиков марксистско-ленинской философии мы находим методологические основания для анализа

способностей. Рассматривая способности как социальные свойства в связи с существенными силами человека, они подчеркивают исторический характер их формирования и развития, показывают их связь с общественными потребностями.

На основе марксистско-ленинской методологии осуществляется дальнейшая разработка проблемы способностей в советской философской и психологической науке. В психологическом аспекте способности рассматриваются преимущественно как психические образования наряду с такими, как характер, воля, память. Они соотносятся с задатками как врожденными анатомо-физиологическими особенностями индивида. Психология фиксирует внимание на соотношении способностей с мышлением человека, на выделении способностей актуальных и потенциальных, общих и специальных²⁵.

Философско-социологический аспект проблемы заключается в рассмотрении способностей как одного из фундаментальных социальных свойств личности. В этом плане социологический аспект фиксирует внимание на социальной сущности способностей, на системе их социальной детерминации, на диалектике общественного и индивидуального в развитии способностей, на процессе целенаправленного формирования способностей личности под влиянием общественных потребностей. Естественно, что абсолютного водораздела между социологическим и психологическим аспектами проблемы нет. Тем не менее необходимо отметить, что психологические исследования служат содержательной базой, на основании которой можно более продуктивно раскрыть сущность философско-социологического аспекта изучения способностей.

Большой вклад в исследование способностей внесли советские психологи Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев и А. Р. Лурия. Проведенные ими экспериментальные исследования «убедительно показали, что структура познавательной деятельности на отдельных этапах исторического развития не остается неизменной и что важнейшие формы познавательных процессов — восприятие и обобщение, умозаключение и рассуждение, воображение и анализ своей внутренней жизни — имеют исторический характер и меняются с изменением условий общественной жизни и овладением основами знаний»²⁶.

Принцип социально-исторической обусловленности сознания человека и его способностей требовал четкой формулировки важнейших факторов, детерминирующих индивидуальное развитие, уточнения категориального аппарата и дополнительных экспериментальных исследований. Эти проблемы выявились с полной определенностью в дискуссии о способностях, которая развернулась в конце 50-х — начале 60-х гг. Ключевыми явились вопросы о детерминации способностей, их социальной обусловленности, о соотношении природного и социального. В ходе обсуждения различные точки зрения были высказаны А. Н. Леонтьевым и С. Л. Рубинш-

тейном. Оба они исходили из общей позиции, что способности человека имеют общественно-исторический характер и опосредованы его деятельностью. Различия в их взглядах касаются механизма социальной детерминации психики человека, соотношения внешних и внутренних факторов, биологического и социального.

А. Н. Леонтьев предложил разделить способности на два рода: природные, биологические в своей основе, и специфически человеческие, общественно-исторические по своему происхождению. Природные способности связаны с врожденными задатками, под которыми понимаются анатомо-физиологические особенности индивида. Под способностями второго рода понимаются свойства, онтогенетически формирующиеся в деятельности. Они развиваются в процессе присвоения отдельным индивидом продуктов, созданных обществом. При этом особо подчеркивается роль культурной детерминации в формировании психических способностей людей. «Человеческие способности представляют собой подлинные новообразования, формирующиеся в его индивидуальном развитии, а не выявление и изменение того, что заложено в нем наследственностью»²⁷.

В историческом развитии человеческие способности воплощаются в достижениях материальной и духовной культуры. Поскольку становление человеческих способностей происходит в процессе усвоения индивидом общественно-исторического опыта предшествующих поколений, то этот опыт, по мнению А. Н. Леонтьева, лежит не внутри, а вовне — во внешнем объективном мире. Руководствуясь замечаниями К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что присвоение определенной совокупности орудий производства равносильно развитию определенной совокупности способностей у самих индивидов, А. Н. Леонтьев последовательно проводил идею онтогенетического развития как присвоения психических сил и способностей, заключенных в общественно значимых предметных формах. Следовательно, человеческая психика, свойства и способности человека являются продуктом общественно-исторического развития, т. е. социальная детерминация является решающей.

Иначе оценивал роль природного компонента способностей — задатков — С. Л. Рубинштейн, который не был согласен с предложенным А. Н. Леонтьевым разделением способностей на природные и собственно человеческие. Он выдвинул принцип детерминации психического, согласно которому внешние причины воздействуют через внутренние условия. С. Л. Рубинштейн считал, что «способности не могут быть просто насажены извне, что в индивиде должны существовать предпосылки, внутренние условия для их органического роста и, с другой стороны, что они не predetermined, не даны в готовом виде до и вне всякого развития»²⁸. Формирование способностей происходит на основе задатков как анатомо-физиологических особенностей человека, прежде всего

центральной нервной системы. При этом С. Л. Рубинштейн различал врожденные и наследственные задатки, и если врожденные могут быть приобретены в эмбриональный период, то вторые включают то, что передается индивиду от его предков.

Позиции ученых в данной дискуссии, с одной стороны, направлены против биологизаторских концепций человека и его способностей, с другой — против вульгарно-социологического подхода с его схемой «какова среда — таков и человек».

Социальная обусловленность способностей человека может быть проанализирована на различном конкретно-историческом материале. Обращение к антропогенезу свидетельствует о решающем значении социального фактора. Прямохождение, человеческая рука, речь, эмоции сформировались в процессе труда. Сама природа человека есть продукт истории. Речь, язык являются родовой способностью человека, которая связана не только с анатомически специфической формой речевого аппарата, но и прежде всего с развитием общения, общественно-трудовых отношений людей. Конкретные языки очень разнообразны (сейчас их насчитывается 2500), но все они носят ненаследуемый характер. «Все люди обладают общей генетической приспособленностью мозга к общению символами — речью, однако, какова будет конкретная речь (и будет ли, добавим), целиком определяется воспитанием. Сколько бы тысячелетий предки данного человека ни говорили на определенном языке, это не записывается в генах»²⁹.

То же самое можно сказать и об эмоциях человека. Физиологическая основа чувств, эмоциональных реакций не может не быть одинаковой, но мы видим их огромное отличие от эпохи к эпохе, от культуры к культуре. Социокультурные нормы, на которые ориентируется индивидуальное поведение, носят исторический характер. В чувстве любви врожденный фактор составляет необходимый элемент, но лишь его соединение с социальными формами может породить любовь как сугубо социальное чувство, как общечеловеческую способность. «Люди любили во все времена, но каждая конкретная историческая среда придавала любовным отношениям известную форму: какие понятия и представления выражали эти отношения, с какими социальными институтами и как они были соотносены, что полагалось об этом говорить и о чем говорить не полагалось, какие знаки и символы использовались для культурной фиксации любовных чувств и желаний, как было принято знакомиться, ухаживать... жениться, какие тут существовали стереотипы и стереотипные отступления от стереотипов и т. д.»³⁰

Известны ситуации, когда органические структуры мозга сохранены, но способности и вообще человеческая психика не формируются. Слепоглухота, врожденная или приобретенная в раннем детстве, является причиной этого. Только благодаря общению с людьми, совершаемому по определенной методике, удастся

сформировать в подобных случаях человеческую психику. И. А. Соколянскому и А. И. Мещерякову удалось посредством созданной ими методики доказать, что дело не в озарении, не в чуде, а в большой воспитательной работе. Социальный эффект воспитания перекрывает действие неблагоприятных биологических факторов.

Этот «жестокий эксперимент», осуществленный самой жизнью, с полной очевидностью демонстрирует социальную сущность психических свойств, которые активно формируются в каждой личности. Но если по отношению к здоровому человеку целенаправленный характер формирования психики до некоторой степени скрыт, ибо оно осуществляется во многом в повседневном процессе активного деятельного общения, основывается на методике, выработанной многими поколениями, то в отношении слепоглухонемых детей целенаправленный характер культивирования социальных свойств личности всегда в центре внимания, так как традиционные методы здесь уже не работают. «Ни на бога, ни на природу тут надеяться нечего: натуралистические иллюзии в этом решающем пункте дезориентируют педагога ничуть не меньше, чем надежды на "божественные", "трансцендентальные" причины рождения таких психических явлений, как совесть, чувство собственного достоинства, уважение к личности другого человека и им подобные качества»³¹. Поэтому проблемы, которые решает тифлосурдопедагогика, предстают как философские, методологические, связанные с пониманием сущности, общих условий и механизмов формирования человеческих способностей.

К числу биологических факторов, обуславливающих развитие способностей, иногда относят расовую и национальную принадлежность. Тот факт, что среди людей одной национальности больше ученых, выдающихся деятелей, чем среди другой, объясняют различной расовой одаренностью, обусловленной биологически. Американские социологи заинтересовались таким фактом: почему процент евреев-иммигрантов, получивших среднее и высшее образование, значительно выше, нежели итальянцев, хотя возможности получения образования приблизительно одинаковы. Оказалось, что родители по-разному относятся к достижению поставленных жизненных целей. Итальянцы не будут огорчены, если дети не получат образования, а евреи чувствовали себя обязанными преуспеть, чтобы не огорчать родителей. К тому же среди итальянских иммигрантов преобладали крестьяне из южных районов Италии, где интеллектуальные интересы не были основными. Семьи же второй группы — преимущественно выходцы из городской мелкобуржуазной среды, лучше подготовлены к условиям конкуренции и иначе относятся к образованию. Дело, следовательно, не в различии природных способностей, а в различии ценностных ориентаций, истоки которых социальны³².

Выводы, которые сделал комитет ЮНЕСКО по проверке умст-

венных способностей представителей различных рас, были таковы: «Везде, где удавалось выравнивать различия, обусловленные влиянием среды, тесты показывали существенное сходство умственных черт всех человеческих групп»³³. Поэтому различные варианты концепций редукционизма, социобиологизма, объясняющие способности расовыми и национальными особенностями, оказываются несостоятельными, чреватые реакционными идеологическими выводами.

Неубедительными выглядят попытки доказать наследуемость выдающихся способностей — таланта, одаренности — путем исследования родословной поэтов, ученых, художников. Мы снова сталкиваемся с рецидивами идеи о врожденном характере способностей. На наш взгляд, можно согласиться с мнением Э. В. Ильенкова, что этот «"наукообразный предрассудок", обряженный цифрами статистики, разукрашенный терминами генетики и физиологии высшей нервной деятельности и "учеными" рассуждениями о "врожденных церебральных структурах", якобы заранее предопределяющих меру талантливости человека, просто-напросто клеветнически взваливает на природу (на гены) вину за крайне неравное распределение условий развития между людьми в классовом обществе»³⁴.

Генная программа человека очень разнообразна, люди различаются и по типу нервной системы, и по свойствам темперамента. Но все эти индивидуальные различия окажутся несущественными, если индивид не будет включен в систему общественных отношений и деятельности. Человек не обладает двойственной природой, некой «биосоциальной сущностью», биологические факторы проявляются в снятом виде под влиянием факторов социальных. На всяком генетическом основании, за исключением патологии, может быть сформирована полноценная личность. Изучение биологического компонента способностей — задатков — является, по нашему мнению, предметом частнонаучного, а не философского исследования³⁵.

В соответствии с вышеизложенными методологическими основаниями необходимо поставить вопрос об определении способностей. Имеющиеся в современной науке подходы к определению способностей можно свести к следующим группам.

1. Способности представляют собой социальные качества человека, его «актуальные потенциальности». Этот подход связывает способности с сущностными силами человека и фиксирует внимание на общих способностях человека. Подобное понимание способностей развивает в своих работах Л. Сэв³⁶.

2. Способности — психические свойства, индивидуальные особенности, являющиеся необходимым условием успешного выполнения какого-либо вида деятельности. В рамках этого подхода выражен психологический аспект их исследования и в основном рас-

смаатриваются специальные способности. Эта позиция нашла выражение в трудах Б. М. Теплова, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, К. К. Платонова и других советских психологов.

По нашему мнению, способности — интегральные личностные свойства, являющиеся индивидуализированным выражением сущностных сил человека и обусловленные деятельностью и общественными отношениями. Этот подход предполагает связь общего, особенного и единичного в проблеме способностей. С этой позиции можно дать исчерпывающее представление о способностях, основанное на анализе социальной сущности человека, деятельности и того культурного контекста, в котором развивается личность. С позиции социологического аспекта исследования определить способности можно исходя из следующих оснований: способности есть социальные свойства человека, индивидуализированное выражение его сущностных сил; способности — сочетание природных задатков индивида (типа нервной системы, особенностей темперамента) и социальных свойств личности, знаний, умений, навыков, обладающее индивидуальной неповторимостью; способности могут быть представлены одновременно как общие (родовые), выражающие социальные потенции личности, и как частные (профессиональные), связанные с успешным выполнением какого-либо вида деятельности.

Основоположники марксизма, рассматривая способности в связи с сущностью человека, противопоставили свою методологию натуралистическим концепциям, с позиции которых человек предстает как асоциальное существо, как абстрактный индивид. Методологические основы исследования способностей с позиции марксистско-ленинской философии заключаются в выявлении решающего значения социальных факторов, прежде всего деятельности и общественных отношений. В этом плане соотношение биологического и социального преломляется как соотношение возможности и действительности, задатков и способностей. Поэтому необходимо вскрыть реальные механизмы, посредством которых осуществляется превращение социальных возможностей в разнообразные индивидуальные свойства, в том числе и способности.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 282.

² Там же. Т. 23. С. 379.

³ См.: Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 1. М., 1975. С. 162, 308.

⁴ Гельвеций. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1974. С. 68.

⁵ Там же. Т. 1. С. 478.

⁶ См.: Фихте И. Г. Избранные сочинения. Т. 1. М., 1916. С. 72.

⁷ Гегель. Сочинения. Т. 7. М.; Л., 1934. С. 81.

⁸ Мамардашвили М. К. Формы и содержание мышления. М., 1968. С. 57.

⁹ Корнеев В. П. Категория социального в философской антропологии // Филос. науки. 1978. № 4. С. 169.

¹⁰ Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968. С. 56—57.

- ¹¹ Уэллс Г. Крах психоанализа. От Фрейда к Фромму. М., 1968. С. 251. Следует отметить, что позднее, развивая свою концепцию отчуждения и его преодоления, Э. Фромм значительно изменил трактовку формирования свойств человека. (См.: Фромм Э. Иметь или быть? М., 1986. С. 190—194.)
- ¹² Цит. по: Холличер В. Человек и агрессия. М., 1975. С. 16.
- ¹³ Цит. по: Игнатьев В. Н. Социобиология человека: «Теория генно-культурной козволюции» // Вопр. философии. 1982. № 9. С. 135.
- ¹⁴ См.: Лолер Д. Коэффициент интеллекта, наследственность и расизм. М., 1982. С. 34—35.
- ¹⁵ Уэллс Г. Указ. соч. С. 245.
- ¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 27. С. 402—403.
- ¹⁷ Там же. Т. 42. С. 162—163.
- ¹⁸ Там же. Т. 23. С. 623.
- ¹⁹ Там же. С. 178.
- ²⁰ Там же. С. 182—183.
- ²¹ Там же. Т. 20. С. 303.
- ²² Там же. Т. 23. С. 374.
- ²³ Там же. Т. 3. С. 399.
- ²⁴ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: В 5 т. Т. 2. М., 1956. С. 329.
- ²⁵ См.: Теплов Б. М. Психология индивидуальных различий // Избр. тр.: В 2 т. Т. 1. С. 15—41; Платонов К. К. Структура и развитие личности. М., 1986. С. 145—157; Артемьева Т. И. Проблемы способностей: личностный аспект // Психол. журн. 1984. № 3; Губанов Н. И., Царегородцев Г. И. Биологическая и социальная детерминация способностей (методологические аспекты) // Филос. науки. 1988. № 2.
- ²⁶ Лурия А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов М., 1974. С. 163.
- ²⁷ Леонтьев А. Н. О формировании способностей // Вопр. психологии. 1960. № 3. С. 10.
- ²⁸ Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М., 1976. С. 222.
- ²⁹ Дубинин Н. П., Шевченко Ю. Г. Некоторые вопросы биосоциальной природы человека. М., 1976. С. 21.
- ³⁰ Баткин Л. М. Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. М., 1978. С. 115.
- ³¹ Ильенков Э. В. Становление личности: к итогам научного эксперимента // Коммунист. 1977. № 2. С. 77.
- ³² См.: Кон И. С. К проблеме национального характера // История и психология. М., 1971. С. 153.
- ³³ Там же. С. 140. См. также: Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. М., 1977. С. 233—245; Селье Г. От мечты к открытию: Как стать ученым. М., 1987.
- ³⁴ Ильенков Э. В. Указ. соч. С. 77.
- ³⁵ Весьма оригинальной является позиция известного генетика В. Эфроимсона, который, анализируя природу гениальности на огромном фактическом материале, фиксирует черты подобия, свойственные крупным ученым, художникам, политическим деятелям,—высоколобость, заболевание подагрой и т. д. Однако эти черты, скорее всего, есть результат напряженной интеллектуальной деятельности, следствие, своего рода расплата за талант и гениальность. (См.: Эфроимсон В. Загадки гениальности // Наука и религия. 1987. № 8—10; 1988. № 2.)
- ³⁶ См.: Сэв Л. Марксизм и теория личности. М., 1972. С. 442—444.

САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФОРМИРУЕТ ТВОРЦА

К педагогике, пожалуй, в наибольшей мере применима мысль Гегеля о том, что суть дела исчерпывается «не своей целью, а своим осуществлением, и не результат есть действительное целое, а результат вместе со своим становлением»¹, ибо процесс достижения цели запечатлевается и «застывает» в содержании достигнутого. Путь к истинной цели воспитания сам должен быть истинным. В противном случае, при благих намерениях, но не благих средствах, созидаются не храмы, а казармы, не модельные личности, открытые для живого диалога и сотворчества, а безликие агенты — «винтики» социальной машины с ее хозяйственным «механизмом», «рычагами» управления и прочими «шестернями», ведущими и ведомыми. Постоянное провозглашение целостно развитой личности как цели воспитания при растущем отчуждении молодежи от самостоятельности, от наследия классиков отечественной и зарубежной культуры не приближало к этой цели ни учащихся, ни педагогов. Путь, якобы ведущий к намеченной цели, формировал иные качества, порой прямо противоположные ожидаемым.

Командно-авторитарная педагогика тем и губительна, что в ее рамках учащиеся отчуждаются от самостоятельности и самоопределения, передают эти полномочия внешним инстанциям, у них атрофируется способность к новаторству в мыслях и делах. Эту способность студенты начинают воспринимать как достояние классиков науки, искусства, философии, как привилегию кафедр, различных комитетов. Даже собственная самостоятельность нередко представляется им как подозрительное инакомыслие, как небезопасный выход за некую «священную грань», за «красные флажки». С другой стороны, личность студента функционирует в таком педагогическом комплексе как «управляемая подсистема», как теннисный шарик, траекторию которого определяют педагоги-начальники, разного рода системы и методы воспитания. При этом все ставится с ног на голову: не педагогика служит свободному развитию студентов, а студенты служат ей как подтверждение кабинетных новаций — подходов «системных», «комплексных», «интегральных». Сами студенты и не ведают об этих новациях, ведь педагогическая наука разрабатывается и внедряется вообще без их участия. Вот эта логика определения извне парализует их самостоятельность, низводит их до исполнителей и формирует статичные схемы мысли и поведения. Речь, разумеется, идет не о намеренных кознях педагогов-«бюрократов», а о прочно сложившейся системе, закреплённой административными циркулярами,

стереотипными требованиями, недемократичным распределением полномочий между преподавателями и студентами.

Выход за пределы такой системы, очевидно, произойдет в первую очередь в сфере вузовской педагогики и только при товарищеской кооперации усилий студентов и преподавателей как единомышленников и членов единого коллектива без деления на «они» и «мы». Сегодня пробивает себе дорогу педагогика сотоварищества, сотрудничества, проектирующая и взращивающая самодетельную личность через сотворчество в коллективе. Она организована иной логикой — логикой самоопределения. Приказ Государственного комитета СССР по народному образованию № 685 — хорошая основа для такой педагогики. Он дает широкую возможность для индивидуализации мастерства и творческого поиска преподавателя и студента, для их сотворчества на спецкурсах, индивидуальных занятиях. Традиционные лекции и семинары со временем могут превратиться в условия и предпосылки для главного момента учебного и научного процесса в вузе — индивидуальной работы со студентами.

Творческая самодетельность и есть верный путь воспитания не только «всесторонне развитой» личности, но и *субъекта* социального творчества. «Всесторонность» акцентирует количественную, экстенсивную сторону, многие умения, субъект же — качественную, интенсивную, способность к самоопределению и нормотворчеству, суверенность при выборе и принятии решений, умение брать на себя *полномочия* и порождать новые *причинные* ряды в социальной реальности.

Человекотворческая суть самодетельности глубоко раскрыта классиками философии Кантом и Фихте, Гегелем и Марксом. Логическим выражением социальной самодетельности явилась философская диалектика. Однако из лексикона советской философии категория самодетельности исчезла на долгие годы по вполне понятным причинам. В результате гуманитарные и общественные науки лишились основополагающего понятия и в них возобладала логика определения извне, заимствованная из естественных наук и весьма удобная командной системе управления². В наше переломное, революционное время фундаментальное исследование самодетельности является остроактуальным. Теория самодетельности могла бы трансформироваться в эффективную социальную политику и привести к радикальному обновлению понятийного аппарата, в частности, педагогики и психологии.

Теоретики научного социализма понимали самодетельность на формационном уровне как общую форму коммунистического созидания, а социальные институты — как органы самодетельности народа. В прежние периоды «самодетельность и производство материальной жизни были разделены... они являлись уделом

различных лиц, и производство материальной жизни еще считалось... второстепенным видом самостоятельности»³. Они предвидели превращение материальной жизни общества в «полную, уже неограниченную самостоятельность»⁴. К. Маркс развил положения о человеке как «самоустремленном» существе и о труде как «самоосуществлении, предметном воплощении субъекта, стало быть, как действительной свободе, деятельным проявлением которой как раз и является труд»⁵. В актах самоосуществления человек переводит свою сущность в действительность, побуждаемый не внешними факторами, а существеннейшей потребностью «дать себе через себя самого объективность в объективном мире и осуществить (выполнить) себя»⁶. Здесь разрешается противоречие между опредмечиванием и самоутверждением человека. Самостоятельность и является адекватной формой самоосуществления, живым бытием свободы, порождением самобытной общественно-интересной новизны, т. е. творчеством.

Понимание коммунизма как общества самостоятельности было развито В. И. Лениным. Суть его работ периода социалистического созидания заключалась в идее социализма живого, творческого, как создания *самого* народа. Они были пронизаны единой мыслью — «если не поднять массы на самостоятельность, ничего не выйдет»⁷. В. И. Ленин ни в коей мере не толковал самостоятельность как привилегию «творческой интеллигенции», не принижал ее уровень до «кружков» самостоятельности. Его мысль была куда серьезней. Он писал о «самостоятельности масс в рабочей кооперации»⁸, о «самостоятельности солдатской массы»⁹ в установлении мира, о «развитии самостоятельности рабочих и трудящихся крестьян в области просвещения»¹⁰, в сфере учета, контроля, регулирования всего производства и распределения¹¹.

Принципиально пересмотрев свое воззрение на «военный коммунизм», он стал развивать радикально новую концепцию социализма, который превосходил бы капитализм общественными отношениями, просторными для самостоятельности ранее угнетенного народа. Политическая стратегия представлялась ему в «критический период» довольно ясно: государство и иные социальные институты призваны стать теми органами, посредством которых победивший в революции народ присваивает ранее отчужденное от него общественное достояние — собственность, власть, культуру. А такое присвоение возможно только при всеобщей («тотальной») самостоятельности; оно неизбежно ведет к возрастанию роли не государства и тем более не политических партий, а новой общественности — органов общественного самоуправления. Задача же партии и государства состоит не в том, чтобы все держать в кулаке, всем командовать и все решать, а в неуклонном возвышении все новых и новых миллионов трудящихся до субъектов социального творчества путем соответствующего рас-

пределения *полномочий*, позволяющих развернуть самостоятельность людей труда. Новый, демократический, баланс полномочий осуществим на пути к *реальному социальному равенству*, которое включает в себя равенство экономическое (в отношении собственности) и политическое (перед законом).

Из этой стратегии вытекала мысль В. И. Ленина о строе цивилизованных кооператоров, которые становятся субъектами собственности, т. е. владеют, распоряжаются, пользуются как средствами производства, так и произведенным общественным продуктом. Благодаря экономической самостоятельности они становятся самостоятельными и политически, т. е. осуществляют свою коллективную волю через разветвленную систему политических и общественных организаций, устанавливают баланс полномочий. Главное в ленинской мысли о кооперировании состояло не в самой форме кооперации, а в ее содержании — на деле утвердить равенство всех в отношении собственности. Такая мера явилась бы историческим итогом долгой социальной борьбы за общественное равенство.

Это равенство сегодня вызывает у ряда авторов крайне негативную оценку как некая заоблачная мечта. Поэтому поясним суть дела. Первоначальные христиане грезили о духовном равенстве всех перед Богом. Буржуазия в борьбе с феодальными привилегиями утвердила формальное политическое равенство перед законом, т. е. правовое государство. Классики научного социализма обоснованно полагали, что политическое равенство при неравенстве экономическом остается сплошь и рядом фразой. Поэтому они настаивали на равенстве и экономическом, которое многие сегодня понимают упрощенно, как унылую уравниловку, как заблуждение вульгарного коммунизма. Такое понимание на редкость непоследовательно. Ведь все признают, что равенство перед законом есть политическое условие преодоления феодальных привилегий и необходимая предпосылка демократии, многообразных политических и идеологических течений, плюрализма и т. п. Политическое равенство отвергали в свое время лишь владельцы феодальных привилегий.

Экономическое же равенство является основой многообразных форм хозяйствования: на уровне личном, групповом, государственном. Скажем, социалистическое государство предоставляет всем гражданам права владения, распоряжения, пользования общественным достоянием в виде кооператива, подряда и пр., регулируя на договорной основе взаимоотношения между субъектами экономической деятельности путем налога и другими экономическими мерами, а не жесткой разверсткой планов, диктатом и т. д. В последнем случае ни о каком экономическом равенстве не может быть и речи, так как функции владения и распоряжения будут целиком принадлежать административно-управленческому

аппарату. Только при растущем экономическом равенстве возможны действительное политическое равенство, подлинная демократия, гласность, личная инициатива, разумный баланс прав и обязанностей аппарата и тех, кто непосредственно производит общественный продукт — материальный и духовный.

Равенство экономическое и политическое ведет в итоге к равенству *социальному*. Решающий *классовый* приоритет социализма как раз и состоит в развитии таких технологических, экономических, социальных и политических структур, которые через новую кооперацию общественного труда работают на *социальное равенство*. При таком равенстве различия в специальностях уже не ведут к многообразным социальным привилегиям и каждая личность, а не только группа избранных «счастливчиков» имеет общественные условия для свободного и целостного развития своих способностей, а значит, и потребностей. Иными словами, социальное равенство — это то, *ради чего* и возникло коммунистическое движение и без чего оно выдыхается, теряет привлекательность для рабочих и крестьян и вырождается в напыщенную фразу о надклассовых ценностях. Речь опять же идет не об уравниловке, стесывающей подчистую личное своеобразие и талант, не о равенстве *индивидуальных способностей* (над чем хихикали эпигоны), а исключительно о равенстве общественных возможностей для целостного развития каждой личности, о чем мечтали и все угнетенные, и лучшие умы человечества.

Социальное равенство — высшая форма социальной справедливости. В нем классовый пролетарский интерес совпадает со всечеловеческим: свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех. Таким образом, классовый интерес рабочих, крестьян является общечеловеческим по содержанию, но классовым по форме его осуществления. В данном случае классовость означает не очередную «чрезвычайщину» и принудилровку, а налаживание общественной связи, просторной для свободного развития *всех, а не только элитных слоев и групп*. Вот этим «не только» и отличается марксистская позиция от ревизионистской и откровенной буржуазной в толковании приоритета «общечеловеческих ценностей». Вот этого-то и не понимают те, кто сегодня отрицает классовый подход, толкуя его (то ли намеренно, то ли по незнанию) упрощенно, как реализацию интересов только рабочих и обязательно в ущерб интеллигенции, как «жуткий сталинизм»! Движение к реальному социальному равенству и есть конкретное воплощение общечеловеческих ценностей, ясный ориентир в определении того, насколько соответствуют идеям коммунизма преобразования в социальной, экономической, политической сфере. В последовательном проведении этого критерия и состоит суть классового подхода и политического руководства. Ничего «кровавого» и «сталинистского» здесь нет и в помине.

Наоборот, неприятности начинаются при отчуждении непосредственных производителей общественного продукта от собственности и власти. Тогда общественная собственность сменяется государственной, народовластие — властью аппарата. Первичным становится не интерес тружеников, а интерес многомиллионного административно-управленческого и партийного аппарата. Такое переворачивание с ног на голову, огосударствление всех сфер общества, сплошная бюрократическая регламентация всего и вся сковали самостоятельность людей. Монополия на владение и распоряжение ведет к монополии на управление, идеологию, информацию, культуру. Директор предприятия является, как правило, членом парткома, СТК и райкома партии, а также народным депутатом. Его статья автоматически помещается в заводскую многотиражку — орган не трудового коллектива, а аппарата (парткома, администрации и т. п.). Часть интеллигенции, профессионально занятой управлением, толкует государственные законы на местах в свою пользу и с крайним раздражением воспринимает суждения о необходимости классового подхода к общественным явлениям, предпочитая невнятные разговоры о надклассовых интересах и ценностях. И в то же время рассматривает рабочих как собственность административного аппарата, определяя, работать ли коллективу на подряде реальном или же мнимом, частичном. Она, конечно, за перестройку, но в пределах своей монополии на собственность и власть.

Мы намеренно подробно остановились на политико-экономических предпосылках самостоятельности в силу их особой важности. Задача данной статьи — раскрыть внутреннюю связь самостоятельности и формирования творческой индивидуальности, способностей личности.

В понимании способностей дает о себе знать логика определения извне: одни считают способности «искрой божией», другие — «даром» природы, третьи — продуктом общественных обстоятельств. Общим здесь является упор на детерминированность человека извне, а не на его самодетерминацию, самосозидание. Между тем способности есть *способы деятельности*, усвоенные личностью. А эти способы целиком, на сто процентов создаются людьми. И распределяет их между людьми не природа, а общественное разделение труда, закрепляя индивидов за разными родами, а значит, и способами деятельности. Так что отрицать влияние общественных условий не приходится.

Но здесь есть и иная сторона. Способами деятельности овладевает человек. И он не ограничивается их простым воспроизводством, повтором, но их развивает, становясь творцом. Творчество — это нормальный, не деформированный внешними обстоятельствами процесс моделирования человеком схем деятельности и общения, равно как и талант — это норма в развитии личности,

не изуродованной общественным разделением труда и не превращенной в «обрывок» человеческой целостности. Редкость талантов — это «самокритика» общества, точный показатель расщепления целостной человеческой деятельности на частичные функции, каждая из которых закрепляется за «одномерным» индивидом. В результате появляется ученый с моралью Смердякова, политик, глухой к искусству и красоте, и другие представители профессионального кретинизма. Творчество же целостно, оно есть «дружная кооперация», полифония всех продуктивных сил человека: разума и воображения, свободной воли и нравственных и эстетических чувств. Оно вспыхивает на ниве добра, человеческой солидарности, озабоченности интересами народа.

Творческие способности проявляются в умении разрешать реальные противоречия и тем самым обновлять схемы деятельности и общения, созидать общественно значимый продукт. За этим умением скрываются определенные социальные параметры, одним из которых является самодеятельность. Самодеятельность формирует творческие способности потому, что она есть, во-первых, свободная деятельность, направленная на перестройку самих схем, способов деятельности; во-вторых, порождает в сознании диалектическое мышление, что является неотъемлемым компонентом творчества; в-третьих, развивает свободное *самоопределение* лиц и коллективов, на котором зиждется творчество; в-четвертых, формирует через самоопределение целостную субъектность личности и коллектива; в-пятых, содействует общению, просторному для полной самореализации человека.

В самодеятельности изменение предмета подчинено целям «самоизменения» субъекта, исполнительство — творчеству. В ней доминирует направленность субъекта на преобразование самих схем, самих способов деятельности. Поэтому субъект не срашивается с приемами действия, как улитка с раковиной, он выходит за рамки «окаменевших» приемов и проектирует новые способы преобразования реальности, обновляя тем самым свои способности. Одно дело — сосредоточить внимание на преобразовании предмета, а другое — на самом способе преобразования и перестроить его. С такой перестройки и начинается самодеятельность: субъект умеет не только действовать согласно правилу, но и изменять само правило согласно новым обстоятельствам. Консерватизм мысли тогда и набирает силу, когда способы деятельности и общения воспринимаются как нечто незыблемое, данное раз и навсегда. Консервация этих способов есть и консервация способностей, их интеллектуальное «старение», тогда как самодеятельная личность является архитектором своих способностей.

В самодеятельности доминирует установка на выход за пределы достигнутого, ставшего и «отвердевшего», который всегда осуществляется путем разрешения *противоречия* между сущим и

должным, между исполнением и творчеством, между Я вчерашним и Я сегодняшним. Здесь-то и возникает обостренная диалектическая ситуация, требующая *ума*, т. е. умения разрешать противоречие. Возникающее в самодеятельности созидательное противоречие — это «локомотив» творчества, оно побуждает личность к обновлению способностей, возвращает индивидуальность, открытую для живого диалога, критики и полемики.

Смещая ценностную ориентацию с деятельности прошлой на актуальную, с вешного результата на процесс сотворения, самодеятельность качественно изменяет ценностную позицию, освобождает ее от фетишей и идолов, порождает у личности диалектический взгляд на наличные формы культуры со стороны их дальнейшего развития. У диалектики и самодеятельности общий девиз — выход за пределы достигнутого путем разрешения противоречий в созидании общественно-культурной новизны.

Так как субъект самодеятельности есть одновременно и объект, и субъект преобразования, то из-за такой самонаправленности он, по существу, противоречив и неравен самому себе: опредмечивая свои силы, он противопоставляет себя как материал, подлежащий переформированию, самому себе как формирующей деятельности, но одновременно он объемлет обе противоположности — результат и процесс. Соединяя в себе эти противоположности, он есть напряженное противоречие между деятельностью ставшей, опредмеченной и становящейся, процессуальной. Это противоречие разрешается (и вновь становится) через самоизменение, самоотталкивание и вместе с тем через вбирание субъектом в себя положенных им моментов, но уже как моментов-условий для новой фазы самостановления, а не для повтора и воспроизводства известного и традиционного. Эта диалектическая пульсация творческого процесса продуцирует прирост и обновление сущностных сил и их предметных воплощений. Здесь социальным квантом, по выражению В. С. Библера, оказывается личность, «неравная сама себе», способная к продуктивному диалогу¹². Присущее деятельности противоречие между объектом и субъектом превращается в актах самодеятельности в противоречие самих сущностных сил человека — между репродуктивным и продуктивным.

В самодеятельности формируется *целостная* личность. Ее способности сращиваются в целое так, что «соло» одной из них сопровождается «хором» всех остальных. «Симфония» интеллектуальных сил: разума, понимающего истину, воли, творящей добро, чувства, воспринимающего красоту, — увлекает личность своим многогранным и вечно новым содержанием. Целостность способностей ведет к развитию многогранных потребностей и позволяет субъекту переходить от одного вида деятельности к другому, целостно претворять себя в «ансамбле» всех общественных отно-

шений, полно потреблять богатство человеческой субъективности.

Таким образом, субъект самодеятельности устремлен не на консервацию наличных порядков и масштабов, а на развитие своих творческих сил безотносительно к заранее установленному масштабу, бюрократическим канонам; он реализует себя путем беспрестанного выхода за границы этого развития, которые осознаются им как подлежащие преодолению, а не как «священная грань»; он не застывает в односторонней определенности, а воспроизводит себя «во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления»¹³. Целостная личность — это не «цельнокаменная натура», а, как любил выражаться К. Маркс, «совершающее процесс противоречие», она открыта для новых вариантов действия и общения. Она характеризуется не столько количественной стороной, набором исполняемых видов деятельности, сколько качеством деятельности — самодеятельностью.

По мере интеллектуализации общественного производства центр тяжести в нем, как свидетельствует современный опыт развитых стран, смещается на расширенное воспроизводство самодеятельности, обновляющей человека и культуру. Рост доли самодеятельности порождает адекватные ей общественные отношения, просторные для самореализации людей. Совпадению самодеятельности с материальной жизнью, отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, соответствует превращение прежнего общения, вынужденного внешними мотивами, в человеческое¹⁴, т. е. отношения начинают складываться не по поводу производства вещей, а по поводу культурного развития людей, по поводу обмена не вещными результатами деятельности, а сущностными силами людей, выраженными в этих результатах. Поэтому эти отношения сущностные, человеческие, т. е. отношения в сфере реализации человеческих сущностных сил¹⁵. Они реализуются как взаимообмен, взаимодополнение и взаимообогащение этими силами и выступают пространством самоосуществления человека, исчерпывая его целиком. Самочувствие человека в таких отношениях подробно и впечатляюще раскрыл К. Маркс¹⁶. В явлениях же вещного обмена, наоборот, вещь присваивается, но культура, в ней заключенная, и субъективный мир, в ней запечатленный, не осваиваются.

В рамках непосредственно-общественных отношений диалектическая природа самодеятельности представлена в интенсивном виде. Абсолютной и «вечной» формой, в которой осуществляется самодеятельность и которая человеческим образом побуждает людей к интенсивной самореализации, напряжению всех способностей, выступает соревнование по весьма бескорыстному поводу развития универсальной человеческой природы, выявления творческих потенций лиц и коллективов. Уже сам общественный контакт, замечает К. Маркс, вызывает соревнование и своеобразное

возбуждение жизненной энергии, увеличивающее индивидуальную производительность¹⁷. Человек — существо общественное. И мерой для оценки одного человека выступает другой. В соревновании люди практически сравнивают себя по своим произведениям, в которых выражены их сущностные силы. Предметом и мерой оценки здесь выступают человеческие качества. Это — имманентная, внутренняя мера в отличие от внешней, например стоимостной, когда отношения между людьми выступают как отношения между вещами-товарами и соревнование носит отчужденную форму конкуренции.

Соревнование диалектично. В нем каждый идеально полагает себя по своим возможностям *равным* с другим, иначе нет смысла вступать в него ввиду заранее известной победы (или поражения). Но в то же время и в том же отношении каждый идеально полагает себя *неравным* с другим, что выражается в практическом стремлении опередить равного. Это выхождение за пределы равенства предполагает само равенство, ибо пафос борьбы возникает лишь в состязании с равным, с достойным. Опережая себе равного, субъект опережает самого себя, вступает в состязание с собой. Противоречие между соревнующимися превращается в противоречие субъекта с самим собой, побуждая к саморазвитию.

Выхождение за пределы исходного пункта осуществляется, таким образом, коллективно и противоречиво. Соревнование достаточно гуманно по форме, чтобы не травмировать достоинство личности, но оно достаточно противоречиво и остро по накалу, чтобы побудить каждого к интенсивному напряжению способностей. Престижным в нем являются важнейшие социальные качества человека: воображение, новаторство, профессиональное мастерство. Поэтому оно всегда увлекает и воодушевляет, если является подлинным, а не спущенным сверху лозунгом «развернуть соревнование».

Поэзия борения, неукротимый дух человеческого состязания, установка общественного производства на универсальное развитие человека формируют диалектическое мышление как ведущую тенденцию духовной культуры. Общество самодетельности, где развитие индивидуальности осуществляется как выхождение за пределы достигнутого, общество, «единственной предпосылкой которого является выход за пределы исходного пункта», а не увечие исторически преходящих общественных структур и образа жизни, такое общество, подчеркивал К. Маркс, порождает понимание человеком «собственной истории как процесса», ибо «сам *процесс* развития положен и осознан как предпосылка индивида»¹⁸. Такое понимание теоретически представлено философской диалектикой, согласно которой абсолютным является сам процесс, а не его временный результат. Теоретически выражая социальную самодетельность, диалектика выступает вместе с

тем и логикой самостоятельности, коммунистического воспитания личности.

Сущностная связь самостоятельности и формирования творческой индивидуальности заключается в том, что в процессе самостоятельности возникает важнейшая и для творчества, и для субъектности способность личности к *самоопределению*, которое превращается в устойчивую схему работы интеллекта (разума, воли, чувственного восприятия) и практического действия, повышая культуру самореализации личности.

Самоопределение является исходным в структуре субъекта, оно — необходимая предпосылка творчества, т. е. умения порождать общественно интересное новое как положительный момент культуры. В условиях растущего социального равноправия самоопределение личности развивается в способность к *законодательству* (нормотворчеству), понимаемому здесь не в юридическом, а в философском смысле. Для исполнительства достаточно умения подводить частный случай под общее правило, инструкцию, принцип. В творчестве же выражается способность к законодательству, т. е. умение порождать само общее правило, сам принцип, новый способ деятельности и утверждать его в сознании других как момент культуры.

Способность к законодательству как культурный феномен означает, что субъект признает себя равноправным представителем коллектива, той или иной общности, возвышается до коллективного самосознания и сам дает себе мандат на творчество, т. е. полномочие на *суверенное конституирование* той или иной нормы в сфере труда, науки, политики, нравственности, искусства или общения. Такое *самоуполномочивание* — это «душа», важнейший и весьма тонкий момент новаторства. Оно возникает тогда, когда субъект проникается общественным интересом, рассматривает свой интеллект как *равноценную* частичку общественного интеллекта, доверяет своему разуму и своей совести как непосредственно общественным и тем самым осознает себя равноправным началом всего нового и интересного для других. Поэтому он и берет в свои руки функции законодательства, не спрашивая разрешения «свыше», будь то бог или земная начальственная инстанция.

Эта способность уходит своими глубинными духовными корнями в социальное равенство, которое всегда так или иначе связано с чувством или с осознанием этого равенства. Это чувство остается в тени, безотчетным, но именно оно подспудно рождает личную сопричастность общему делу, ответственность, смелость, воодушевление в творчестве общественно интересного и полезного. Когда субъект смотрит на проблемы глазами коллектива, тогда его разум, воля, чувства наполняются емким социальным содержанием. Он мыслит широко, с позиций интересов своего народа и по-

этому чуток к перспективным тенденциям в экономике и политике, науке и искусстве. Социальное равенство в коллективе, отношения товарищества одухотворяют, рожают у каждого творческий порыв внести свою «живинку», свой особый вклад в общее дело, заслужить уважение товарищей, утвердить себя в их сознании как личность творческую, со «своей песней». Так товарищеское равенство рождает непосредственно свою противоположность — *потребность в индивидуализации* мастерства.

Способность к законодательству развивалась на долгом и трудном пути, полном социальной борьбы за должные полномочия тех или иных групп. Так, одно дело — принимать решения, ссылаясь на внешний авторитет (оракула или Пифии — в античности; бога — в средневековье; абстрактной справедливости — в мифологии буржуазного либерализма; разного рода светских инстанций — государственных, партийных и др.), а другое дело — возводить волю социальной группы, коллектива, класса во всеобщее правило, опираясь на собственное личное разумение, на ясное понимание объективных отношений и интересов людей. В первом случае субъектность разорвана и частична, нормотворческая функция передана какому-либо внешнему гаранту, а то и культу. Во втором случае источником законодательства является разум и воля человека, у которого достаточно мужества взять на себя ответственность за принятое решение.

Первоначально способность к законодательству существовала, вероятно, лишь на уровне группы (общины, рода) в форме *общих*, т. е. *общественных*, законодательных органов, которые в дальнейшем узурпировались эксплуататорами и закреплялись за узким кругом лиц. Законодательная функция, отделившись от исполнительной деятельности, прошла ряд ступеней эволюции на институциональном уровне (государство, церковь, партии) и развилась настолько, что институциональные рамки и неуклюжие, громоздкие аппаратные процедуры стали для нее *оковами*. По мере демократизации общества и развития личности эта функция (суверенное конституирование нормы) становится духовным достоянием все большей части трудового народа, его самостоятельных организаций, *деинституциализируется* и превращается в схему работы самосознания и воли «низов». Например, в сфере морали и нравственности институциональный контроль вытесняется индивидуально-личностным в виде *самоповедения*, *самоконтроля*, *самооценки*. Напротив, в условиях античности выдвижение новой нормы всегда подкреплялось ссылкой на авторитет Пифии. Для самостоятельных решений, замечает Гегель по этому поводу, нужна выработавшаяся субъективность воли, но у греков «еще не было этой мощи и силы воли»¹⁹.

Мощь и сила воли мало что проясняют. Развитая субъектность (способность к самоопределению, законодательству, нор-

мотворчеству) становится достоянием каждого в условиях полной сомодеятельности, непосредственно общественных отношений, полновластия трудового народа, коллективных начал, общественного самоуправления и фактического социального равенства. В таких условиях субъект с самого начала признает себя полномочным представителем той или иной ассоциации потому, что другие люди признают его таковым. И самоуполномочивание становится не чем-то исключительным, а нормой, равно как и престижность деятельности и общения, просторных для самоопределения и сомодеятельности личности, для ее сотворчества с другими.

Способность к самоопределению, законодательству — «тайна» и исток любого творческого начинания человека, раскрепощенного и свободного от пут социальных регламентаций разного рода «монополистов» на собственность, власть, культуру. Когда же источник этой способности усматривают в биохимии плоти, в генах, тогда сплошь и рядом плодятся *элитарные* концепции, возрождающие дух «избранности» стародавних, ветхозаветных времен и социальные порядки, когда функции законодательства были оторваны от трудового народа. Такие концепции губительны для творческого потенциала народа, они ведут к разделению людей на «своих» и «чужих», т. е. «элитных» и «серую» массу, к клановым, своекорыстным интересам, в узкую щель которых не увидишь перспективы ни в жизни, ни в искусстве, ни в науке; они оправдывают спецшколы только для «одаренных», а не для всех детей согласно их склонностям, насаждают разного рода «спец» в жизни и культуре для «спецлюдей», отказывают «чужим» в перспективе, сеют сомнение в возможности осуществления коммунистического идеала о свободном развитии каждого человека как творца, а на практике оборачиваются творческим бесплодием одних («элиты») и подлой позицией выжидания других («верхи решат и укажут»).

А. Севастьянов в статье «Интеллигенция: что впереди?» призывает «взять курс на создание интеллектуальной элиты», прибегая к откровенной софистике. «Ведь не боимся же мы,— восклицает он,— выращивать „элитную“ пшеницу, не говорим, что это „недемократично“!»²⁰ Смешно, конечно, распространять социальные характеристики («демократичность») на мир растений или животных. Но когда к людям применяют «животноводческий» подход, то становится не до смеха. Все это мы уже не раз слышали от расистов и, к сожалению, испытали при весьма не демократических обстоятельствах.

Творчество по своей сути социально, и объяснять его надо социальными же моментами. Соотношение творчества и исполнительства в деятельности субъекта прямо связано с объемом полномочий, прав и обязанностей, которые обусловлены общественным разделением труда.

В заключение конкретизируем значимость самоопределения в структуре субъекта, а она убедительно раскрыта в научно-теоретическом, моральном, политическом, эстетическом освоении мира человеком. Как глубоко показал Кант, чтобы понять предмет теоретически, в его целостной связи, субъект должен построить духовный аналог реальной связи в акте собственной «самодетельности»²¹.

В морали на первый план выступает воля, переводящая принципы разума в поступки и дела; в ней важна особая форма волеия — *самоповеление*. Мораль, верно подчеркивал К. Маркс, зиждется «на автономии человеческого духа»²², иначе бы моральная ответственность потеряла смысл и основание.

Самоопределение — атрибут и политической воли. Особенность политики в том и состоит, что в ней большие социальные группы стремятся возвести свою особую волю во всеобщую, в закон для всех. Политика начинается с сознательного самоопределения класса, группы, личности. Самоопределение в идеологии есть первое требование для конституирования класса, не говоря уже о его партии, в политический субъект. Класс, не способный к такому самоопределению и не стремящийся утвердить свою волю как действительную власть, есть еще *объект*, а не *субъект* исторического процесса, есть класс «в себе», а не «для себя».

Свободное самоопределение образует глубинную суть и субъекта эстетического освоения действительности. Если предмет чувственно воспринимается нами как сформировавшийся свободно, согласно своей мере, то он представляется прекрасным. Прекрасное есть *чувственное изображение, образная характеристика свободы, свободного самоопределения*. Мысль К. Маркса о том, что человек производит по мере любого вида, а значит, «и по законам красоты»²³, цитируется в литературе часто. Однако авторы не раскрывают внутреннюю связь между мерой и красотой, прекрасным. А связующим звеном здесь является самоопределение субъекта, его внутреннего чувства. Ведь формироваться согласно своей мере — значит определяться не извне, а изнутри, согласно своей природе, т. е. самоопределяться. Но не все то прекрасно, что сформировано согласно своей мере. Явление, будь то полет чайки или музыкальная композиция, воспринимается прекрасным только тогда, когда оно пробуждает в нас *состояние свободного самоопределения*, «провоцирует» его, является его образом, метафорой. Чувство красоты, писал выдающийся советский философ Э. В. Ильенков, сопровождает «свободу воображения», когда воображение рождает идеальную форму предмета согласно его чистой мере²⁴. Происходит совпадение «самоопределения» предмета и субъекта. Наслаждение прекрасным потому и возвышенно, что оно состоит в переживании субъектом состояния свободного самоопределения. Последнее есть субстанция прекрасного. В фор-

ме красоты «переживается факт совпадения формы вещи с формой развитого восприятия, своеобразное чувство удовлетворения от подобного совпадения»²⁵.

Формой же «развитого восприятия» и является свободное самоопределение субъекта. Оно развивается в актах самодеятельности, освобождается от эмпирического содержания, превращается в схему работы чувственного восприятия и становится индикатором красоты, прекрасного — *эстетическим вкусом*. Свобода и красота, прекрасное накрепко связаны. Самоопределение наиболее зримо и доступно представлено в нравственности (вспомним «автономию человеческого духа»), возможно, поэтому эстетическое наиболее интенсивно раскрыто в нравственной сфере, в борении человеческого духа. Нравственная красота есть, пожалуй, высшая форма красоты. Возвышенное тоже наиболее впечатляюще раскрыто величием характеров и дел героев. Безмерность природной стихии, будь то звездное небо или океан, поражает воображение лишь на короткое время, тогда как великие дела героев волнуют умы и сердца на протяжении столетий. Не случайно Кант сопрягал звездное небо над нами и нравственный закон внутри нас.

Итак, самодеятельность через адекватные формы общения развивает свободное самоопределение как духовную основу творческих способностей в их целостности, в единстве разума, воли и чувственного восприятия и тем самым позволяет субъекту творить и себя, и мир по законам истины, добра и красоты.

¹ Гегель. Феноменология духа // Соч.: В 14 т. Т. 4. М., 1959. С. 2.

² Исключение составили работы Э. В. Ильенкова, Г. С. Батищева и ряда их единомышленников. Например, см.: Философско-психологические проблемы развития образования. М., 1981.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 68.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Т. 46, ч. 2. С. 110.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 194.

⁷ Там же. Т. 35. С. 311.

⁸ Там же. Т. 37. С. 201.

⁹ Там же. Т. 35. С. 88.

¹⁰ Там же. Т. 38. С. 116.

¹¹ См.: Там же. Т. 35. С. 445.

¹² См.: Библер В. С. О культуре мышления теоретика Нового времени (XVII — начала XX в.) // Науковедение и история культуры. Ростов н/Д, 1973. С. 152.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 1. С. 281.

¹⁴ См.: Там же. Т. 3. С. 68.

¹⁵ См.: Кленов Л. А. К проблеме сущностных противоречий культуры // Филос. науки. 1986. № 3. С. 39.

¹⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 35—37.

¹⁷ См.: Там же. Т. 23. С. 337.

¹⁸ Там же. Т. 46, ч. 2. С. 35.

¹⁹ Гегель. Сочинения. Т. 8. М.; Л., 1935. С. 239.

²⁰ Лит. газ. 1988. 21 сент.

- ²¹ См.: Кант И. Критика чистого разума // Соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1964. С. 190.
²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 13.
²³ Там же. Т. 42. С. 94.
²⁴ См.: Ильенков Э. В. Об идолах и идеалах. М., 1968. С. 250—251.
²⁵ Там же. С. 225.

А. Т. ШУМИЛИН

Симферопольский университет

ТАЛАНТ И ТВОРЧЕСТВО

Настоящая статья посвящается анализу проблемы таланта, его природы, происхождения и развития, значения таланта для эффективной творческой деятельности человека, места проблемы таланта в теории творчества.

В популярной научной литературе, в общественном сознании в целом высокие творческие достижения связывают с наличием у человека таланта, под которым понимают систему психических качеств человека, проявляющихся в эффективном решении проблем (нестандартных задач) в какой-либо области культуры, в высоких творческих достижениях.

По вопросу о природе таланта, его происхождении выдвинуто несколько различных концепций. Они могут быть сведены к двум основным. Согласно первой, талант определяется как особое врожденное качество. Эта линия идет от Платона, продолжается христианством (Августин, Фома Аквинский и др.), в XIX в. развивается Ф. Гальтоном, а в настоящее время — многими буржуазными теоретиками, например П. Тейяром де Шарденом, А. Кестлером, К. Лоренцем, Ж. Моно и др.

Из этой концепции следует, что научить творить людей невозможно, что обучать, например, изобретательству — труд напрасный; выдающимся художником, изобретателем нужно родиться; воспитать талантливого человека при отсутствии у него особых задатков («особых генов») невозможно; люди делятся от рождения на особых, одаренных и неодаренных, обыкновенных, «нормальных» людей и т. п.

Распространенность этого взгляда подтверждается тем, что и в современном «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (М., 1987) талант определяется как «выдающиеся врожденные качества, особые природные данные» (с. 643).

Вторая концепция отрицает врожденность таланта, наследование его, исходит из того, что талант формируется в процессе развития человека под воздействием обстоятельств жизни и целенаправленного воспитания. Такие взгляды высказывали Декарт, Гоббс, Локк, Гельвеций и др.

Среди современных буржуазных ученых распространена и социобиологическая «теория двух факторов», признающая две сущности человека — биологическую (действие наследственности) и социальную (действие среды). Социобиологи пытаются обосновать тезис, что генетическая программа (наследственность) якобы руководит социальным поведением. Ими определен даже удельный вес этих факторов: интеллект зависит на 80 % от генов и на 20 % от образования. Во взаимодействии биологического (генетического) и социального в формировании человека примат они отдают первому.

Концепция, распространенная в советской психологии, утверждающая, что талант формируется в процессе развития человека в благоприятных условиях при наличии у него особых врожденных биологических, анатомо-физиологических задатков, *по существу, сводится к первой*, поскольку ее сторонники считают, что при отсутствии «задатков» талант не сформируется¹.

Вопрос о природе таланта, его происхождении, формировании и развитии — принципиальный мировоззренческий вопрос. Он органически связан с коренными философскими проблемами сущности человека, формирования личности, роли ее в истории общества.

Как известно, натуралистический антропологизм вообще не видит социальной природы личности, идеалисты же стремятся убедить, что история есть продукт деятельности великих людей, составляющих элиту общества. Пафос всех элитарных теорий состоит в подчеркивании, что великие личности — люди, обладающие особыми врожденными качествами, талантами к управлению, искусству, науке.

Эти концепции критиковались уже материалистами XVIII в. Научная критика идеалистических теорий была одной из черт глубокой революции во взглядах на общество, совершенной марксизмом. Было показано, что не великие люди, а трудящиеся массы, народ является подлинным творцом истории. Последняя движется в огромном множестве творческих актов изобретений и открытий, осуществляемых в каждой области культуры, во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства, в технике и науке, искусстве и быту. Каждая из миллионов окружающих нас вещей была изобретена, многократно улучшалась (только на карандаш выдано 20 тысяч патентов!); каждый человек внес определенный вклад в развитие мировой культуры. Изобретение и открытие — социальный коллективный продукт. К. Маркс подчер-

кивал: «*Всеобщим* трудом является всякий научный труд, всякое изобретение, всякое открытие. Он обуславливается частью кооперацией современников. частью использованием труда предшественников»².

В противовес идеалистическим концепциям и натуралистическому антропологизму К. Маркс еще в середине прошлого века выдвинул тезисы, ставшие ключевыми в понимании человека: «Но сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»³. Трудно найти в истории научного познания истину более глубокую и фундаментальную, установление которой осуществилось в результате многовекового развития, трудных поисков, ожесточенной идейной борьбы. Раскрытие социальной сущности человека означало подлинную революцию в науке об обществе, прежде всего в философии.

Развитие марксистско-ленинской философии, в частности теории творчества, позволило глубже понять сущность человека как преобразователя, строителя, *творца*. Формула «человек-творец» точнее, чем «человек разумный», выражает суть человека. Творчество — высшая, наиболее специфическая форма деятельности человека. Творческая деятельность первична по отношению к деятельности исполнительской, по известным правилам, алгоритму, готовому рецепту, шаблону и т. д. «Преобразование, созидание мира, творчество,— писал К. Маркс,— является родовой сущностью человека. Именно в переработке предметного мира человек утверждает себя как *родовое существо*. Это производство есть его родовая жизнь»⁴.

Творческие способности, талант — важнейшая сущностная характеристика личности. Поэтому все сказанное о детерминации сущности человека полностью относится и к таланту⁵.

Марксистско-ленинская философия, в частности теория творчества, доказала, что человек выделился из животного мира как преобразователь, творец. Мозг его сформировался как орган сознания, мышления. Важнейшими функциями сознания (мышления) являются отражение и творчество. В. И. Ленин подчеркивал: «Сознание человека не только отражает мир, но и творит его... Мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его»⁶. Все психические функции человека обслуживают отражение и творчество. *Именно в творческой деятельности, направленной на преобразование мира и подчинение его интересам человека, общества, состоит основной жизненный смысл и историческая необходимость возникновения и развития сознания.*

Отсюда следует, что не анатомо-физиологические задатки к творчеству имеются у некоторых особых людей (как считают отдельные теоретики), а все строение человека, все системы, мак-

ро- и микроструктуры и элементы его анатомо-физиологической и психической организации, структуры мозга и закономерности их взаимодействия и развития сформировались для творческой деятельности. Ибо творчество, как уже отмечалось, есть повседневная деятельность человека, его главная деятельность, наиболее адекватное выражение его сущности, специфики, его родовой особенности.

Многие психологи, говоря о задатках, отмечают, что они очень многозначны, они могут развиваться в различных направлениях. Эта мысль должна быть выражена иначе, без введения термина «задатки», что мозг, его функции могут развиваться в различных направлениях. Член-корреспондент АПН СССР В. Н. Мясищев писал о существовании задатков, что «если это понятие анатомо-физиологическое, то для психолога это имеет смысл лишь как ссылка на *ту область, которой он не занимается*. Это вместе с тем формально-логическое допущение того, что раз есть способности, то нечто должно быть до их появления. Это нечто и есть *врожденные предпосылки — задатки*. Такое понимание ничего не дает психологии и не имеет оснований в фактических данных... В многочисленных исследованиях по физиологии высшей нервной системы ребенка *нет ни одного исследования*, которое поставило бы вопрос о тех физиологических особенностях, которые связаны с понятием способности»⁷.

Непонимание механизмов и законов творчества, давление религиозных, идеалистических догм и традиций, мнений о его непознаваемости, многовековое господство религиозно-идеалистических взглядов на историю являются причинами широкого распространения ошибочных взглядов на творчество в целом и на происхождение таланта в частности.

Анализируя творчество с процессуальной и результативной сторон, исследователи фиксировали различную быстроту получения результатов творчества, их уровень, значимость, сложность решаемых проблем, различие способностей людей (подготовленности) к конкретному виду творческой деятельности. Способности, т. е. *подготовленность* людей к конкретной деятельности, характеризуются мерой освоения некоторой совокупности способов, видов действий, накопления информации. Эта мера может быть различной в силу различия условий жизни и воспитания.

Можно выделить общие и специальные способности. К общим относятся высокий уровень сенсорной организации, умение видеть проблемы, строить гипотезы, решать задачи, критически оценивать получаемые результаты, упорство, эмоциональность, трудолюбие и др.; к специальным — те, которые необходимы для деятельности только в отдельных областях, например художественный вкус, музыкальный слух и т. п.

Высшие уровни подготовленности к творчеству выражаются

понятиями таланта и гениальности. Талантливые люди решают задачи и проблемы, встающие перед обществом, быстрее и эффективнее. Чем масштабнее, сложнее, общественно более значимы эти задачи, тем крупнее таланты людей, решивших их.

Гениальность — высшая ступень развития способностей. Гениями считаются люди, решившие задачи, открывающие новую эпоху в развитии общества, науки, техники, искусства.

Анализ творческой деятельности показывает, что для достижения высоких творческих результатов человек должен отличаться высоким уровнем развития всех присущих ему качеств (сенсорная организация, наблюдательность, внимание, память, функции представлений и воображения, эмоции и воля; знания, опыт, навыки, интересы, характер, в том числе трудолюбие, упорство; умение выявлять и ставить проблемы, строить гипотезы, находить решения задач, умение мыслить). Это естественно, ибо человек развился и сформировался как творец. Выдающийся творец есть выдающийся человек. Создание условий для формирования таких людей — одна из главных целей коммунистического общества.

Недостаточное развитие каких-то качеств человека должно либо дополняться по принципу разделения функций с помощью других людей, либо компенсироваться различными способами, путем увеличения времени для выполнения каких-то действий, применением технических средств и т. д. Плохая память, например, требует увеличения времени для закрепления полученной информации. Замечательные примеры пластичности человека, возможностей компенсировать отсутствие или неразвитость отдельных необходимых для деятельности органов или психических функций дает опыт воспитания детей с различными дефектами, в том числе слепоглухих детей⁸.

Наиболее продуктивно работает коллектив, состоящий из людей, гармонично дополняющих друг друга (принцип ролевой дополнительности). Однако и в таком коллективе успех зависит от согласованности работы его членов, их взаимной информированности о результатах работы и т. д. Идеальный случай — когда коллектив работает как... один человек. Создать такую гармонию — дело сложное. Видимо, поэтому и в наши дни наиболее крупные и оригинальные изобретения делают одиночки.

Теория творчества показала, что все качества, необходимые для творчества, развиваются в процессе деятельности, *требующей наличия этих качеств*. Острота чувств, быстрота реакции, наблюдательность, умение видеть проблему, выдвигать гипотезы, обобщать и абстрагировать, моделировать и экспериментировать, так же, как и память, подсознание, в том числе интуиция, воля, характер, трудолюбие, эмоциональность, художественный вкус и т. д. — все формируется и развивается в процессе творческой деятельно-

сти. «Чтобы научиться плавать — нужно лезть в воду» (Гегель).

Все эти качества по своей природе человеческие, социальные. «Органы чувств — продукт всемирной истории» (К. Маркс).

Знание — форма существования сознания. Механизм сознания — мышление, в том числе *язык*, — не наследуется, а формируется в процессе жизнедеятельности человека, так же, как и подсознание и интуиция, которые опираются на опыт, на усвоенные приемы переработки и использования информации.

Подсознание управляет деятельностью организма в уже известных, стандартных ситуациях, осуществляется на основе выработанных ранее стереотипов и автоматизмов (ходьба, бег, танцы, трудовые операции, речь, письмо и т. п.). Автоматизм подсознания освобождает верхний контур управления (сознание) для решения нестандартных задач.

Сознание в этом плане есть высшая форма управления, исторически сформировавшаяся для управления поведением человека в непривычных условиях, в нестандартных, проблемных ситуациях.

Между сознанием и подсознанием, между сознательным и подсознательным уровнями управления существует тесная связь.

Выработка форм поведения, программы действий, реализация ее в новых нестандартных условиях контролируется сознанием. Если ситуация повторяется, то повторяется программа поведения; постепенно она приобретает характер стереотипа, осуществляется автоматически, т. е. управление такой деятельностью передается из сферы сознания в подсознание.

Обучение речи (устной и письменной) — сложный, длительный, часто многолетний процесс. Ребенок учится говорить под постоянным контролем старших, прежде всего родителей, воспитателей, учителей. За годы обучения школьник заучивает множество правил построения предложений, речи в целом, выполняет многие сотни упражнений, преследующих цель сначала образования навыка, а затем его закрепления с последующим превращением в автоматизм. В результате человек научается правильно говорить и писать. Постепенно правила забываются, тем не менее человек продолжает правильно писать (в соответствии с усвоенными ранее правилами).

Точно так же, когда человек говорит, он думает о содержании фразы, а не о том, как ее построить. Все эти построения осуществляются подсознанием. «Где находится фраза № 2, когда произносится фраза № 1? — спрашивает Ж. С. Адамар. — Она уже готова и ожидает в прихожей Сознания»⁹.

Подсознание, его механизмы, стереотипы и автоматизмы формируются прежде всего осознанно.

В процессе воспитания учитель должен уделять первостепенное внимание тому, какие стереотипы мышления и речи вырабатыва-

ются у учащихся. Логичное, математически строгое или поэтически яркое мышление и речь есть результат того, чем чаще всего и больше всего человек занимался, в чем постоянно упражнялся, о чем постоянно думал.

Чем больше усвоено способов рассуждения, изложения мыслей, анализа, тем богаче запас накопленных образов, эпитетов, сравнений, метафор, тем больше будет насыщена ими речь и мышление воспитанника.

Практика обучения показала значение раннего начала формирования определенных качеств личности: в детские годы обучение специфическим видам деятельности осуществляется значительно быстрее и эффективнее, чем в зрелые. В последнем случае приходится преодолевать уже сложившиеся стереотипы — что малоуспешно — и создавать новые.

Подсознание, его элементы и формы оперирования ими — все формируется и развивается *при жизни*, в онтогенезе, в конкретно-исторических общественных отношениях, условиях¹⁰.

Без подсознания невозможна и деятельность сознания, мышления, т. е. творчество. Уровень, степень развития подсознания, его содержания — одна из характеристик талантливой личности.

Степень развития подсознания, интуиции пропорциональна трудолюбию, способности отдавать много времени и труда творческому поиску. «Мозг может развиваться лишь в условиях активной интеллектуальной деятельности» (В. А. Неговский). Биографы единодушно отмечали, что выдающиеся творцы отличались и выдающимся трудолюбием. Их жизнь была заполнена многочасовой ежедневной работой, упражнениями, тренировкой, *постоянным обдумыванием* избранной проблемы.

Способность принимать правильные интуитивные решения развивается в процессе накопления опыта, знаний в специальных областях творчества¹¹. «Интуиция, — писал В. Полонский, — знает кого посещать: она не осенит головы невежды, человека с ленивой мыслью, не способной углубляться в предмет. Все великие „изобретатели“, гении... все эти люди были „работягами“, годами разглядывая свои мысли, упорно их систематизируя. В этом смысле Ньютон похож на Спинозу, Платон на Лобачевского, Галилей на Маркса, Пушкин на Эдисона»¹².

Развитие творчества и творческих качеств беспредельно. Наука не располагает фактами, опираясь на которые можно было бы определить пределы, границы развития творческих достижений и способностей человека. Ни специалисты, например, по спорту не могут ответить на вопрос о предельно высоких результатах хотя бы в каком-либо виде спорта, ни медики — на вопрос о максимальных резервах организма. Журнал «Техника молодежи» обратился с вопросом о том, имеются ли пределы физического и интеллектуального совершенствования человека, к ряду крупных советских

и зарубежных ученых. Отвечая на этот вопрос, академик В. А. Неговский писал: «Я не вижу пределов физического совершенствования человека... Человеческий интеллект будет безгранично развиваться»¹³.

Человек, оказавшийся в проблемной ситуации, вынужден искать ответы на вопросы. В процессе поиска он развивается, самообучается. Постоянное наличие проблемных ситуаций, необходимость решения оригинальных задач — главные моменты тех условий, которые мы называем благоприятными для развития способностей человека.

Как правило, писал Э. В. Ильенков, «наиболее благоприятные условия складываются в тех слоях общества, которые сильнее и острее ощущают давление исторически назревших потребностей развития, давление противоречий этого развития, которое и заставляет их думать, размышлять, „ломать голову“ гораздо напряженнее, чем людей состоятельных и „благополучных“»¹⁴.

Каждый человек может овладеть речью, устной и письменной, но его обязательно нужно учить и говорить, и писать. Он должен развиваться в условиях, требующих от него умения и говорить, и писать. Вне общества не формируются ни сознание, ни язык, ни талант.

Путь самоучки в науке, в любой области творчества не самый легкий и короткий. История развития общества, практика и теория формирования человека показали с полной очевидностью значение целенаправленной воспитательной работы.

Уровень творческих кадров, их достижений находится в прямой зависимости от условий их деятельности и от квалификации их воспитателей, тренеров и учителей. Чем объяснить, например, высокие достижения советских спортсменов в тяжелой атлетике и средние одно время — в плавании? Отнюдь не врожденными задатками. Появились в стране бассейны, более высокой квалификации тренеры — результаты в плавании начали быстро расти. «Изменившиеся люди суть продукт иных обстоятельств и измененного воспитания»¹⁵. При этом нельзя забывать, подчеркивал К. Маркс, что «обстоятельства изменяются именно людьми, и что воспитатель должен быть сам воспитан»¹⁶.

Подготовка воспитателей высокой квалификации и создание благоприятных обстоятельств для творчества — важнейшее условие формирования и быстрого развития творческих способностей.

Значение квалификации воспитателей особо наглядно показывает опыт воспитания слепоглухих детей, осуществленный специалистами-философами, педагогами, психологами под руководством И. А. Соколянского, А. И. Мещерякова, Э. В. Ильенкова, А. В. Апраушева.

Особое значение для успешного развития творческих способностей или, точнее, психо-физиологического аппарата творчества

имеет определение оптимального периода, этапа развития человека, в течение которого формирование определенных качеств происходит наиболее успешно. О том, что трехлетнему ребенку гораздо труднее обучаться речи, чем полугодовалому, писал в 30-х гг. Л. С. Выготский. А детей, проживших вне общества до 9—10-летнего возраста, вообще научить говорить оказывается невозможным.

Ряд исследователей показали наличие на самых ранних этапах развития человека особой восприимчивости к обучению, усвоению различных видов деятельности. Это особая впечатлительность, особая быстрота формирования рефлексов названа *импринтингом* (впечатыванием)¹⁷. Мозг человека особенно быстро развивается в течение первого года жизни. Если у новорожденного вес головного мозга составляет 340 г, то через 6 месяцев он равен уже 750 г, через год — 970, через два — 1150, через двадцать — 1400 г.

Многие выдающиеся педагоги отмечали, что для формирования качеств человека решающим является период до трех лет¹⁸. «После рождения, вместе с ростом ребенка мозг „дозревает“ и становится способным к функционированию. Этот „момент“ созревания есть время наивысшей пластичности, наивысшей чувствительности к внешним условиям, наивысших и самых строжайших возможностей к развитию. Это время самое благоприятное для начала развития всего многообразия человеческих способностей»¹⁹.

Об этом свидетельствует и опыт обучения плаванию с самого раннего младенческого возраста (Б. Чарковский), опыт подготовки музыкантов с 2—3-летнего возраста (М. П. Кравец), певцов (Д. Е. Огородников).

Очень убедителен в этом плане опыт раннего воспитания детей Л. А. и Б. П. Никитиных. Обобщая его, Б. П. Никитин пишет, что начинают развиваться у ребенка только те качества, для развития которых имеются условия к моменту созревания нервно-физиологических механизмов. «Если созревание и начало функционирования (развития) совпадают по времени, идут синхронно, а условия благоприятны... тогда развитие может идти *легко* — с наименьшими затратами сил и времени со стороны ребенка, развитие может идти *быстро*... развитие может достичь наибольшей высоты, и ребенок может стать способным, талантливым и даже гениальным человеком... Если у ребенка нет необходимых видов деятельности, то эти возможности развития начинают утрачиваться, деградировать, и тем быстрее, чем слабее их функционирование»²⁰. Из этого вытекает вывод о первостепенном значении раннего развития способностей человека. «Лишив ребенка своевременного и полноценного развития в младенчестве и дошкольном возрасте, мы *тем самым обрекаем* его на всю жизнь на *низкие темпы развития*, на громадные затраты сил и времени на это *развитие* и на низкий конечный результат и еще утверждаем: „Таковы уж природные данные детей“»²¹.

Поскольку творческая деятельность требует развития большого ансамбля качеств человека, всех психических функций, постольку все очевиднее становится значение *всестороннего* развития детей с самого раннего возраста. Опыт так называемых школ-комплексов, число которых быстро растет, показывает, что именно в них создаются условия, особо благоприятные для развития способностей детей²².

Гельвеций, один из духовных отцов Великой французской революции, в двух своих всесветно-известных трактатах «Об уме» и «О человеке» доказывал, что ум — это на 100 % продукт и результат воспитания. Многих из его современников пугал решительный и категорический материализм такой гипотезы. И до сих пор она кажется чересчур смелой многим просвещенным людям, даже специалистам, исследующим природу и происхождение ума. Тем не менее эта мысль нашла признание в дальнейшем развитии философии: своим умом, мышлением, своей способностью суждения человек не обязан ни богу, ни природе.

Природа подарила человеку мозг, но не подарила способности использовать этот мозг в качестве органа мышления, органа человеческой психики (интеллекта, воображения, сознания, воли, самосознания). Человек обязан ими исключительно самому себе, своему труду, своей собственной деятельности, своей собственной истории. Эти удивительные психические функции «впервые рождаются, возникают, а затем развиваются вплоть до высших уровней этого развития — до фазы личности, фазы таланта»²³.

Вопросы о роли генетических программ в развитии человека, формировании и наследовании отдельных качеств, признаков занимают в генетике центральное место. В буржуазной генетике широко распространены взгляды, что гены, генетические программы определяют поведение и духовную жизнь человека. Такой подход служил обоснованию социал-дарвинистско-расовых теорий, евгеники. В последние годы распространение получили взгляды о существовании «всеобщего закона», согласно которому в человеке нет ни одной черты, которая не определялась бы двумя факторами — генами и условиями среды. Причем, в этом суть дела, приоритет отдается биологическому, генетической программе.

В конечном счете делается вывод, что устранение различных социальных противоречий и пороков, решительное изменение жизни общества лежат на пути регулирования развития человечества по генетическому плану, включающему отбор людей с «ценными генами», сокращение людей — носителей «вредных генов». Подобные теории стремятся убедить, что в обществе есть люди с такой генетической программой, которая делает их... трудновоспитуемыми и к которым общество вынуждено применять необычные меры воспитания.

Советская генетика подвергла глубокой критике социобиологи-

ческие теории, показала их реакционность. Она доказала, в частности, что существеннейшей чертой мозга является его *неспециализированность*, что специализация его, развитие мозга как морфофункциональной системы происходит в течение всей жизни человека, что идеальное (социальное) содержание психики не записано в генетической программе человека, а формируется в процессе становления личности, что мозг обладает безграничными способностями для восприятия разносторонней социальной программы, обеспечивает универсальную социальную готовность новорожденного включиться в разностороннюю общественную деятельность²⁴.

Советская генетика показала, что все нормально рожденные дети одинаково талантливы или, вернее, одинаково бесталанны. Они не выделяются какими-то способностями, их просто нет, они еще не сформированы. Человек рождается универсальным, готовым к любому виду деятельности. «Никаких специальных генов „интеллектуальности“ или „гениальности“ не существует... Для наличия таланта необходима нормальная универсальная генетическая программа. Чтобы реализовать ее колоссальный потенциал, нужны оптимальные условия. Все свойства высших проявлений психики человека формируются *прижизненно*, и поэтому они управляемы. Понимание этого открывает громадные перспективы для педагогики»²⁵.

Люсьен Сэв, член ЦК Французской коммунистической партии, выступая на страницах журнала «Коммунист», писал, что в настоящее время развернулась начатая работами Дженсена, Айзенка исключительно интенсивная кампания, рассчитанная не только на специалистов, но и на широкие массы. Цель ее — отвоевать то, что было завоевано марксистской концепцией человека в трудной борьбе. Эта кампания идеологической поддержки расизма ставит под угрозу борьбу против вопиющего социального неравенства, во имя социобиологии. В этом контексте совершенно исключительное значение приобретает критика попыток доказать, что именно биологическая детерминация играет роль основы развития личности²⁶.

И в нашей стране отдельные специалисты стремятся, как отмечалось выше, представить дело так, что концепция генетической детерминации поведения человека, его личностной характеристики является вполне доказанной. Е. Лильин, П. Гофман-Кадошников пишут: «Сформированный выше основной закон генетики развития в наше время уже не требует новых доказательств... споры являются пережитками давно отшумевших бурь, попыткой ревизировать неопровержимо доказанный основной закон генетики развития»²⁷.

По существу аналогичные взгляды отстаивает академик Д. К. Беляев: «...есть такие генетически детерминированные свойства психики и нервных процессов, совокупность которых при

определенных условиях с большей вероятностью ведет либо к развитию человека с высоким чувством совести, долга и ответственности перед обществом, либо человека, который плохо понимает значение этих слов и мало реагирует на обычно применяемые в обществе меры воспитания»²⁸.

Ссылки на «определенные условия», «большую вероятность» и другие оговорки не меняют существа позиции: от генетической детерминации зависит, как реагирует личность «на обычно применяемые в обществе меры воспитания» и т. д. Нет ничего удобнее представить всех бунтовщиков, протестующих и т. д. трудно-воспитуемыми, людьми с «плохими генами».

На какие же исследования ссылаются сторонники этой концепции? Академик Д. К. Беляев, например, ссылается на *две* работы, в которых приведены как будто бы надежные, объективные факты. Первая из них — статья Н. Г. Артоболевской, В. Ф. Майрамяна, В. П. Эфраимсона «Успехи генетики психологических особенностей»²⁹. В статье приводятся отдельные результаты исследований, взятые из книги Г. Бракена «Психологическая генетика человека» (1969), дающей обзор исследований, осуществленных рядом буржуазных ученых. Заметим, что обзор вряд ли может рассматриваться как вполне надежный источник: слишком велика возможность отбирать факты для обоснования... собственной точки зрения. Причем авторы отмечают, что ряд исследований, результаты которых приводит Г. Бракен, «не вполне методологически безупречны», другие содержат явные «методические погрешности», имеют «серьезные упущения», а отдельные, как стало известно в последнее время, просто фальсифицированы (данные С. Барта, используемые авторами статьи на с. 130)³⁰. Авторы приходят к выводу о необходимости развертывания оригинальных исследований.

Не отличается убедительностью и статья Н. С. Кантонистовой «Исследование интеллектуальной деятельности близнецов»³¹. Начав с утверждения об определяющем влиянии социальной среды, автор затем говорит, что «наследственная основа определяет диапазон реализации» социальных условий (с. 351). А далее приведенные автором данные исследований показывают... противоположное, что с возрастом детей снижается роль генетического разнообразия «в изменчивости ряда показателей и увеличивается роль средовых воздействий» (с. 357). Иными словами, и эта статья не приводит веских данных в пользу защищаемого тезиса.

Американский психолог Дж. Гауэн, анализируя исследования М. Термана, пришедшего к выводу, что умственная одаренность обусловлена генетически, что одаренные люди без образования обладают такими же умственными потенциями, как и получившие образование, пишет, что последний недостаточно учитывал влияние... социально-экономических факторов³². Хорош недостаток, который обесценивает все исследование!

В январе 1982 г. были опубликованы материалы «круглого стола», организованного редколлекцией «Недели» по проблеме «Одаренный ребенок». В заседании приняли участие специалисты разных профилей. Общее мнение было сформулировано кандидатом педагогических наук Ю. Полуяновым: «Наши исследования не дают основания считать, что способность нечто врожденное... Главное — среда, в которой происходит воспитание и становление человека»³³. Выступая на этом заседании «круглого стола», доктор психологических наук Л. Венгер говорил, что «нет ведь ни одного научного доказательства о какой-то генетической предопределенности способностей и талантов, хотя, будем объективны, нет и убедительных доказательств противоположного»³⁴.

С последним добавлением нельзя согласиться. Социальная сущность человека доказана наукой и общественно-исторической практикой, в частности опытом работы советской школы. В качестве отдельных примеров можно назвать метод обучения математике, разработанный В. Ф. Шаталовым, или успехи в воспитании слепоглухих детей, полученные под руководством И. А. Соколянского, А. И. Мещерякова. Это исследование Э. В. Ильенков относил к числу «бесспорно доказывающих правоту марксистско-ленинского решения проблемы ума, проблемы его природы и возникновения (происхождения)»³⁵.

Причина поразительных неудач составителей тестов-определителей уровня развития интеллекта или таланта состоит в том, что таланты не врожденные, а формируются в процессе жизни человека, в онтогенезе. Причем для их формирования нужно много лет.

Как бы пристально психологи, педагоги и тренеры ни всматривались в лица 5-летних мальчиков и девочек, какие бы тесты они ни использовали, они не могут определить, кто же из них «талант» и даст в будущем высокие результаты. Таланты еще не сформировались.

Отсюда и парадоксы: «вундеркинды» вырастают и становятся «обыкновенными» людьми, а «посредственности» и даже явные «тупицы» становятся вдруг... гениями. Примеров этих парадоксов так много, что мы их и не приводим³⁶.

Осознание того, что талант не наследуется, не возникает как случайная комбинация генов, а формируется, создается, возлагает особую ответственность на воспитателей, учителей, руководителей всех рангов и категорий. В условиях господства концепции «талант — божий дар» воспитатель, тренер, руководитель и т. д. освобождаются от всякой ответственности за результаты своей деятельности. Отсюда диогеновская установка на поиск талантов вместо того, чтобы искать методики подготовки талантов, годами готовить, выращивать их, анализировать законы их роста.

Конечно, в условиях, когда таланты формируются в стихийно

сложившихся условиях, поиск уже готовых талантов вполне понятен и оправдан. Но такая «политика» не обеспечивает решения основной задачи — роста творческого потенциала народа.

Только систематическая, научно обоснованная работа по формированию и развитию творческих способностей человека, начиная с самого раннего (младенческого) возраста, обеспечит резкое повышение творческого потенциала народа, эффективное решение сложнейших задач, встающих перед советским обществом.

¹ См. работы Б. Л. Астаурова, Н. Г. Артоболевской, В. П. Эффраимсона, В. Полянина, Ю. Керсис, А. Горбовского и др. Е. Лильин и П. Гофман-Кадошников пишут: «Никакие условия среды... не воспитают выдающегося художника, певца, математика... из ребенка, не имеющего соответствующих задатков». (*Лильин Е., Гофман-Кадошников П.* Близнецы, наследственность и среда. М., 1975. С. 31.) В работе Н. С. Кантонистовой встречаем: «Уникальная для каждого человека субстратная, наследственная основа... определяет диапазон ее реализации». (*Генетика.* 1980. Т. 16, № 2. С. 351.) Критический анализ социобиологии (в частности критику генетического детерминизма, концепции генно-культурной коэволюции, «эпигенетических правил») см. в работах В. А. Игнатьева, Р. С. Карпинской, М. С. Комарова, И. Т. Фролова и др.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 109.

³ Там же. С. 3.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 566.

⁵ Г. Бек в работе «Мораль и талант» (София, 1979) дает следующее определение: «...талант — это качественное свойство целостной личности, рассматриваемой как совокупность способностей, моральных качеств и черт ее характера... Основополагающая характеристика личности в целом» (Цит. по: РЖ. Общественные науки за рубежом. Сер. 8, Науковедение. 1981. № 2. С. 98—99.)

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 194—195.

⁷ Мясищев В. Н. Проблемы способностей в советской психологии и ее ближайшие задачи // Проблемы способностей. М., 1962. С. 10—11.

⁸ См.: Ильенков Э. В. Учитесь мыслить смолodu. М., 1977.

⁹ Адамар Ж. С. Исследование психологии процесса изобретения в области математики. М., 1970. С. 26.

¹⁰ Из-за недостатка места в статье не рассматриваются другие формы и механизмы подсознания, в том числе и формирующиеся на основе неосознанной деятельности (установки, модели-эталон и др.). Они глубже раскрывают содержание подсознания, его механизмы. Их анализ дает новые подтверждения факта, что подсознание формируется в онтогенезе.

¹¹ См.: Шумилин А. Т. Проблемы структуры и содержания процесса познания. М., 1969. Гл. 1, § 14.

¹² Полонский В. Сознание и творчество. М.; Л., 1934.

¹³ Техника молодежи. 1982. № 1. С. 22.

¹⁴ Ильенков Э. В. Указ. соч. С. 19.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 2.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См.: Понугаева А. Г. Импринтинг. Л., 1973.

¹⁸ См.: Заззо Р. Психическое развитие ребенка и влияние среды // Вопр. психологии. 1967. № 2.

¹⁹ Никитина Л. А., Никитин Б. П. Мы и наши дети. М., 1980. С. 98.

²⁰ Никитин Б. П. Гипотеза возникновения творческих способностей // Социологические и экономические проблемы образования. Новосибирск, 1969. С. 98—99.

²¹ Там же. С. 105.

²² См.: Щетинин М. П. Школа будущего рождается сегодня // Новый мир. 1981. № 3.

- ²³ Ильенков Э. В. Указ. соч. С. 17—18.
- ²⁴ См.: Дубинин Н. П. Наследование биологическое и социальное // Коммунист. 1981. № 11. С. 67.
- ²⁵ Таланты в наших руках: Интервью с акад. Н. П. Дубининым // Комс. правда. 1980. 17 окт.
- ²⁶ См.: Сзв Л. Проблема не только научная, но и политическая // Коммунист. 1982. № 4.
- ²⁷ Лильин Е., Гофман-Кадошников П. Указ. соч. С. 31.
- ²⁸ Беляев Д. К. Социальное и биологическое в человеке // Полит. самообразование. 1982. № 2. С. 40.
- ²⁹ Бюллетень Московского общества испытателей природы. Биология. 1970. Т. 25(4).
- ³⁰ См. работы Л. П. Хэрншоу, Г. Айзенка, Н. Хокса.
- ³¹ Генетика. 1980. Т. 16. № 1, 2.
- ³² См.: РЖ. Общественные науки за рубежом. Сер. 8, Науковедение. 1979. № 3. С. 88.
- ³³ Неделя. 1982. № 1.
- ³⁴ Там же. С. 11.
- ³⁵ Ильенков Э. В. Указ. соч. С. 23.
- ³⁶ См.: Никитин Б. П. Указ. соч.

Раздел 2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ПРАВСТВЕННО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ

Л. А. ПЬЯНОВА

УрО АН СССР

ТВОРЧЕСКИЕ СПОСОБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА КАК СОДЕРЖАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО БОГАТСТВА

(социально-экономический аспект)

С чем сегодня связывается новое качество социализма как общественного строя? Нам думается, прежде всего — с формированием нового понимания его общественного богатства. Переболев социальной нищетой, оскудением экономической и духовной жизни, общество мучительно ищет ответ на вопросы: как вырваться из этого унижительного состояния, где найти внутренние источники и силы для движения вперед и, наконец, как связать воедино разорванные отечественной исторической практикой понятия «социализм» и «богатство»?

На сегодняшний день проблема богатства — это мировоззренческий пульс научных исканий. Пытаясь выйти из унифицированности общественного развития, ставя вопрос о критерии социалистичности многообразных форм жизни, мы всегда так или иначе решаем эту проблему богатства. На основе определенного ее решения вырабатываются цели, стратегия и основные направления развития общества.

Суть дела заключается в том, что богатство играет *структурообразующую роль* в функционировании общественного организма, конституирует его качественную целостность и специфику развития, определяет место и роль человека в конкретном социуме, генерирует социальную связь людей в натуральной, товарно-денежной или непосредственно общественной форме. Важно подчеркнуть и то обстоятельство, что элементарная клеточка богатства в свернутом виде содержит жизнеспособность или ограниченность той или иной общественной системы.

Общественное богатство есть основополагающее базисное отно-

шение, определяющее качественную природу социальной системы. Ответ на вопрос: что, как и какими темпами накапливается? — позволяет выявить глубинный смысл общественного движения, внутренний источник становления общественного целого, характеризующий динамику, перспективы и тупики развития. Вопрос о преимуществах системы, о центральном звене ее эффективности, позволяющем дать более высокие образцы цивилизованности и культуры, — это также вопрос о богатстве.

Наше мышление долгое время вращалось в парадигме отчуждения, редуцированных овеществленных социальных отношений и соответственно воспроизводило концепцию общественного богатства в его вещественной форме (богатство — совокупность материальных благ и ценностей).

Исторически концепция материального богатства возникла в период первоначального социалистического накопления, формирования предпосылок, материально-вещественных факторов производства в условиях экстенсивного индустриального развития.

Общественная сущность материального богатства раскрывается как процесс *формального обобществления прошлого овеществленного труда*, где ассоциированная общественная связь утверждается посредством движения конечных результатов и продуктов деятельности (обмен). Это была революция преимущественно в структуре объективных производительных сил (средств производства), не затрагивающая качественной природы субъективных производительных сил — самого процесса труда и его субъекта.

Новые ассоциированные формы связи первоначально утверждались в сфере *обмена* продуктами деятельности, не понижая еще процесс живого труда, не преобразовывая сколько-нибудь существенно структуру отношений производства. Социалистическое обобществление и регулирование касалось исключительно движения произведенных продуктов, выражаясь в контроле за их распределением и использованием, т. е. сферы распределительных отношений и отношений обмена. Это не могло не вызвать к жизни идей уравнительности, ограничений и унифицирования человеческих способностей и потребностей. Перестройка отношений распределения на основе социальной справедливости без коренной перестройки всей системы производства, и прежде всего живого труда, есть экономический источник нивелирования индивидуального своеобразия способностей, обезличивающего типажирования усредненных классовых индивидов.

Простая кооперация, товарный обмен (пока лишь прибавочного продукта) были *первыми формами обобществления*, преобразованиями становления новой социалистической формы развития. В этих условиях формирование *национального рынка равных товаропроизводителей* призвано было стать *реальным механизмом социалистического обобществления* вширь, утвердив новую общественную

связь пока формально, в ее предметно-вещной форме — в форме материального богатства средств производства.

Источник развития и экономической эффективности общественной системы, основанной на приоритете форм материального богатства, заключается в максимальном использовании овеществленного труда и присвоении труда живого. Отечественная история дает нам много примеров подобного рода. Так, если обратиться к структурным процессам расширенного воспроизводства и накопления, то обнаруживается, что здесь превалируют вложения не в живой, а в прошлый мертвый овеществленный труд. В структуре национального дохода из года в год явно виден перекося в сторону производства преимущественно группы «А» (средств производства) и наблюдается сокращение группы «Б» (вложений в человека)¹. Все это не может не сказываться на социальном развитии человека, поскольку экономически ограничивается масштаб реализации и поле продуцирования творческих способностей людей. Дефицит творческого потенциала в обществе — это результат экономического «недовложения» в человека. И дело здесь не столько в количестве, сколько в качестве вложений, ибо они связаны с воспроизводством человека преимущественно в форме *персонифицированной рабочей силы* — вещной всеобщности, к которой причисляются усредненные индивиды с усредненными способностями.

Отождествление человека с его бытием в качестве носителя рабочей силы, а творческих способностей только с производительными способностями ведет к парадоксальной исторической ситуации, когда человек выступает не субъектом производительных сил, а их элементом, частью, фактором, рабочей силой, трудовыми ресурсами, т. е. становится рядоположенным с вещественными структурами производства. Не случайно основными моментами системы материального богатства в нашем обществе стали система наемного производительного труда (все в найме у государства), культ «производящего экономического человека» (а сегодня добавляют без изменения существа дела — и равного товаропроизводителя).

Ограничение развития творческих способностей человека масштабом подготовки его в качестве рабочей силы обусловлено тем, что живой человеческий труд до сих пор в нашем обществе остается основой производства, а затраты рабочего времени — мерой ценности человека и результатов его деятельности. Причины и суть дела заключаются в следующем. На данном этапе исторического развития общество в лице государства регулирует только движение *стоимостных форм прибавочного продукта*, оно не способно еще овладеть *необходимым продуктом* в его *натуральной форме*, который непосредственно направлен на воспроизводство самого человека, многообразия его конкретных способностей и потребностей. Овладение необходимым продуктом носит пока еще *формаль-*

ный характер, ибо гарантируется обществом лишь в стоимостной форме, а следовательно, абстрактно, продуцируя в силу этого повсеместно усредненного индивида с усредненными способностями.

Если проанализировать динамику роста материального богатства, беря во внимание объемы промышленного производства и капитальных вложений, то обнаружится, что по сравнению с 1913 г. первые возросли в 30 раз, вторые — в 27 раз². Но стоит ли гордиться сегодня такими темпами, если только за пять лет — с 1980 по 1985 г. — производство средств производства значительно опередило группу «Б»?³ Экономика начинает работать не на человека, а на себя. По словам К. Маркса, производство ради производства и есть воспроизведение *вещного богатства* в противоположность развитию человеческой личности. Система производства ради производства накапливает материальное богатство чисто в количественном отношении, но обедняет человеческое богатство страны. При общем росте национального дохода, объемов производства, накопления наблюдается постоянная тенденция к снижению их «гуманистической» отдачи, так как подобный «динамизм» *практически не влияет на качество жизни человека, развитие его способностей*.

Парадоксальность заключается в том, что узкоэкономический подход к богатству в нашей теории и практике, сведение всех форм деятельности к экономическим вступают в противоречие с самой экономической рациональностью. Так, фонд накопления, превосходящий, кстати, соответствующий показатель в США в 1,5 раза, не накапливает уже богатства, а омертвляет его, ведя к истощению природных и человеческих ресурсов. Достаточно вспомнить объемы незаконченного строительства, неиспользуемой техники, выключенной из живого процесса труда, запасы сверхнормативной продукции и пр.

Живой труд, человеческие способности, опредмеченные в этом вещественном богатстве, «умирают», оставаясь невостребованными обществом и человеком. Таким образом, здесь четко выявляются пределы расширенного воспроизводства, в котором не остается места воспроизводству общества и человека, его творческих способностей.

В итоге рост массы овеществленного богатства предполагает в качестве основания общественную и человеческую бедность⁴. Мы видим, что источник подобного типа развития с ориентацией на материальные формы богатства имеет четкие антропологические пределы, ибо основан на расхищении субъективных производительных сил человека, обеднении самого источника общественного движения, где многообразие человеческих способностей приносится в жертву поспешной «кавалерийской цивилизованности». Богатство феноменологических продуктивных форм жизни приво-

дит к господству объективистских структур в политике и культуре, формируя социальную феноменологию с ее лозунговым антропоцентризмом как компенсацией дефицита развития человека.

Обращение к концепции человеческого богатства связано с выработкой стратегии и конструктивной теоретической модели дальнейшего развития. Сегодня крайне необходимо помимо решения тактических задач начать практическое стратегическое изменение наиболее глубинных базисных отношений. Перестраивать эти отношения на основе системы материального богатства — это значит загнать все новации в старое прокрустово ложе, обрекая их на декларативность, формируя лозунговую экономику и демократию.

В стратегическом смысле необходимо четко осознать, что снятие пределов роста, обогащение источников развития, а следовательно, и достижение коренного поворота в экономике возможны только на *принципиально ином* общественном базисе — базисе *человеческого субъективного богатства*. Вопрос о человеческом богатстве — это вопрос о реализации коренных преимуществ социализма, связанных с приоритетом гуманистических установок в общественном развитии.

По своей сущности человеческое богатство есть процесс *реального обобществления живого труда* — способностей и самой деятельности человека. К. Маркс определял богатство как «всемирно-историческое накопление человеческих способностей»⁵. Соизмеряя социальную значимость вещественных и личностных факторов, он развил на основе концепций «человеческого накопления» и «вложений в человека» тезис младорикардианцев (Т. Годскин, В. Томпсон) о приоритете субъективных факторов производства.

Критикуя грубый материализм буржуазных экономистов, К. Маркс особо подчеркивал эвристическую ценность положения Т. Годскина о том, что «накопление представляет собой не что иное, как накопление производительной силы общественного труда, так что накопление мастерства и знаний (научной силы) самих рабочих является основным накоплением и несравненно важнее, чем идущее рука об руку с ним и лишь отражающее его накопление *наличных объективных условий*...»⁶. Самостоятельность и самодовлеющая ценность вещественной формы богатства исчезает, «оно просто выступает скорее как деятельность людей», это «вещественно прочное богатство есть лишь мимолетное овеществление этого общественного труда»⁷.

«Вложения в человека» социально и экономически наиболее «рентабельны», так как образуют *предпосылку* дальнейшего развития, направлены на обогащение не внешней предметной формы, а самого *источника* общественного движения. «...Степень искусности наличного населения является в каждый данный момент предпосылкой совокупного производства, — следовательно, главным накоплением богатства...»⁸

Реальное обобществление связано, прежде всего, с преобразованием структуры субъективных производительных сил — самого процесса труда и его субъекта, которое революционизирует не только экономическую, но и социальную, технологическую модель производства. В ней отсутствует дуализм новой экономической формы и старого социального содержания самого процесса труда, в том числе и его технологического базиса, что наблюдается при формальном обобществлении. Эти компоненты процесса производства приводятся в диалектическое соответствие, формальные и содержательные структуры совпадают, что и позволяет говорить о реальном обобществлении.

Рассмотрим вопрос о сущности и качественной определенности процесса реального обобществления. Формирование человеческого богатства связано с накоплением «субъективного в субъекте», т. е. с обобществлением деятельных творческих способностей людей и самой производственной деятельности (кооперации и разделения труда). Таким образом, в центр исследования выдвигаются вопросы, связанные с определением элементарной формы человеческого богатства, социальных отношений, в которых оно реализуется, и, наконец, с механизмом его формирования. Спектр этих вопросов принципиально важен, так как они напрямую соотносятся с пониманием природы социализма как формы общественного развития.

Многочисленные дискуссии последних лет, касающиеся определения исходного отношения социализма, породили множество схоластических споров о дефинициях (потребности, способности, общественная собственность, непосредственно общественный труд). Избежать подобного «конкурса дефиниций» можно путем выявления *реальной всеобщей* формы связи, определяющей субстанциональное единство всех экономических и социальных форм жизни. Речь идет о выделении *генетической основы*, в простейшей форме содержащей закономерности становления и развития общества.

Для решения данного вопроса рассмотрим структуру *производительной силы труда* как главного содержания человеческого богатства. В реальном процессе материально-производственной деятельности производительная сила труда проявляется и существует *«и как научная сила, и как комбинация общественных сил в процессе производства, и как умелость, перенесенная из непосредственного труда в машину, в мертвую производительную силу»*⁹.

Эти элементы производительной силы труда составляют ее внутреннее содержание и являются непосредственным общественным богатством. Таким образом, накопление человеческого богатства осуществляется в трех формах: в форме индивидуальной производительной силы труда (совокупность деятельных способностей людей), в опредмеченных формах ее существования и в формах производительной силы самой производственной деятельности (коопе-

рация и разделение труда). При этом *главным элементом* производительной силы труда К. Маркс считал накопление и расширенное воспроизводство *деятельных творческих способностей* людей. Таким образом, элементарной формой бытия человеческого богатства, определяющей закономерности его развития и его структуру, являются *деятельные способности* индивидов.

Субстанцией, порождающей все многообразие человеческих способностей и являющейся источником расширенного воспроизводства человеческого богатства, выступает *всеобщий самодетельный труд*. Продуцирование способностей — это основная функция всеобщего труда. Как субстанции различных форм богатства абстрактный труд и всеобщий труд выражают *общественный* характер труда, но выражают по-разному. Абстрактный труд — опосредованно, через овеществленную стоимостную связь, отчужденную и противостоящую индивидам; всеобщий труд — непосредственно. Непосредственный характер всеобщего труда состоит в том, что конкретный труд индивида включается в совокупный труд общества, минуя стадию формальной метаморфозы во всеобщий эквивалент — абстрактно-однородный труд. Общественный характер всеобщего труда проявляется в самом конкретном труде. Если абстрактный труд порождает однородную абстрактно-всеобщую тотальность как пространство бытия усредненных индивидов с усредненными способностями, то всеобщий труд — непосредственную конкретно-индивидуальную культурно-историческую общность. Конгломераты-общности, порожденные абстрактным трудом (государство, политические общности, экономические объединения и т. д.), воспроизводят редуцированный коллективизм, мнимую, иллюзорную коллективность как новые оковы совместной человеческой деятельности. Конкретно-многообразные, социальные богатые общности-ассоциации, вырастающие на основе всеобщего труда, производят саму общественную связь, социальную форму, подлинную коллективность как единственно истинный результат деятельности.

Иначе говоря, создавая богатство предметно воплощенных форм человеческих способностей, всеобщий труд порождает и нечто большее — ту великую «надбавку», которую К. Маркс называл «роскошью человеческого общения». Для того чтобы деятельность каждого человека имела действительное творческое содержание, она должна быть преобразована на развитие деятельных способностей людей, она должна быть преобразована по типу всеобщего труда, т. е. полагаться как непосредственно общественная индивидуально-конкретная, культурно-историческая самодетельность.

В какой мере товар несет в себе характеристики не только элементарной формы материально-вещного богатства, но и элементарной стоимостной формы продукта (раскрывающей элементарную социальную связь, отношение), в такой же мере человеческие способности несут в себе характеристику элементарной социальной

связи — непосредственно общественных отношений людей.

Наряду со всеобщим трудом К. Маркс рассматривает непосредственно общественные отношения как выражение общественного характера деятельности. В этом смысле *генетически исходным отношением* человеческого богатства, а соответственно, и системы в целом выступает непосредственно общественная связь, которая предстает по преимуществу социальным, а не экономическим отношением. Данное отношение приходит на смену вещной стоимостной опосредованной связи системы материального богатства. В какой мере стоимостная вещная связь является единственно реальной формой бытия товара, в такой же мере непосредственно общественная связь существует как единственная *реальная форма* бытия человеческих способностей. В конкретной системе отношений социализма непосредственно общественная связь выступает в качестве социальной формы всех отношений производства, распределения, обмена и потребления, т. е. предстает как элементарная конкретность.

Когда в качестве исходного отношения системы социализма выдвигается индивид, его потребности, собственность, то во всех случаях происходит отождествление *отношения* с его материальным субстратом-носителем: в первом случае — с личностным элементом общественного производства, во втором — с вещественным.

Непосредственно общественные отношения — это социальная форма истинной коллективности, в которой индивиды выступают не как представители класса, слоя, касты, группы, а именно как индивиды, опредмечивающие в коллективности силу своих способностей и продуцирующие свою ассоциацию как пространство сотрудничества и человеческой солидарности.

Проанализировав процесс в «чистом» виде, посредством выделения его сущностных параметров, перейдем к рассмотрению исторически конкретных форм его бытия и развития.

Производительная сила живого труда в форме индивидуальных способностей представлена сегодня преимущественно развитием производительных способностей, так как субъект реализует себя главным образом в качестве рабочей силы с заданными параметрами, масштабом необходимых производству способностей (мастерства, умений, знаний и т. д.). В силу частичности деятельности способности имеют одностороннюю структуру, как культурную, так и профессиональную, они задаются структурой конечного продукта и ориентированы на нее, социально обеднены в силу преимущественно экономической формы развития и связи, индивидуально усреднены, малокреативны из-за дефицита подлинной коллективности и культуры.

В какой мере в обществе будут утверждаться новые организационные формы трудовой деятельности (хозрасчет, бригадный, семейный подряд, аренда и т. д.), в такой же мере можно говорить

о преодолении дефицита способных, социально активных людей. Многообразие форм собственности становится социальным и экономическим фундаментом свободной вариативности и разнообразия систем формирования индивидуальных способностей. Появление в обществе неформальных ассоциаций по интересам открывает простор для становления новой структуры общества, характеризующейся отсутствием жесткой однозначной закреплённости за общностью, подвижностью социальных слоев и групп, что становится предпосылкой формирования действительной коллективности, а следовательно, и многообразных творческих способностей людей. К этому же ведут и процессы «разгосударствления» экономической и социальной жизни, создания самостоятельных ассоциированных объединений, союзов, разрушающих ведомственные вертикальные сверхструктуры путем развития прямых горизонтальных связей как элементов непосредственно общественной связи. Наметившийся сегодня выход человека из традиционных экономических и политических общностей есть преодоление заданности и социальных пределов развития индивидуальных способностей. Чем многообразнее общности, в которые включен индивид, чем шире спектр его коллективных связей, не опосредованных экономической или политической целесообразностью, тем богаче мир его творческих способностей.

Всеобщий труд — это отнюдь не всеобщность участия в труде, а новый тип деятельности, характеризующий социальное положение человека в системе общественного производства. Одним из способов реализации глубинных сущностных черт всеобщего труда может стать бригадный подряд как самостоятельная форма развития всеобщего труда, где под контроль ставится не только движение конечного продукта (распределительные отношения), но и организация самого трудового процесса посредством учета индивидуальных затрат конкретного труда без опосредования его товарным обменом, т. е. труд любого члена коллектива включается в совокупный коллективный труд непосредственно. Таким образом, в бригадной форме общественный характер деятельности утверждается уже на базе не абстрактного, а конкретного труда и существует как предпосылка процесса производства, хотя подобное включение носит пока количественный, а не качественный характер, поскольку мера индивидуальных затрат определяется мерой рабочего времени и интенсивностью труда.

Производительная сила совместного труда, существующая в форме непосредственно общественных связей и отношений, реализуется на современном этапе в виде кооперации и разделения труда, которые К. Маркс рассматривал как общественные факторы развития производительной силы труда в целом¹⁰. Кооперация и разделение труда по своей сущности выражают социальную форму реализации коллективности, ассоциированных связей на опреде-

ленном уровне развития производительных сил труда, и соответственно этому уровню существуют простая, технологическая и социальная кооперация и технологическое, отраслевое и социальное разделение труда.

Очень часто кооперацию и разделение труда понимают на удивление узко: кооперацию — как форму собственности на предметные условия труда, разделение труда — как отделение умственного труда от физического или же как межотраслевое и технологическое разделение труда. В обоих случаях эти понятия лишаются социальных параметров, характеризующих их с точки зрения всеобщих моментов воспроизводства общественной жизни. Не случайно поэтому ленинское положение о социализме «как строе цивилизованных кооператоров» понимается не как утверждение ассоциированных коллективистских отношений на базе общенародной кооперации труда в масштабах общества, а весьма обедненно, как рост экономических форм кооперативной собственности. В этом случае совершенно непонятно, почему и К. Маркс, и В. И. Ленин рассматривали кооперацию как прообраз новых общественных связей по типу ассоциации. Поэтому утверждение данных форм жизни есть шаг вперед в развитии социальной формы непосредственно общественных отношений.

К. Маркс рассматривал кооперацию как всеобщую универсальную форму, «которая лежит в основе всех общественных устройств, направленных на увеличение производительности общественного труда...»¹¹. Кооперация, по К. Марксу, это простейшая форма человеческой ассоциации, которая остается базисом и предпосылкой ее более развитых непосредственно общественных форм. Вот почему развитие кооперации и разделения труда является сегодня *показателем* степени реализации на практике непосредственно общественных коллективистских связей людей, показателем того, насколько *эффективен* совместный производительный труд, насколько развиты «естественные силы» коллективной деятельности, продуцирующие (и это их главный продукт) новую общественную форму развития.

На современном этапе базисом кооперации и разделения труда выступает совместный живой труд. Поэтому наибольшее развитие в производстве получила простая экономическая кооперация и межотраслевое разделение труда.

Экономическая кооперация — это путь экстенсивного пространственного развития ассоциированной связи, которая охватывает не сам труд, а движение конечных продуктов. Общество в лице государства объединяет работников в экономическую общность по поводу производства конечного продукта. В простой кооперации экономическая форма оторвана от технологического базиса, источником ее развития является товарный обмен, формирующий опосредованную общественную связь. Наиболее слабое развитие получили

формы технологической и социальной кооперации. Если технологическая кооперация — это объединение в самом процессе труда на основе средств труда, то социальная кооперация как ее высшая форма представляет собой не что иное, как кооперацию в масштабе всего общества. Закономерность здесь вырисовывается такая: чем примитивнее ассоциированная связь на уровне непосредственного производителя, тем она беднее и на уровне всего общества. В этой ситуации наибольшее развитие получают такие формы кооперации, которые опосредуют социальные отношения индивида и общества (это экономическая кооперация посредством государства). Задача сегодня состоит в том, чтобы перейти к технологической кооперации самой производственной деятельности и развивать формы непосредственной социальной кооперации (например бригадный подряд). Основным направлением развития технологической кооперации является хозрасчет, который как раз позволяет перейти от управленческой организации труда к кооперации и разделению труда как организации труда на уровне самого производителя.

Господствующее положение в системе разделения труда сегодня занимает межотраслевое и социальное разделение труда с высокой степенью развития кооперативных планомерных начал на уровне общества и слабым развитием технологического разделения труда на уровне предприятия. Чем больше объем отраслевого разделения труда, тем слабее развито разделение труда в непосредственном процессе производства. Насколько обобществлен труд на уровне общества (хотя и формально), настолько он частичен и не обобществлен на уровне первичного экономического звена, т. е. непосредственной деятельности индивида. Пока процессы обобществления будут идти только по вертикали и на макроуровне, пока в фундаменте общественного организма не сформируются ассоциированные общности на основе технологической и социальной кооперации и разделения труда, до тех пор понятия «социализм» и «богатство» будут альтернативными, потому что социальная эффективность системы непосредственно связана с действием закона повышения производительной силы труда: «издержки производства постоянно падают, а живой труд постоянно становится производительнее...»¹² Если говорить об эффективности социализма как системы, то надо говорить об эффективности производительной силы труда как источника, создающего богатство общества. Именно здесь, в структуре производительной силы труда, находится основное звено реализации преимуществ социализма (богатство деятельных способностей, продуцирование самой общественной формы, повышающей эффективность всей производственной и социальной деятельности).

Таким образом, формирование материального богатства средств производства и потребления является необходимой формой разви-

тия богатства, так как создает материальные предпосылки становления подлинного человеческого богатства. Обобществление материальных форм богатства посредством товарного обмена, стоимостных отношений, рынка — задача сегодняшнего дня. Но, решая ее, нельзя забывать, что социализм — общество по преимуществу не экономическое, а социальное. А потому создание развитых форм материального богатства не может рассматриваться в качестве стратегической задачи перестройки и тем более ее основания. Материальное богатство есть исходная, но исторически преходящая форма, где ассоциированная связь реализуется еще в неадекватной себе отчужденно-вещной форме бытия.

Формирование подлинного человеческого богатства как действительного базиса новой общественности — это тоже задача не завтрашнего, как полагают многие экономисты, а сегодняшнего дня. Уже сейчас практика дает нам образцы реальных ассоциированных форм, и нам необходимо развивать механизмы их дальнейшего роста. Без такой «стратегической» работы нас подстерегает опасность впасть в апологию наличных форм бытия и тактических реформ, принести в жертву своей внеисторичности глубинные базисные преобразования и широкие гуманистические перспективы развития, связанные со становлением общественного богатства в форме накопления творческих сил и способностей людей.

¹ Если в 1940 г. производство группы «А» превосходило производство группы «Б» в 2,3 раза, в 1960 г. — в 5 раз, то в 1987 г. — в 7,5 раза. Из валового национального продукта на воспроизводство рабочей силы в виде заработной платы идет 37 % против 70 % в развитых индустриальных странах, на здравоохранение — 4 % госбюджета, на социальное обеспечение — 8,4 %. См.: Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987. С. 5, 9, 629.

² См.: Народное хозяйство СССР за 70 лет. С. 7.

³ См.: Там же.

⁴ «Рабочее время в качестве меры богатства предполагает, что само богатство основано на бедности...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. 2. С. 47.)

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26, ч. 3. С. 285. См. также с. 276, 284, 306.

⁶ Там же. С. 276.

⁷ Там же. С. 446.

⁸ Там же. С. 306.

⁹ Там же. Т. 46, ч. 2. С. 225.

¹⁰ См.: Там же. С. 106.

¹¹ Там же. Т. 47. С. 285.

¹² Там же. Т. 46, ч. 1. С. 76.

**НРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТ
ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ СПЕЦИАЛИСТА**

Существует ли взаимосвязь между нравственной направленностью личности и развитием ее творческих способностей? Имеет ли профессиональная деятельность нравственное содержание, связано ли развитие творческих способностей специалиста с нравственностью? Это исходные вопросы нашего анализа. Функциональный подход к личности дает отрицательный ответ на эти вопросы. Рассматривая личность в отрыве от ее социальных связей, технократ и в теории, и, самое печальное, на практике подходит к специалисту как к винтику системы производства, как к ее функциональному элементу, который, будучи наделен определенными знаниями и способностями, реализует их с определенной степенью эффективности, независимо от своих нравственных качеств. Поскольку знания и навыки социально нейтральны, рассуждает технократ, то и эффективность их применения при решении профессиональных задач будет зависеть не от того, порядочный человек их использует или негодяй, а от того, насколько данный специалист овладел, например, искусством составления компьютерных программ, насколько развиты его эвристические возможности¹.

Если исходить из анализа сущности морали как практически-духовного способа освоения мира человеком, то опровергнуть функциональный подход не представляет труда. Особенностью моральной регуляции поведения человека, ориентации в ценностях жизни и культуры является ее универсальный характер. Моральные принципы, нормы поведения, оценки пронизывают всю систему общественных отношений, регулируют все без исключения сферы общественной жизни человека, в том числе профессиональную.

Важнейшим условием эффективности профессиональной деятельности, развития творческих способностей специалиста, овладения профессиональным мастерством выступает ясное осознание специалистом своих профессиональных, трудовых и нравственных обязанностей, овладение профессионально-этическими ценностями, выработанными на протяжении столетий. Наследование прогрессивных элементов профессиональных нравственных ценностей, складывающихся в процессе трудовой деятельности, выступает в качестве неотъемлемого компонента становления и развития системы творческих способностей специалиста. Подчеркивая эту взаимосвязь, В. И. Ленин обращал внимание на необходимость глубоко понимания особенностей, своеобразия черт «психологии каждого слоя, профессии»².

Дальнейший анализ исследуемой проблемы предполагает уточнение социальной сущности и функций профессиональной морали. Профессиональная мораль возникает как результат общественно-исторического процесса разделения труда, усложнения социальной дифференциации общества, появления на этой основе новых социальных групп людей, занимающихся определенной профессией, овладевших определенной специальностью. Стали складываться особые профессиональные нравственные отношения, появилась потребность в создании специфических нравственных норм и требований. Так возник особый вид морали — профессиональная мораль.

Профессиональную этику, или мораль, можно рассматривать как вид трудовой морали общества, особый кодекс норм и правил поведения, обеспечивающих нравственный характер тех взаимоотношений между людьми, которые вытекают из их профессиональной деятельности.

Возникнув как результат объективного общественно-исторического процесса и развиваясь именно на этой основе, профессиональная мораль отражает изменения потребностей как профессиональных групп, так и общества в целом. Поскольку она формируется на основе обязанностей и задач профессии, то ее главная социальная функция — способствовать успешному выполнению этих задач, творческому овладению профессиональным мастерством. Профессиональная мораль непосредственно влияет на развитие творческих способностей специалиста, обеспечивает его своеобразными моральными ориентирами, не позволяющими зайти в тупик, тратить впустую энергию и способности, направляющими в сложных коллизиях профессионального творчества к достижению наивысшей социальной эффективности.

Кроме того, профессиональная мораль, занимая промежуточное положение в моральных явлениях общества и личности, сочетает интересы общества и профессиональных групп, а через них — отдельных личностей. Интересы общества выступают в профессиональной этике в форме долженствования, требования, обязанности достижения общественных целей, идеалов и т. д. Профессиональная мораль участвует в согласовании интересов личности и общества в рамках данной профессиональной группы — в этом также состоит ее социальная функция.

Эта функция представляет одну из линий нравственного прогресса человечества, поскольку отражает возрастание ценности личности и утверждает гуманность в межличностных отношениях. Она исключительно значима для развития творческих способностей специалиста. Во-первых, осознание социальной ценности профессиональной деятельности способствует формированию нравственного достоинства личности, вселяет уверенность в творческие возможности; происходит творческое самоутверждение спе-

циалиста. Таким образом формируется необходимая нравственная поддержка дьявольски трудного, по словам К. Маркса, процесса творческого труда. Во-вторых, памятуя о коллективном характере творческой деятельности в современных условиях, надо особо отметить, что следование нормам профессиональной морали является условием формирования благоприятного для развития творческих способностей нравственно-психологического климата, создает иммунитет против затяжных бесплодных межличностных конфликтов, является гарантией создания оптимальных условий для плодотворной, творческой деятельности коллектива специалистов.

Различные виды профессиональной морали имеют свои традиции, что свидетельствует о наличии преемственности профессионально-этических ценностей. Профессиональная мораль осуществляет и наследование прогрессивных элементов нравственных ценностей, складывающихся в процессе трудовой деятельности. Это также одна из важнейших социальных функций профессиональной морали, цель которой — развитие творческих способностей специалиста. Ориентация специалиста на такие профессиональные ценности, как профессиональный долг, ответственность, честь, активизирует творческие поиски, направленные на достижение высокой эффективности трудовой деятельности. Без критического осмысления нравственного опыта, без выявления всего нравственно ценного в профессиональной деятельности предшествующих поколений невозможно творчество в профессиональной сфере.

И еще на одном чрезвычайно важном аспекте воздействия профессиональной морали на развитие творческих способностей специалиста следует подробно остановиться. Профессиональная мораль несет в себе конкретные черты уклада жизни общества: его способа производства, форм распределения, обслуживания, состояния идеологии, нравственных отношений, права, политики и т. д. Поэтому она как совокупность социально обусловленных ценностей постоянно изменяется, повседневно влияя на мотивы поведения людей. Профессиональная мораль в этом смысле есть одно из проявлений общественной морали. Подчеркнув этот важнейший аспект анализа, мы перейдем к рассмотрению проблемы влияния нынешнего состояния нашего общества и содержания общественной морали на профессиональную мораль и развитие творческих способностей специалиста.

Первое, что выявило наше общество, пристально вглядываясь в зеркало гласности: деформация социалистических ценностей в течение десятилетий привела к потере нравственных ориентиров социально-политического развития. Атрофия нравственного начала в нашем обществе происходила постепенно и не могла быть не замечена общественностью. «Вымывание» нравственности всег-

да вызывало глубокое гражданское беспокойство, тревогу истинных патриотов социалистического отечества. Социологические исследования общественного мнения свидетельствуют, что на вопрос, чего больше всего не хватает в нашей жизни, очень часто люди отвечают: доброты, бескорыстия, человечности, совестливости, порядочности³.

Не случайно, что главная болевая тема многочисленных выступлений публицистов, радеющих о нравственных основах общественной жизни,— это наши духовные ценности, которые общество не может терять безнаказанно. Красной нитью при обсуждении этой проблемы проходит мысль, что в обществе только в той мере может быть чиста и спокойна совесть, в какой оно проявляет заботу о нравственном здоровье своих граждан. Вполне понятна тревога общественности страны о том, что без нравственности никогда не подняться экономике. Народ, теряющий свои духовные ценности, теряет и историческую перспективу.

Не здесь ли, не в утрате ли нравственных ценностей, следует искать причину дефицита специалистов, реализующих свой творческий потенциал на благо общества, многочисленных нарушений норм профессиональной морали, приводящих к трагическим последствиям? И не по этой ли причине практически во всех сферах нашей общественной жизни существует целая армия специалистов, огромная творческая сила которой пока не разбужена, а творческий потенциал — не реализован? Да и может ли быть иначе при царящем десятилетия остаточном принципе решения социальных проблем, о котором столь много написано в последнее время. Он глубоко безнравственный по сути своей, ибо низводит человека до побочного «фактора» производства.

Как ни больно это нашему национальному достоинству, мы должны признать: современный капитализм создал систему социальных гарантий развития творческих способностей специалистов. «Фирма, нанимая работника, которому вручается сложнейшая техника, заинтересована в ее наилучшем использовании, а следовательно, и в том, чтобы работник был достаточно квалифицированным, образованным, культурным, физически и психически здоровым. Это предполагает определенный уровень заботы о работнике. Сегодня в развитых капиталистических странах ширится понимание того, что обеспечение работника хорошим жильем, полноценным питанием и т. п.— это не прихоть, не роскошь, а непременное условие эффективного и безаварийного функционирования техники»⁴.

А теперь взглянем в условия жизни и работы наших специалистов. К очень многому мы притерпелись, поэтому попробуем взглянуть на себя со стороны. Поможет нам в этом американская писательница, прожившая много лет в СССР. Вот как она описывает условия труда и быта наших специалистов: «То, что я

увидела в этой московской клинике,— зеркальное отражение происходящего в вашем обществе, всего хорошего и плохого. Организация дела кошмарная, больница ничего не может делать самостоятельно, министерство вмешивается во все... Властвует бюрократизм, пишутся бесконечные бумаги. Масса времени тратится впустую.

И в то же время именно эта клиника помогла вернуть мне надежды... веру в перестройку. Я сама убедилась, как эти люди с весьма скромными средствами, не говоря уже об их маленькой зарплате, работали с огромной любовью и отдачей. И именно они, люди,— самое значительное, что есть в клинике.

Морализовать не стану... но хочу написать о враче Александре Кузине, например, который, целый месяц не выходя из больницы, спас сорок человек. А сам-то он живет в коммуналке — пятеро на 18 квадратных метрах, без горячей воды... Но это же ненормально! И никто не убедит меня в обратном»⁵.

Никто и нас не может убедить в том, что такие условия могут быть нормальными, отвечающими элементарным требованиям нравственности. А уж тем более не может быть речи о благоприятных условиях формирования творческих способностей специалистов.

В контексте нашего анализа нельзя умолчать еще об одном вопиющем нравственном противоречии — о социальной несправедливости в оценке творческого вклада специалиста. Обратимся вновь к наблюдениям американской писательницы Лоис Фишер Руге. Писательницу не менее, чем условия жизни знакомого врача, поразила деятельность одного высокопоставленного чиновника, все профессиональное «творчество» которого сводилось к перебиранию бумаг да выражалось в начальственно-снобистском отношении к просителям снизу и подобострастно-уничижительному «чего изволите?» на сигналы сверху. Но еще более удивилась бы она, узнав, какими спецблагами оплачивается «творчество» этого функционера.

Мы сегодня не можем не задаваться вопросом: доколе будет существовать вопиющая несправедливость, когда нувориши всех мастей, заботясь только о собственной сытости, обладают всеми мыслимыми и немыслимыми благами, в то время как специалисты, работающие с огромной творческой самоотдачей на благо Отечества, вынуждены растрачивать свои способности в унижительной борьбе за существование? И как же прав московский врач П. Груздев, сделавший на основе анализа более чем скромного бюджета своей семьи принципиальный вывод: «По моему мнению, "номенклатура" и лица, пользующиеся привилегиями, ездят на моей машине, живут на моей даче, едят пищу моей семьи»⁶. Неудивительно, что многие способные, неординарные специалисты оказываются сломленными, втуне остается их творче-

ский потенциал. Потери общества и нравственные, и экономические таковы, что никакие компьютеры не в состоянии их подсчитать.

В условиях острейшего социального дефицита специалистов с высокой квалификацией, с развитым чувством общественного долга такое положение становится совершенно нетерпимым. Особенно опасно развращающее воздействие социальной несправедливости на молодое поколение, делающее свой нравственный выбор. Социологические исследования ценностных ориентаций молодежи тревожно фиксируют устойчивую тенденцию падения нравственной ценности труда на благо общества. Если процесс интенсивного размывания нравственных ориентиров молодежи не остановить, неизбежно наступит нравственная деградация народа, когда все силы молодого ума направлены на пробивание «теплого» местечка, а способности бурно проявляются в захвате спецблаг, когда применяются любые средства для достижения индивидуального рая и когда молодой талант лихорадочно соображает, как подороже продать себя за пределы своего многострадального Отечества, ибо уверовал в принцип, что родина там, где лучше платят.

Мы должны четко понимать, что если не выработаем социальный механизм развития и реализации способностей специалиста, то все наши моральные проповеди, обращенные к молодежи, будут тонуть в холодном равнодушии эгоцентристских устремлений, ориентирующих молодые таланты на потребительство, на гедонистические ценности,

Должен быть единственно нравственный на нынешнем этапе развития общества критерий распределения: по мере и качеству трудового вклада специалиста, по социальной эффективности конечного результата его трудовой деятельности, реализованного творческого потенциала специалиста. Возрождающаяся нравственность общества требует создать такую систему социально-политических, экономических гарантий, которая бы исключала доступ к распределению общественных благ паразитирующим элементам. В этом сегодня видится, пожалуй, одно из решений проблемы развития творческих способностей профессионалов.

Рассматривая взаимосвязь нравственности и развития творческих способностей специалиста в историческом контексте, мы неизбежно приходим к выводу: административно-бюрократическая система объективно не испытывала потребности в развитии творческих способностей своих «подданных». На творческую личность не было социального заказа, поощрялся другой тип: послушный исполнитель высшей воли, спущенного свыше постановления. Сложнейшие, драматически острые конфликты нашей истории свидетельствуют о том, что политическая и экономическая система деформированного общества сделала очень много для того,

чтобы агроном, врач, ученый, учитель, инженер стали чиновниками, погонялами, исполнителями воли вышестоящих и власть имущих, а не самостоятельными, независимыми, сознающими ответственность перед народом творцами. В годы репрессий ликвидировали самых честных, принципиальных, самых талантливых. Ветрами «преобразований» в течение нескольких десятилетий развеивался культурный потенциал народа. Мы слишком долго боролись с творческим началом во всех профессиональных слоях — от земледельца до ученого с «вышесредними» способностями и умениями; с «нездоровыми» инстинктами, на которых извечно держалась жизнь, так что воспиталось несколько поколений совершенно безответственных специалистов, не понимающих того, что они творят... Сформировалось несколько поколений технократически мыслящих специалистов, лишенных нравственных устоев, способных поставить свои корыстные интересы выше общенародных. О том, насколько широко распространено сегодня в среде специалистов безответственное отношение к делу, говорил в своих выступлениях безвременно ушедший из жизни академик В. А. Лёгасов.

Таким образом, по мере нравственного оскудения общества утрачивали значение и кодексы профессиональной морали, поскольку профессиональная этика, как уже было отмечено, выступает как одно из проявлений общественной морали. Общество постепенно свыклось с самой мыслью, что врачу и преподавателю можно брать взятку, учителю — оскорблять ученика, журналисту — лгать читателям, писателю — создавать книги за лицо, облеченное властью. «Агроном разрешает сеять рожь зерном, взятым буквально из бункера комбайна; зоотехник годами наблюдает голодающую корову; врач лечит больного дистиллированной водой; санитарный врач скрывает от народа данные о загрязнении окружающей среды; учитель делает приписки в школьных ведомостях...»⁷

Появился новый тип специалиста, внешне вполне благопристойного, у которого слова «патриотизм», «нравственные ценности», «совесть», «профессиональная честь», «долг» вызывают циничную усмешку. О каком развитии творческих способностей можно рассуждать, когда пренебрегают элементарными принципами профессиональной этики, когда атрофируется ответственность специалиста за результаты содеянного? Для таких специалистов сиюминутная экономическая выгода, корыстные интересы, стремление отрапортовать начальству о досрочном вводе объекта важнее всего на свете. Этот тип специалиста, какими бы профессиональными знаниями и умениями он ни обладал, социально опасен, логическое завершение его деятельности — преступление. Трагическая цепь событий последних лет от Чернобыля до катастрофы под Уфой свидетельствует: непосредственными виновни-

ками всех бед были специалисты-преступники, нарушившие свой профессиональный долг, лишённые нравственной и профессиональной ответственности. В статье «Знак беды», где вскрываются причины трагедии на перегоне железной дороги под Уфой, делается вывод, что ее можно было избежать, если бы не торопились с «досрочным рапортом», стараясь выслужиться, специалисты заинтересованных инстанций. И как не согласиться с требованиями коллектива читателей: «Призываем правительственную комиссию не останавливаться на “стрелочниках”, а вскрыть цепочку безответственных и равнодушных работников всех рангов и воздать каждому должное»⁸.

Рассуждая о путях развития нашей экономики, академик Л. И. Абалкин решительно утверждал, что острейшая проблема нашей экономики даже не отсутствие современной техники и технологии, а дефицит творчески мыслящих специалистов во всех сферах народного хозяйства. Для того чтобы перестройка реализовалась, сегодня нужна масса предпринимателей, деятелей, хозяев, т. е. нужны высококвалифицированные профессионалы-творцы. «...Что касается машин, их можно купить. Но что они без миллионов умелых хозяйских рук? Машины купим, народ не “купишь”»⁹.

Проблема эта может быть решена только в контексте социального преобразования нашего общества, выявления нравственных приоритетов нашего социального развития. Для выявления методологических основ решения этой проблемы целесообразно обратиться к творческому наследию классиков марксизма-ленинизма. Центральное место в их трудах занимает человек, развитие его творческих потенций. Самую сущность социализма, его главное преимущество перед капитализмом классики марксизма видели отнюдь не в росте объема производства и потребления, не в повышении производительности труда. По их представлениям, социализм — это более высокая ступень естественноисторического процесса развития человечества, более высокая степень проявления сущностных сил человека, качественно иная, высшая форма культуры. Социализм и коммунизм — это конец предыстории человечества (окончательное его выделение из царства животных) и начало его подлинной истории, это общество «коллективного человека, ассоциированных производителей», которые совершают свой обмен веществ с природой «при условиях, наиболее достойных человеческой природы и адекватных ей»¹⁰. Иными словами, это общество, которое, по мнению В. И. Ленина, способно победить капитализм в мирном соревновании, показав пример более высокого, культурного, справедливого, осмысленного строя жизни.

Совершенствование и обновление теории марксизма-ленинизма сегодня — это первое условие успеха нашей работы по обновлению социализма, по восстановлению его благородного, человече-

ного облика, по практической реализации прекрасного девиза социализма «все для человека, все во имя человека». Один из граждански ответственных наших публицистов М. Антонов так формулирует приоритетный вопрос нашего развития: «Сегодня гораздо более остро, чем вопрос “что и как строить?”, стоит вопрос — “зачем, во имя чего строить?”»¹¹ Перестройка высвобождает духовную энергию народа, и крайне важно, куда она будет направлена. Теория марксизма-ленинизма, обновленная и пополненная духовно-нравственными ценностями, должна нацеливать советский народ на преобразование, одухотворение, облагораживание человека. И в качестве конкретной задачи реализации этой главной цели нашего социального переустройства выступает обеспечение приоритетного развития творческих способностей, возрождение, поиск утраченного нравственного содержания профессиональной деятельности. Причем диалектика социального развития такова, что, решая задачу преобразования человека в социальном, профессиональном творчестве (или, по словам Л. И. Абалкина, кропотливо взращивая социальный гумус), мы тем самым создаем важнейшее условие нашего социального возрождения.

¹ См.: *Раушенбах В. К* рационально-образной картине мира // *Коммунист*. 1989. № 9. С. 90.

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 192.

³ См.: *Крюков М.* Трава сквозь бетон // *Правда*. 1989. 22 июня.

⁴ *Антонов М.* Время устраивать дом // *Москва*. 1989. № 3. С. 155—156.

⁵ *Руге Л.* Объяснение в любви // *Сов. культура*. 1989. 17 июня.

⁶ *Груздев П.* Кратко.... // *Аргументы и факты*. 1989. № 25. С. 3.

⁷ *Петров М.* Блаженны ли нищие духом? // *Лит. газ.* 1989. 28 июня. С. 12.

⁸ *Орлов В.* Знак беды // *Правда*. 1989. 7 янв.

⁹ *Афанасьев А.* Лунный ландшафт: Интервью акад. Л. И. Абалкина // *Комс. правда*. 1989. 8 февр.

¹⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. 2. С. 387.

¹¹ *Антонов М.* Указ. соч. С. 166.

В. М. КНЯЗЕВ

Свердловский инженерно-педагогический институт

ТВОРЧЕСТВО И МЕДИТАЦИЯ

Творчество как духовно-практическая деятельность многогранно и может быть рассмотрено с различных сторон. С точки зрения результатов деятельности это открытие нового, прорыв в неизве-

данное, нахождение более эффективных способов и методов познания. Со стороны самой деятельности, ее осуществления это активная вдохновенная работа воображения, гармония бессознательного и сознательного, чувственного и рационального. Со стороны субъекта творчества это обретение человеком духовной свободы, достоинства и гордости творца. В любом случае творчество расценивается как позитивная ценность, благо и полагается как желанная цель человеческого самосовершенствования. Видимо, поэтому каждый желал бы испытать то состояние творчества, которое выражено в стихотворении А. С. Пушкина:

И забываю мир — и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем —
И тут ко мне идет незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут ¹.

Проблема творчества мыслится нами прежде всего как проблема пути к творчеству. Первостепенное значение имеет для нас вопрос: как достичь желанного состояния творчества — свободного, продуктивного полета мысли, о котором так ясно и образно сказал в стихотворении «Осень» А. С. Пушкин? Поставив вопрос о пути к творчеству, мы неминуемо переводим исследование творчества в плоскость средств, условий, при которых реально достижение состояния творчества и его осуществление.

Медитация является умственным действием, при котором создается благоприятный психический настрой на творчество («пробуждается поэзия», продуктивная сила воображения, энергия вдохновения) и формируется разумная воля по овладению, управлению стихией творчества, она является тем состоянием сознания человека, когда «стихи свободно потекут», когда осуществится свободный полет мысли. Задача творчества — решать жизненные противоречия, отыскивать выход из критической ситуации, давать устремленность человеческому духу на жизнеутверждение, на реализацию целей жизни. Задача медитации состоит в том, чтобы укрепить человеческий дух в этом устремлении, не дать угаснуть огню вдохновения под натиском волн отчаяния и неверия. В чем специфика медитации, каковы ее отличительные черты? Рассмотрим более подробно эти вопросы.

По мнению Л. П. Гримака, «медитация представляет собой состояние, в котором достигается высшая степень концентрации

внимания на определенном объекте или же, наоборот, полное „рассредоточение“ внимания. И в том и в другом случае наступает остановка процессов восприятия и мышления, происходит особого рода чувственная изоляция человека от внешнего мира»². Медитация как состояние имеет некоторые общие черты с гипнозом и сном, но не тождественна им. «Полагают, что это особый, интегрированный или всеобъемлющий рефлекс, осуществляемый через центральные мозговые структуры по механизмам самовнушения, как бы особого характера самогипноз»³.

Механизм действия медитации связывается с динамикой двух фаз памяти: лабильной и стабильной. Медитация отключает ненадолго оперативную лабильную память. При этом как бы рвется непрерывная нить времени осознающего свое бытие сознания. «В состоянии концентрации внимания человек полностью выключается из системы внутренних и внешних раздражителей и сосредоточивается на единичном объекте, а следовательно, теряет возможность правильно оценивать временные промежутки. Основным содержанием переживаний становится ощущение необычной пустоты... подобного рода психическая иммобилизация, связанная с временным отключением основных интегративных механизмов мозга, способствует восстановлению нервно-психических функций человека, оставляя после себя ощущение свежести, внутреннего обновления и радости бытия»⁴. И далее, «при медитации уровень „собственных шумов“ мозга становится предельно низким, а следовательно, появляется возможность наиболее полного использования ассоциативных и интегративных процессов для решения определенных задач, которые формулирует самому себе медитирующий. Не исключено, что в этом случае значительно шире вовлекается в процесс решения та обширная сфера, функция которой в обыденной жизни известна под названием интуиции»⁵.

Таким образом, медитация как состояние есть своеобразная остановка сознания. По своему воздействию на духовный мир человека она противоположна творчеству, ибо творчество есть стихия движения, прорыв в иное; медитация, наоборот, есть действие покоя, остановка перед границей иного и, следовательно, пребывание «здесь», «сейчас».

Техника медитации зародилась в рамках религиозного сознания и была вызвана к жизни необходимостью противостоять иррациональной силе смерти, непредсказуемому облику будущего, упрочить зыбкие основания прошлого опыта, укрепить в настоящем человеческий дух верой, надеждой, любовью. Медитация есть воля смирения, которая сознательно достигается посредством воли разума.

Медитация как психическое состояние может быть понята и объяснена через мировоззренческое действие сознания, ибо она есть следствие, причина же — в действии логики смирения. Поэто-

му медицинского, психологического анализа медитации недостаточно, необходимо ее философское рассмотрение. Оно нужно еще и потому, что медитация как психотехника идеологически нейтральна, но обманчиво нейтральна, ибо она есть средство, которое не существует вне контекста цели. Само средство содержит в себе цель, а цель определяется средствами. Поэтому несправедливые средства отрицают благую цель, а несправедливая цель обращает правильные и добрые поступки в зло. Например, энергия атома может быть энергией разрушения, гибели человечества, а может быть энергией созидания — все зависит от цели ее применения. Так и тенденция, направляемая содержанием мировоззрения, может быть средством вхождения в пространство духовного одиночества, когда человек остается один на один с воображаемым собеседником — Богом, а может быть и средством вхождения в диалогическое поле культуры, где происходит встреча человека с живым и многоликим Собеседником от культуры, с распределенным бытием культуры. Это зависит от мировоззренческого контекста медитации.

Ф. И. Щербатской совершенно прав, когда пишет, что «озарение» буддистского монаха есть результат тщательной подготовки. «Будущий святой проходит длительный курс нравственной тренировки, внимательно изучая все детали соответствующего философского построения; и тогда в момент внезапного озарения, то, что он пред этим пытался понять теоретически, возникает перед ним с ясностью жизненной реальности. Начиная с этого момента он святой, весь его образ мыслей меняется; он непосредственно видит мир как бесконечное продолжение отдельных моментов в их постепенной эволюции к конечному уничтожению»⁶. В состоянии вдохновенного озарения, творческого полета мысли мы видим то, что знаем, устремляемся к тому, что заложено в нас предшествующей работой мировоззрения. Задача, следовательно, состоит в том, чтобы дать мировоззренчески верные ориентиры для медитационного действия. А с другой стороны, необходимо, чтобы абстрактные мировоззренческие рассуждения не отрывались от медитационного действия, которое оживляет «мертвую» абстракцию чувственно-достоверной реальностью жизненного опыта личности, делает мысль ясной и понятной, а колебание между знанием и незнанием сменяется убежденностью (порой фанатизмом) верующего человека как в истине в открывшемся в озарении знании.

Медитация и творчество связаны в одно целое функциональным единством всех сфер человеческого духа. Творят, по мнению С. Иванова, «лишь те, у кого сильно развито чувство целого»⁷. Это чувство сродни эстетическому чувству, чувству меры, которое позволяет распознать среди изменчивых форм бытия существующее его проявление; оно также сродни чувственной и интеллектуальной интуиции и позволяет выбрать из множества гипотез ис-

тинную, дать ей логически четкую форму выражения. Это чувство, по нашему мнению, рождено целостностью человеческого духа, внутренней работой по преодолению противоречий между сердцем и умом, рассудком и разумом. Творит не разум, а разумный человек, укрепивший силу разума силой чувств и рассудка. И творит человек не ради творчества, а ради воспроизводства целостного, гармоничного бытия.

Чувство целого порождено самим характером человеческой жизни, и оно постоянно присутствует в духовном мире человека. Но подконтрольно ли это чувство человеческому разуму? Да, считает М. Вертгеймер, если мы преодолеем слепоту к структурно-функциональным изменениям цельного по своей природе духа. «В реальном мышлении изменение функционального значения какого-нибудь элемента, суждения в процессе мышления имеет первостепенное значение — без него мышление становится бесплодным. Без осознания такого изменения мы не можем постичь направление развития. Ибо высказывания и т. д. в своем контексте обладают какой-то направленностью. Именно здесь становится особенно ясна основная черта традиционной логики: ее пренебрежение тем обстоятельством, что живые процессы мышления направлены на улучшение данной ситуации»⁸.

Как же в изменении ситуации работает медитация и как она вследствие этой работы изменяется, становясь необходимым условием творчества?

Медитация, как мы уже отмечали, рождена потребностями религиозной практики. Человек перед лицом иррациональных сил жизни оказался слаб и беспомощен. Возникла необходимость достойного выхода человека из пограничных ситуаций. Нужно было укрепить человеческий дух, чтобы бессмыслие смерти, безвыходность пессимизма не иссушали жизненных устремлений человека. Медитация как психотехника, как совокупность детально разработанных приемов самогипноза, соединенная с религиозным мирозерцанием, становится волей смирения и начинает выполнять работу по укреплению и закалке человеческого духа.

«Способность сосредоточения, если она развита полностью, имеет большую силу. Она становится тогда мистической энергией, которая может совершенно остановить жизнь. На пути спасения это последний и наиболее решающий шаг. Эта сила может также перенести индивида в высший план бытия, и тогда он перерождается или переносится в область эфирных тел...»⁹ Разумеется, речь идет не о телесном, а о духовном перерождении, которое существенно влияет и на человеческое тело.

За счет чего же достигается такой результат? За счет воли, которая регламентирует, дисциплинирует жизнь духа до малейших его проявлений, за счет смирения, которое проистекает из веры в непогрешимость и истинность религиозных идей, в наставле-

ния религиозного учителя и, наконец, в себя, а также из надежды на успех и умиротворенное чувство любви и бескорыстия. Все это и создает благоприятный фон для действия воли сосредоточения. Медитирующее сознание мистика беспрепятственно творит астральные, ментальные и прочие миры, полагает в них смысл и цель человеческого существования и тем самым компенсирует отсутствие цели и смысла в реальном мире. Так или иначе, но медитация как воля смирения создает для человеческого духа условия для мифотворчества, для изменения не устраивающей человека ситуации. Правда, ситуация меняется не посредством изменения объективных обстоятельств, неподвластных воле человека, а посредством изменения человека, его отношения к этим обстоятельствам в полном соответствии с логикой смирения. Создается иллюзия решения объективных проблем, осуществляется своеобразный уход от неподвластного объективного мира в управляемую реальность субъективности.

Рано или поздно это становится ясно человеку, и его уже не может удовлетворять медитация как воля смирения, ибо она не дает действительного решения проблем. Тогда человек по-иному оценивает медитацию: весь трудный путь учебы сосредоточению, всю школу медитации как воли смирения он называет отныне предмедитацией, а собственно медитацией называет состояние психического транса, акт мистической интуиции. К примеру, в классической йоге все ступени физического, нравственного, психического, умственного самосовершенствования (Яма, Нияма, Асана, Пранаяма, Пратяхара, Дхиана) относятся к предмедитации, а собственно медитация — Самадхи — невыразимое в словах состояние единения человеческого духа с Абсолютом (Атманом). Но понятая таким образом медитация совершенно иррациональна и неподконтрольна разуму. Тем не менее именно она составляет вожденную цель всех мистиков.

Культивирование медитации как буйства иррациональной стихии сознания, апофеоза бессознательного основывается на негативизме контркультуры. Ее действие разрушения лишь внешне напоминает созидательную деятельность творчества. Йоговская Самадхи, дзен-буддистское Сатори тождественны с творчеством лишь со стороны отрицания, ибо творчество есть разумная воля, не только отрицающий разум, но и созидающий. Говоря словами Гегеля, разум, дойдя до «нулевого результата» в своем отрицательном действии, затем выступает как положительный разум, который «восстанавливает первоначально простое, но как всеобщее, которое конкретно внутри себя»¹⁰. Поэтому медитация, дойдя до иррационального своего бытия, должна стать волей разума, должна, по сути, превратиться в творческий порыв. Но, чтобы это произошло, человеческому сознанию необходимо вырваться из пут *религиозного* мировоззрения с его волей *смирения* и не по-

пасть в объятия простого и доступного *нигилизма контркультуры*. И покорность, и бунт необходимы человеческому духу, но в разумной мере. Мера же, ее знание, как известно, есть результат трудного пути самосовершенствования, где смирение и бунт неизбежны и небесмысленны, если человек все-таки достигает духовной свободы творчества.

Итак, медитация как психическое состояние есть особого рода самогипноз, как духовное действие — воля смирения и воля разума. Она ведет к настрою на творчество, есть условие творчества.

В заключение подчеркнем, что медитация как психическое состояние и духовное действие лишь тогда становится условием творчества, когда она опосредована духовной силой жизнеутверждающего мировоззрения и является моментом работы целостного духа, знающего меру разрушающего нигилизма и созидającego разума. В противном случае она превращается в самоцель, в волю смирения, в односторонность нигилизма или в модную психологическую причуду суетного, потерявшего себя человека.

¹ Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 3-х т. Т. 1. М., 1985. С. 522.

² Гримак Л. П. Резервы человеческой психики. М., 1989. С. 250.

³ Там же. С. 252.

⁴ Там же. С. 254.

⁵ Там же. С. 255.

⁶ Щербатской Ф. И. Избранные труды по буддизму. М., 1988. С. 215.

⁷ Иванов С. М. Быстрый холод вдохновения. М., 1988. С. 203.

⁸ Вергеймер М. Продуктивное мышление. М., 1987. С. 296.

⁹ Щербатской Ф. И. Указ. соч. С. 208—209.

¹⁰ Гегель. Сочинения. Т. 5: Наука логики. М., 1937. С. 4.

В. А. КОСТИН

Свердловская высшая партийная школа

ДИАЛЕКТИКА САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЦЕНТРАЛИЗМА

В условиях «демонтажа» административно-командной системы, являющейся тормозом развития нашего общества, становится очевидным, что общество, игнорирующее инициативу и самостоятельность масс, не может успешно функционировать и развиваться. Если положение о возрастающей роли человеческого фактора достаточно прочно вошло в общественное сознание и является обобщенным теоретически и печальным опытом, то вопрос о том,

как распорядиться главным капиталом общественного развития, требует еще теоретического анализа.

В литературе, посвященной проблемам перестройки, проводится идея, что системой управления, альтернативной бюрократическому централизму, позволяющей всемерно и эффективно использовать творчество масс, является косвенный централизм. Суть его заключается в том, что инициатива народа должна вписываться в рамки, устанавливаемые центром, или, иными словами, что людьми нужно управлять не приказом, а оказывая влияние на их интересы. Однако косвенный централизм является лишь переходной системой в силу тех границ, которые он ставит инициативе масс. Поэтому, если мы хотим видеть дальше сегодняшнего дня, мы должны представлять границы этой переходной формы, попытаться определить контуры будущего, чтобы перестраиваться не тогда, когда общество оказывается в кризисном состоянии, а значительно раньше, исключая тем самым возникновение негативных процессов. Данная статья и является попыткой взглянуть чуть дальше складывающейся сегодня и считающейся приоритетной системы управления.

Творчество народа может быть плодотворным, если оно не противоречит научному характеру управления. Как соединить эти составляющие социализма? Почему значимо именно научное управление? Дело в том, что оно призвано осуществлять постоянное соответствие системы общественной жизнедеятельности объективным общественным законам¹. Основной сферой такого управления является экономика, а его ядром — сознательное использование экономических законов. Постоянное соответствие системы общественной жизнедеятельности объективным законам означает ее сбалансированность как в пространственном, так и во временном аспектах. Отсутствие такой сбалансированности представляет собой ситуацию, характеризуемую явлениями диспропорциональности, дефицитности, нерациональности, громадной и бессмысленной тратой ресурсов, невозможностью самоутверждения и самореализации человеческой личности, низкими показателями жизненного уровня и т. д. Все это известно нам, к сожалению, не только из учебников.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что указанные явления представляют собой закономерный результат деятельности существующей системы управления. Как верно отмечают В. Попов и Н. Шмелев, результатом несбалансированного плана, который является главным инструментом системы управления, выступают, например, «гигантские диспропорции в производстве и использовании инвестиционных товаров. Производятся и закупаются никому не нужные станки, пылящиеся затем на складах, а то и ржавеющие под открытым небом, строятся предприятия, на которых некому работать, и в то же время существует острый

дефицит оборудования, нехватка производственных мощностей»².

Указанные явления выступают не как результат отклонения административно-командной системы от ее собственных функций, а, напротив, как результат следования этим функциям. Парадокс в том, что, чем больше стараются охватить планированием сферы и явления общественной жизни из центра, тем меньше эффективность самого плана, его сбалансированность, его положительное влияние; чем больше стремятся контролировать из центра деятельность первичных ячеек общества, тем меньше инициативы и самостоятельности остается на их долю.

Сказанное свидетельствует о том, что старая система управления должна быть сломана. Такой вывод был сделан партией после апреля 1985 г. и закреплён в ее важнейших документах. Так, например, в резолюциях XIX Всесоюзной партийной конференции отмечается, что «перестройка — единственно возможный путь укрепления и развития социализма, решения назревших проблем общественного развития в интересах народа. По этому пути надо идти твердо и решительно, проявляя выдержку и реалистически используя возможности каждого этапа»³. Нельзя не согласиться с этой принципиальной оценкой. Вместе с тем нужно отметить, что общего решения недостаточно, необходимо выделять конкретные этапы развития, фиксировать определенные черты управления на данном этапе. Иными словами, нужен конкретно-исторический подход к управлению, который может выразиться в выделении типов управления в условиях социализма.

На мой взгляд, объективным основанием для их выделения служит система объективных общественных законов, которые сами имеют исторический характер. Действительно, один и тот же фундаментальный закон может выступать в различных количественных определенностях, менять сферу своего осуществления; некоторые законы исчезают совсем, возникают новые⁴. Все это требует изменений и на уровне управления, в противном случае деятельность людей не будет соответствовать объективным общественным законам.

Несоответствие законов и деятельности проявляется в существовании в обществе негативных явлений. В СССР длительное время нарушались законы товарно-денежных отношений, закон роста роли народных масс в истории, основной экономический закон. Так, характеризуя ситуацию, сложившуюся в стране в 30—40-е гг., М. С. Горбачев отмечал: «В конкретной исторической обстановке, сложившейся в силу специфических внутренних и внешних факторов того времени, верх взяли силы, игнорирующие объективные законы общественного развития, тяготеющие к „военно-коммунистическим“ методам построения нового общества»⁵.

Истоком такого несоответствия выступала деформация деятельности на уровне управления, тесно связанная с определенным рода

представлениями и теориями, которые в силу своей неадекватности воплощаются в деформированной общественно-политической практике. Поэтому преодоление социальных деформаций неизбежно влечет за собой преодоление догматических концепций, теорий, переживших свое время. На это обстоятельство справедливо указывает А. Панарин: «Собственно, одна из важнейших „презумпций“ перестроечного мышления как раз и состоит в понимании того, что повороты в мышлении, в системе ценностей не локализируются в надстроечной сфере, они влияют на общественную практику, для обновления которой требуется новое мышление»⁶. Правомерна и оценка роли мышления, высказанная этим же автором: «Сегодня у человека нет более опасных „ловушек“, чем собственные замыслы и проекты, способные бумерангом по нему ударить»⁷.

В связи со сказанным представляется важным анализ систем управления, их теоретических оснований, а также условий, в рамках которых эти концепции имеют смысл и положительное влияние.

Вплоть до 1985 г. акцент при анализе системы управления делался на общих аспектах, на общих принципах всякого социального управления. Такой подход правомерен, однако явно недостаточен, так как связан с возможностью игнорирования эволюции форм управления. Попробуем, опираясь на существующие работы, выделить различные типы, или системы, управления в рамках социалистического общества. Основанием для такого выделения может служить распределение функций управления, во-первых, между профессиональными управленцами и теми, кто не занимается управлением профессионально, или, иными словами, самодеятельным населением; во-вторых, между центром и периферией.

Почему принимается это основание? Дело в том, что сам набор управленческих функций, или форм управленческой деятельности, инвариантен. Хотя в литературе по управлению выделяется различное количество видов управленческой деятельности, это связано с разной типизацией одних и тех же эмпирически фиксируемых ее форм. Так, можно выделить следующие виды управленческой деятельности: выбор целей, прогнозирование, планирование, сбор, анализ и использование информации, принятие и исполнение решений, оперативную организационно-массовую и идеологическую работу, контроль, оценку эффективности управления⁸. Поскольку они инвариантны, то развитие управления заключается не в замене их другими формами, а в ином их распределении между субъектами управления.

Если подходить к анализу вопроса о системах управления логически, т. е. отвлекаясь от истории их возникновения и существования, то можно выделить следующие системы: демократический централизм, бюрократический централизм. В настоящее время представляется возможным выделить три формы демократического

централизма: функциональный, косвенный, партнерский. Отметим, что термины „функциональный“, „партнерский“ вводятся как рабочие для описания определенных форм управления. Автор ни в коей мере не претендует на их общезначимость.

Под функциональным централизмом понимается такое управление в условиях социализма, о котором говорится в работах К. Маркса и Ф. Энгельса, а также В. И. Ленина (в дооктябрьский период). Под партнерским централизмом подразумевается такая форма управления, которая должна возникнуть в процессе перестройки. Косвенный централизм представляет собой централизованное управление на основе единого плана с помощью экономических методов. В нашей истории эта форма управления начинала осуществляться дважды: в период новой экономической политики (1921—1927 гг.) и начиная с 1985 г. в ходе радикальной экономической реформы хозяйственного механизма.

Бюрократический вариант управления сложился во время господства административно-командной системы, вершиной которого явился период, связанный с именем Сталина.

Рассмотрим эти системы социалистического управления в порядке их исторического возникновения.

Функциональный централизм по своему происхождению является прогностическим, т. е. создан не на основе анализа реального общества, а путем прогнозирования социалистического общества на основе изучения развития капитализма. Предсказания относительно управления в условиях социализма строились на основе представлений о социалистическом базисе, которые выводились из закона соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил. К. Маркс и Ф. Энгельс исходили из идеи несоответствия всех составляющих отношений производства в условиях капитала уровню развития производительных сил. Поэтому предполагалось, что эти отношения (производства, обмена, распределения, потребления) будут заменены противоположными: разделение труда — переменной труда, частное присвоение — общественным, отношения обмена (товарно-денежные отношения) — прямым продуктообменом. Работник из носителя товара „рабочая сила“ превратится в субъекта, развитие сил и способностей которого является целью общества.

Вместе с тем классики марксизма предвидели, что труд в условиях социализма еще не станет потребностью, поэтому сохранится необходимость права, а вместе с ним и государства. В. И. Ленин так комментирует этот прогноз: «Государство отмирает, поскольку капиталистов уже нет, поэтому подавлять какой бы то ни было класс нельзя. Но государство еще не отмерло совсем, ибо остается „охрана буржуазного права“, освящающего фактическое неравенство. Для полного отмирания государства нужен полный коммунизм»⁹. Иными словами, общественные функции потеряют свой

политический характер. Отношения между лицами, выполняющими общественные функции, и остальной массой будут строиться как отношения авторитета. «Авторитет... означает навязывание чужой воли; с другой стороны, авторитет предполагает подчинение»¹⁰. В условиях обобществления производства при социализме сфера авторитета в области хозяйства расширяется. «Желать уничтожения авторитета в крупной промышленности значит желать уничтожения самой промышленности...» — писал Ф. Энгельс¹¹. Но это означает, что авторитет присущ и социализму. Тем более, что социалистическое общество мыслится как развивающееся планомерно, в связи с чем роль государства заключается в организации планомерности под началом единого центра. Таким образом, идею централизма, безусловно, классики марксизма относили к социалистическому управлению.

Однако централизм как принцип управления, по их мнению, должен сочетаться с полным суверенитетом народа; отрицается необходимость особого слоя специалистов-управленцев¹². При такой модели самоуправление и управление совпадают. Этот централизм можно назвать функциональным, так как подчинение одних другим имеет временный характер. Указанная система организации управления не была еще реализована в истории, но нельзя исключать возможность ее осуществления в будущем.

Жизнь, однако, показала, что управление невозможно осуществлять без управленцев-специалистов. В. И. Ленин формулирует принцип демократического централизма, который связан с признанием необходимости профессиональных управленцев и подчинения нижестоящих органов вышестоящим (принцип авторитета, по Ф. Энгельсу). Принцип демократического централизма в области планирования может быть представлен в двойкой форме, как тотальный централизм и косвенный централизм. При тотальном централизме руководство всем хозяйством осуществляется из единого центра по единому плану, а производство рассматривается как единая фабрика. Вместе с тем нужно отметить, что В. И. Ленин выдвигал в качестве противовеса такой централизации в области управления производством учет и контроль со стороны масс. «Учет и контроль — вот главное, что требуется для „налаживания“, для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества. Все граждане превращаются в служащих по найму у государства, каковыми являются вооруженные рабочие»¹³.

Участие масс в управлении, по мнению В. И. Ленина, должно обеспечиваться самим устройством советского государства, которое рассматривалось им как самый высокий тип демократии, так как оно позволяет массам осуществлять не только учет и контроль, но и выборность и сменяемость должностных лиц, соединение законодательной и исполнительной власти. Последнее означает, что исполнительная власть является органом законодательной, что

представительная власть руководит исполнительной властью, формирует ее, контролирует ее деятельность. «Советская власть, т. е. диктатура пролетариата... построена так, чтобы сблизить массу трудящихся с аппаратом управления. Той же цели служит соединение законодательной и исполнительной власти при советской организации государства»¹⁴.

Легко понять, что при этой системе управления достаточно блокировать контроль и учет со стороны масс, как возникнет система бюрократического централизма. В истории нашей страны такое происходило дважды: первый раз — в условиях гражданской войны (это было вынужденное и навязанное обстоятельствами свертывание демократии), второй — после смерти В. И. Ленина, с возникновением культа личности. Можно предположить, что такое сочетание централизма и демократии является нежизненным не только для прошлого, но и для будущего. И действительно, функционирование этой системы в годы гражданской войны привело к негативным результатам. Отказ от такой системы управления выразился в разработке новой экономической политики (вариант косвенного централизма).

В чем особенность косвенного централизма в планировании и управлении по сравнению с тотальным (в любой его форме)? Его суть заключается в сочетании планомерности со свободой объектов управления, или хозрасчетом.

Основой системы косвенного централизма являются товарно-денежные отношения. Их отрицание привело к идеям, которые мы встречаем в работе В. И. Ленина «Государство и революция», относительно системы управления как тотального плана и контроля со стороны масс. Признание же неизбежности товарно-денежных отношений ведет к иному пониманию централизма. Очень важным обстоятельством, оказывающим влияние и на современный подход к выбору системы управления, является то, что В. И. Ленин считал товарно-денежные отношения присущими не только переходному периоду, но и социализму вообще. Эти идеи высказаны в работе В. И. Ленина «О кооперации». В ней, в частности, говорится об аренде как форме отношений между коллективом и государством, о товарно-денежных отношениях как условии отношений аренды.

Именно косвенный централизм при жизни В. И. Ленина пришел на смену бюрократическому централизму, который развивался вопреки благим намерениям. Нужно отметить, что и в последующей истории борьба с бюрократическим централизмом, командной системой проводилась под флагом косвенного централизма. Так было, например, в 60-е гг. «Проводимая хозяйственная реформа, — отмечает В. В. Новожилов, — предусматривает широкую демократизацию управления: замену административных методов управления экономическими, расширение самостоятельности предприятий, внедрение подлинного хозрасчета во все звенья производст-

ва»¹⁵. Современная реформа управления — это актуализация идей косвенного централизма. «В чем заключается радикальная реформа управления? В чем радикализм намечаемых революционных изменений? Они — в коренном изменении методов управления, в переходе от административных к экономическим методам, в развитии хозяйственной демократии, т. е. формах реализации социалистической собственности»¹⁶. Встает вопрос: а насколько правомерно считать, что косвенный централизм неизбежен и для наших дней? Является ли эта форма централизма единственно возможной? Предполагается, что косвенный централизм не имеет альтернатив. Именно это обстоятельство и побуждает всякий раз, когда штурмуются бастионы административно-командной системы, возвращаться к идеям и опыту нэпа.

Прежде чем обращаться к иным формам централизма, целесообразно сопоставить системы косвенного и бюрократического централизма, выделить, что их объединяет и что отличает. Такое сопоставление оправдано и исторически, так как косвенный централизм возник и возникает как реакция на централизм бюрократический, и логически, так как эти формы централизма имеют общие черты.

Бюрократическая система в качестве главного инструмента управления использует план-директиву, который доводится до каждого предприятия и охватывает основные натуральные показатели. При этом имеет место односторонняя ответственность: нижестоящие звенья ответственны перед вышестоящими. Это означает отсутствие ответственности «верхних эшелонов» власти. Косвенный централизм также предполагает план как инструмент управления, но форма доведения плана до отдельных предприятий иная — это план-заказ¹⁷. Ненормальность существующего порядка планирования состоит в одностороннем характере обязательств. Наши низовые звенья — предприятия — все время получают сверху определенные плановые процентные задания: по росту объема производства, повышению производительности труда, снижению себестоимости и т. д., — а вышестоящие органы, как правило, не несут никакой ответственности перед низовыми предприятиями за диспропорции в планах. В связи с этим предлагается вполне определенная мера. «Переход от „планов-заданий“ к „планам-заказам“ так же, как и ориентировка на планирование производственных мощностей, позволит в очень большой мере ликвидировать администрирование и возможные проявления волюнтаризма в области народнохозяйственного планирования и управления»¹⁸.

Отметим, что понятия плана-заказа и государственного заказа ничем не отличаются. Более того, это, по существу, те же самые натуральные показатели, какие используются при директивном планировании. Меняется только форма их доведения до предприятий. Причем эта форма является существенным рычагом, посред-

ством которого центр может управлять экономической жизнью в целом и как целым. Это положение обосновывается применением принципа демократического централизма. «Таким образом, принципом управления социалистической экономикой ныне является и в будущем останется демократический централизм, методом решения задач планирования народного хозяйства является их разложение (разбиение) на части по звеньям производства, а системой управления — то или иное соединение плана с хозяйственным расчетом»¹⁹.

При бюрократическом планировании имеет место несбалансированность плана, в частности его натуральных и стоимостных показателей. Эта проблема как никогда остро стоит перед нашей страной. Игнорирование стоимостных показателей вытекало из отрицания товарно-денежных отношений в условиях социализма, а на практике выражалось в замене обмена распределением ресурсов из центра. Косвенный централизм предполагает признание товарно-денежных отношений, а стало быть, и обмена между предприятиями средствами производства, а также планомерное регулирование товарно-денежных отношений посредством различных экономических нормативов, включая цены. «...Сами цены также подлежат планированию; плановые цены должны в полной мере отвечать объективному процессу формирования цен и соответствовать процессам создания и перераспределения стоимости. Плановый контроль за соответствием цен их стоимостному уровню может быть оформлен в виде определенных строгих экономических и плановых расчетов»²⁰.

В рамках этого направления обосновывается, что планирование товарно-денежных отношений не противоречит планированию натуральных показателей, что правильные экономические нормативы ориентируют предприятия на эффективные натуральные показатели.

Бюрократический централизм проявляется в уравнительном распределении. Точнее, он предполагает распределение по труду на уровне отдельных работников для всей страны в целом. Но при этом игнорируется то обстоятельство, что распределение по труду на уровне индивидов возможно только при условии распределения по труду на уровне первичных производственных ячеек (предприятий и объединений). Косвенный централизм прямо опирается на то, что предприятие само должно зарабатывать прибыль, которая является источником финансирования всех фондов предприятия (принцип самофинансирования).

В качестве черты бюрократического централизма правильно отмечалась ведомственность, которая проявляется в неразличении конечных и промежуточных показателей. Ведомству важен свой показатель, за который оно отвечает, и его мало интересует конечный результат. Предполагалось, что система торговли будет спо-

собствовать преодолению ведомственности и формализма.

В период перестройки в противовес бюрократическому централизму вновь были актуализированы идеи косвенного централизма, вопрос о разделении функций между партией и государством, о расширении прав трудовых коллективов, о сокращении аппарата управления, ликвидации ненужных министерств, излишних звеньев управления. Концепция косвенного централизма начала проводиться в жизнь. То, что радикальная экономическая реформа базируется на идеях косвенного централизма, не требует особого доказательства. Достаточно прочесть материалы июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС, чтобы убедиться в этом.

Мы считаем, что концепция косвенного централизма имеет переходный характер, что она не может быть эффективным основанием для решения всех проблем управления. Ее правомерность для современных условий не вызывает сомнений, но что касается управления на основе самоуправления, то она явно недостаточна. Почему? Да потому, что косвенный централизм имеет последствия, которые наше общество как раз и стремится преодолеть в ходе перестройки. Главное из них — это всевластие ведомств. Действительно, эта концепция предполагает ответственность ведомств за сбалансированность народного хозяйства. Но министерства и ведомства не несут ответственности за последствия устанавливаемых нормативов, таких, например, как цены, отчисления. А их воздействие, причем негативное, если принятые нормативы ошибочны, весьма велико, хотя, безусловно, план-заказ ограничивает произвол. Но цель ведомств — пропорциональность народного хозяйства как целого — будет стимулировать вмешательство любой ценой, так как иначе этой цели достичь нельзя.

Под силу ли ведомствам решение такой задачи, как поддержание пропорциональности? Во многих работах утверждается, что объем информации, необходимой для компетентного руководства народным хозяйством из одного центра, превышает возможности переработки этой информации центром. Это положение достаточно обосновано в статье В. Попова и Н. Шмелева. Они пишут: «Всеобъемлющее индикативное планирование того, что мы физически не в состоянии спланировать, оказывается в итоге едва ли не столь же вредным, сколь и невозможным в реальности, как и всеохватывающее директивное»²¹.

Под индикативным планированием в данном случае понимается управление центром с помощью экономических нормативов, т.е. косвенный централизм. Авторы правильно обращают внимание на то, что и косвенный централизм, и бюрократический имеют нечто общее: необходимость переработки такого количества информации, с которым они не в состоянии справиться. (Дело не меняется от того, в каких формах эта информация будет представлена: в натуральных показателях плана, обязательных для пред-

приятий, или в виде стоимостных показателей.) Так, «ассортимент фактически выпускаемых изделий удваивается примерно каждые 10 лет и насчитывает сейчас 25 млн наименований»²². Это означает, что «при самых благих намерениях у центра нет физической возможности составить не то что оптимальный, но хотя бы просто сбалансированный план, просчитать даже второстепенные и третьестепенные, но и многие основные пропорции производства. Ошибки поэтому не только возможны — они абсолютно неизбежны»²³. Но если планирование возможно в ограниченном масштабе, то оно неизбежно должно сочетаться с рынком, рыночной самонастройкой — таков вполне логичный вывод авторов.

Однако вывод об ограниченности возможностей центральных органов в сфере управления носит еще абстрактный характер. Не ясно, какие принципы должны лежать в основе системы управления, учитывающей реальные возможности центра.

Сторонники экономических методов также понимают, что центр не может осуществлять тотального планирования. «В новой системе управления экономикой,— пишет Э. Б. Фигурнов,— централизованное руководство будет сосредоточено лишь на тех вопросах, которые могут быть решены центром эффективнее, чем самими предприятиями. ...Все и вся предусмотреть из единого центра просто нельзя. В нашей стране централизованными планами производства и распределения охватывалось всего лишь несколько десятков групп агрегированных продуктов, а не 24 миллиона конкретных видов выпускаемой продукции. В государственном плане не могут быть предусмотрены качество и сроки поставки продуктов, необходимых каждому потребителю»²⁴.

Казалось бы, факт невозможности управлять из центра всем и вся учитывается. Однако сокращение круга вопросов и показателей, которое предлагается для повышения эффективности управления из центра, противоречит целям, которые ставятся перед центральными органами. Действительно, чем меньше показателей, через которые осуществляется воздействие на предприятия и объединения, тем меньше возможностей для достижения пропорциональности. При этом методе воздействия эффективность управления связывается с количеством каналов воздействия: чем больше этих каналов, тем лучше. Это ясно, поскольку согласовывать множество элементов путем воздействия только на некоторые из них нельзя. И такое воздействие на все элементы (все объединения) проводилось достаточно основательно. Э. Б. Фигурнов утверждает, что план народного хозяйства содержит лишь несколько групп агрегированной продукции. Однако нельзя забывать, что эти несколько групп, в свою очередь, детализировались и доводились до каждого предприятия. Эту функцию, как известно, осуществляли (и осуществляют до сих пор) отраслевые министерства.

Отменяется ли эта детализация плана сверху в концепции кос-

венного управления в новых условиях? По существу, нет. Как известно, предприятиям и объединениям спускаются контрольные цифры, которые и есть не что иное, как детализация агрегированного плана. А как быть, если возникают ножницы между контрольными цифрами и планами самих предприятий? «...Преодолению разницы между расчетными контрольными цифрами и самопланировками трудовых коллективов служат госзаказы, которые должны быть как минимум равноприбыльными, возмещать дополнительные затраты, обеспечивать утрачиваемую рентабельность»²⁵.

Как видим, постоянный надзор за деятельностью объединений остается необходимым: в случае отклонения от контрольных цифр нужно сразу же включаться центральным органам и устанавливать госзаказ, который контрольную цифру из рекомендуемой делает обязательной для предприятия. Иными словами, необходимость детализации планов остается, объем работы центральных органов не уменьшается, а значит, и штаты их тоже должны сохраняться.

В связи с тем, что у центральных органов сохраняется задача регулирования пропорциональности через воздействие на показатели предприятий с помощью экономических нормативов, последние будут новыми рычагами старого способа управления. «Во многих случаях под видом госзаказа, экономических нормативов и других новых методов управления сохраняется по существу прежний административный диктат»²⁶.

Это обстоятельство не случайно, так как косвенные методы и хозрасчет неизбежно вступают в противоречие. Поиск решения задачи нужно вести не в рамках комбинации элементов централизованного управления, а вне их, хотя следует отметить, что в каком-то объеме экономические методы необходимы. Речь идет лишь о том, что деятельность центра не может быть главным средством обеспечения планомерности в современных условиях.

Общее решение задачи заключается в действительном ограничении функций центра. Если планирование не может быть делом центра, оно должно быть рассредоточено между разными субъектами. Таковую систему управления назовем условно партнерской. Главными субъектами управления являются центр и кооперация различного рода объединений (горизонтальные связи различного типа на основе разных программ). Предприятия, объединения и их союзы (кооперация) функционируют на принципах полного хозяйственного расчета и обладают правом планирования и производства продукции. Их деятельность нельзя полностью отождествлять с рыночной, так как она предполагает планы, которые могут быть достаточно масштабными, охватывать сотни предприятий и иметь добровольный характер, т. е. быть результатом выбора самих предприятий и союзов объединений и предприятий. В последнем

случае мы имеем дело с планомерностью среднего уровня. Эта планомерность используется фактически и монополистическим капиталом. Подобные планы должны строиться на основе ресурсов самих же объединений и являться выражением реального участия коллективов в планировании. Эту сферу можно назвать самопланированием. Она, естественно, будет находиться под контролем трудовых коллективов.

Какой же должна быть роль центра? Думается, центру необходимо отказаться от концепции управления обществом как целым через вмешательство в действия составляющих этого общества и строить свою деятельность на основе принципа дополнителности. Это означает, что центр, располагая необходимыми ресурсами (образуемыми из отчислений), строит свою программу, которая должна *дополнять* самодеятельность объединений и трудовых коллективов. Законосообразность деятельности на уровне целого будет слагаться из деятельности самодеятельных организаций и деятельности центра, причем они будут выступать как партнеры в осуществлении планирования, где у каждой стороны своя роль, свой четко фиксируемый круг ответственности, свои ресурсы.

Таким образом, система партнерского управления отличается от системы косвенного централизма способом реализации планомерности как формы использования законов общества в управленческой деятельности. Общим является признание хозяйственного расчета как принципа деятельности предприятий и объединений. Система партнерского централизма сужает возможности прямого вмешательства центра в деятельность объединений, но не исключает его вообще. Роль центра как регулятора непосредственной жизнедеятельности на уровне предприятий и объединений проявляется в другой функции управления — законодательной. От того, что центр будет выступать партнером в сфере планирования, он не утрачивает своей роли администратора в сфере законодательства. Здесь решения являются обязательными для всех.

Нам хотелось бы отметить также, что, хотя понятие системы партнерского управления еще и не сформулировано в литературе, имеются практические предложения по совершенствованию управления именно в этом направлении, в частности предложения Л. И. Абалкина по совершенствованию плана народнохозяйственного развития. Он считает, что новая концепция плана должна включать два момента: характеристику приоритетных направлений и совокупность государственных программ. «...Ключевым звеном пятилетнего плана призваны стать важнейшие общегосударственные социальные, экономические и научно-технические программы, финансируемые из государственного бюджета. Их состав и количество также должны быть ограниченными и вытекать из приоритетных направлений развития народного хозяйства, хотя здесь и не обязательно полное совпадение. Реализация таких про-

грамм — функция центра, а их набор и состав определяют его влияние на важнейшие структурообразующие пропорции народного хозяйства. Причем, чем уже круг проблем, решаемых в центре, тем сильнее его воздействие на развитие народного хозяйства как единого целого. Разумеется, если не абсолютизировать и эту форму, а отбирать для решения действительно ключевые вопросы. ...Развитие сложившихся отраслей (в отличие от принципиально новых, создаваемых в соответствии с общегосударственными программами) должно регулироваться системой горизонтальных, а не вертикальных связей»²⁷.

Хотя автор не рассуждает в статье по поводу теоретических основ высказанных предложений, их экспликация ведет к концепции партнерского централизма. Влияние центра на экономическую и социальную жизнь достигается не тем, что он вмешивается в деятельность нижестоящих организаций, стремится через регулирование их деятельности достичь своих целей, а тем, что решает четко фиксированный круг проблем на основе определенных средств. В такой ситуации ответственность центра за использование выделенных ему ресурсов и достижение поставленных целей является прямой.

При таком подходе меняется и роль государственных заказов: они не просто средство приведения в соответствие контрольных цифр и реальных показателей деятельности предприятий, а средство обеспечения самих государственных программ. Единственное, что можно добавить к сказанному: деятельность центральных органов должна быть направлена также на достижение сбалансированности.

При партнерской системе планирования объектом воздействия центра является не все народное хозяйство в целом, а тот «зазор», который существует между фактическими тенденциями развития и оптимальным состоянием. Главным средством воздействия на общество будет не сам план (он будет иметь значение расчетного инструмента), а практически осуществляемые меры: по строительству новых объектов, помощи в реконструкции наиболее перспективных объектов, рациональному использованию государственных ресурсов, подготовке специалистов и др. Эти меры могут быть спланированы в виде государственных программ, которые становятся в таких условиях главной формой народнохозяйственного плана.

Общим у косвенного и партнерского централизма является основа — хозяйственный расчет, а различным — структура и роль планов как средства осуществления жизнедеятельности общества в соответствии с его объективными законами. Если косвенный централизм рассматривает хозрасчет как инструмент реализации плана, то партнерский централизм рассматривает государственный план как инструмент хозрасчета. В этом проявляется различное

понимание роли масс. Косвенный, а тем более бюрократический централизм рассматривает трудящихся в качестве подопечных, управляемых субъектов. А в качестве действительного субъекта, способного использовать объективные общественные законы, выступает центр, который принуждает управляемых к их реализации либо прямыми, либо косвенными методами.

Партнерский централизм исходит из посылки, что народ готов к участию в историческом творчестве, сознательному использованию объективных законов природы и общества, но это творчество не исключает различного рода ошибок и отклонений, которые должен компенсировать центр. Он также должен решать задачи по реализации проектов наукоемких производств за счет всего общества. Использование объективных законов, таким образом, является функцией как масс (самодеятельность), так и центра.

Вопрос о том, какая система управления предпочтительнее, не может быть решен абстрактно, без учета уровня развития самих масс. В 20-е гг. В. И. Ленин, как известно, предложил вариант косвенного централизма, который имеет громадные преимущества перед бюрократическим в мирное время, но не в военное. И выбор был исторически правилен: эта форма соответствовала уровню развития трудящихся масс в то время. Такая система управления решала двоякую задачу: готовила массы к сознательному историческому творчеству и в то же время страховала их посредством экономических нормативов от нецелесообразных вариантов деятельности. Кроме того, она ориентировалась на реальные потребности людей (имеется в виду материальное стимулирование в виде потребительских благ, которые коррелировали с количеством и качеством труда).

Закономерным результатом развития косвенного централизма является партнерский централизм. Он предполагает уже иной уровень развития масс, которые и хотят, и умеют решать сложные управленческие задачи. В то же время эта форма управления не исключает специалистов-профессионалов. Соотношение функций профессионального и непрофессионального управления может быть различным и зависит от многих условий.

Вопрос о моменте, знаменующем переход от косвенного централизма к партнерскому, теоретически решить нельзя. Сама практика должна подсказать и показать меру и готовность масс и предприятий (объединений) к выполнению более сложных функций. Нужно отметить, что господство бюрократического централизма в течение длительного времени привело к атрофии ряда способностей, необходимых для самоуправления. Поэтому восстановление косвенного централизма необходимо как переходная мера для развития такого человеческого фактора, который способен быть субъектом истории.

Таким образом, положение о возрастании роли масс в управ-

лении, в историческом творчестве как важнейшей закономерности развития общества требует для своей реализации вполне определенных форм организации управления, не ограничивающих инициативу масс, а опирающихся на нее. Без партнерского централизма полное и всестороннее развитие самостоятельности не может быть реальностью, так как центр всегда будет стремиться в силу заданной роли «загнать» инициативу масс в рамки, которые он считает научно обоснованными, разумными. В таких условиях людям не дано право на ошибку, а значит, исключается и возможность учиться на собственном опыте. Но тогда им не дано и право на инициативу, на выявление нового. Потенциал народа в таких условиях реализуется в основном в области целереализации, а не целеполагания. И бюрократический, и косвенный централизм неявно предполагает, что центр — это своего рода учитель, а остальные — ученики. При партнерском централизме обе стороны выступают по отношению друг к другу и в роли учителя, и в роли учеников, так что никто ничего не теряет, а только выигрывает.

В заключение необходимо сказать, что вопрос о взаимоотношении центра и объединений (предприятий) не исчерпывает всех проблем, связанных с демократией и творчеством масс, но без решения этого вопроса одно из главных преимуществ социализма — сознательное участие масс в историческом творчестве — реализовать невозможно.

¹ См.: Керимова Т. В. Социальный прогресс и управление: Актуальные проблемы исторического материализма. М., 1980. С. 127; Ленинизм и управление социальными процессами при социализме. М., 1973. С. 10; Основы научного управления социалистической экономикой. М., 1975. Ч. 1. С. 450; Динамизм управления. М., 1987. С. 134.

² Попов В., Шмелев Н. Анатомия дефицита // Уроки горькие, но необходимые. М., 1988. С. 214.

³ Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС. М., 1988. С. 110.

⁴ Об историческом характере законов см.: Костин В. А., Костина Н. Б. Мировоззренческое значение марксистско-ленинской концепции общественных законов в формировании активной социальной позиции инженеров-педагогов // Формирование инженерно-педагогических кадров: мировоззренческие и методологические проблемы. Свердловск, 1987. С. 127.

⁵ Горбачев М. С. Об аграрной политике КПСС в современных условиях // Известия. 1989. 16 марта.

⁶ Панарин А. Диалектика гуманизма // Коммунист. 1989. № 5. С. 41.

⁷ Там же. С. 45.

⁸ См.: Социальное познание и управление. М., 1983. С. 167.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 95.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 302.

¹¹ Там же. С. 304.

¹² См.: Там же. Т. 20. С. 305.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 101.

¹⁴ Там же. Т. 37. С. 500.

¹⁵ Новожилов В. В. Проблемы измерения затрат и результатов при оптимальном планировании. М., 1982. С. 397.

¹⁶ Практика перестройки хозяйственного механизма. М., 1982. С. 12.

- ¹⁷ См.: *Немчинов В.* Социалистическое хозяйствование и планирование производства // *Коммунист.* 1987. № 11.
- ¹⁸ Там же. С. 30.
- ¹⁹ *Новожилов В. В.* Указ. соч. С. 400.
- ²⁰ *Немчинов В.* Указ. соч. С. 27.
- ²¹ *Попов В., Шмелев Н.* Указ. соч. С. 224.
- ²² Там же. С. 205.
- ²³ Там же. С. 207.
- ²⁴ *Фигурнов Э. Б.* Централизованное управление и рынок // *Коммунист.* 1988. № 7. С. 64—65.
- ²⁵ *Бунич П. Г.* Хозмеханизм: идеи и реальность. М., 1988. С. 46.
- ²⁶ *Валовой Д.* Государственный заказ // *Правда.* 1988. 30 мая.
- ²⁷ *Абалкин Л. И.* Каким быть новому пятилетнему плану? // *Коммунист.* 1989. № 6. С. 17.

Н. Б. КОСТИНА

Свердловский инженерно-педагогический институт

ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ КАК ОРГАН САМОУПРАВЛЕНИЯ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Коренное обновление социализма, преодоление деформаций и искажений предполагают существенное изменение в распределении социальных функций. Главное направление реформы в распределении функций управления и воспитания на уровне трудовых коллективов — обеспечение возрастания роли масс в их осуществлении, влияния масс на их реализацию. В предлагаемой статье сделана попытка рассмотреть объем и условия реализации такой общей функции, как управление, на уровне трудового коллектива.

Необходимость в перераспределении функций вызвана концентрацией их в руках центрального аппарата, который в условиях роста масштабов производства, усложнения социальной жизни стал неспособен принимать эффективные решения. Осознание такой необходимости возникло не сегодня. Можно сослаться на Конституцию (Основной закон) СССР, в которой предусматривалось расширение прав трудовых коллективов, включение их в качестве элемента в политическую систему: «Трудовые коллективы участвуют в обсуждении и решении государственных и общественных дел, в планировании производства и социального развития, в подготовке и расстановке кадров, в обсуждении и решении вопросов управления предприятиями и учреждениями, улучшения условий труда, использования средств, предназначенных для развития про-

изводства, а также на социально-культурные мероприятия и материальное поощрение.

Трудовые коллективы развивают социалистическое соревнование, способствуют укреплению трудовой дисциплины, воспитывают своих членов в духе коммунистической нравственности, заботятся о повышении их политической сознательности, культуры и профессиональной квалификации»¹. В различного рода партийных документах в 70-е — начале 80-х гг. постоянно обращалось внимание на повышение роли трудовых коллективов в планировании и управлении производством, подборе и расстановке кадров, эффективном использовании средств предприятий².

Но, несмотря на то что политические функции трудового коллектива признавались необходимыми, на деле они значительно принижались: коллектив не имел (да и сейчас не имеет, несмотря на закон о госпредприятии) возможности влиять на разработку и принятие планов, расходование средств, деятельность администрации и т. д., не мог реально взять под собственный контроль все эти вопросы. А ведь без действительной возможности *решать* эти и подобные вопросы слова о формировании у каждого работника чувства хозяина останутся лишь словами. Решать вопросы — значит оказывать влияние на решение и видеть, к чему оно ведет, а не просто участвовать в обсуждении и решении, ибо последнее может происходить и при пассивном одобрении общим собранием решений, подготовленных узким кругом людей без участия коллектива, который порой очень слабо представляет суть принимаемых решений и, что особенно важно, последствия их осуществления.

Повышение значимости политической и воспитательной функций трудового коллектива — требование времени. В наши дни особенно часто обращаются к мысли В. И. Ленина о том, что социализм — это живое творчество масс³. Совершенствование, обновление нашего общества прямо и непосредственно зависит от умения масс что-либо изменить, взять на себя ответственность. Становление трудовых коллективов как субъектов управления означает, что производители материальных благ, а равно и духовных ценностей сами и принимают, и исполняют решения, управляют своими делами. Это ставит вопрос об изменении содержания управленческой деятельности коллективов, ее стиля и организационных структур.

В чем состоит расширение содержания управленческой деятельности коллектива? Это прежде всего участие в разработке перспективных направлений и планов развития предприятий, контроль за ходом и результатами выполнения принятых решений, расширение круга проблем, окончательные решения по которым принимает сам коллектив⁴.

В качестве таких проблем рассматриваются следующие: утверждение мероприятий по повышению производительности труда, его эффективности и качества, правил внутреннего распорядка и т. п.;

определение направлений расходования фондов экономического стимулирования, других средств, остающихся в распоряжении коллектива, утверждение сметы расходов; распределение средств на оплату и стимулирование труда между структурными подразделениями в зависимости от достигнутых ими результатов; выборы руководителей, участие в подборе и расстановке кадров; установление форм материального и морального стимулирования, размеров поощрений.

Для реализации этих задач предлагается следующая модель взаимодействия администрации и коллектива. Администрация представляет на обсуждение коллектива несколько вариантов решения вопроса. Функции коллектива — обсуждение предложенных проектов, определение путей реализации или отклонение и установление основных направлений доработки.

Предполагается также расширить круг вопросов, по которым государственные и хозяйственные органы управления не могут принимать решений без согласия трудовых коллективов. Это прежде всего изъятие средств, заработанных коллективом и предназначенных на развитие производства, решение социальных вопросов, отвлечение технических средств и работников предприятия для выполнения работ, не относящихся непосредственно к их деятельности, изъятие части земельного участка и производственной площади предприятия⁵.

Важным моментом в развитии самоуправления является направление активности трудящихся на решение не только текущих вопросов, но и перспективных проблем. Для обеспечения постоянного и действенного участия коллектива в управлении каждому его подразделению, рядовому члену необходим доступ к информации. Повышение информированности коллектива — важнейшая предпосылка *компетентного* участия в управлении.

Перечисленные выше функции (обсуждение и принятие предложенных проектов, определение путей их реализации или отклонение) требуют для своего осуществления определенных организационных форм и их правового закрепления. Причем важен правовой статус не только самих этих форм, но и решений, принимаемых в рамках этих форм. Без этого все высказывания о необходимости перестройки окажутся лишь благими пожеланиями, свидетельством чего явилась Конституция СССР 1977 г. Вот почему в ходе нынешней реформы разрабатываются конкретные законы, обеспечивающие реализацию функций трудового коллектива⁶.

Организационные формы должны охватить все функции трудового коллектива, т. е. непосредственную и представительную демократию. Их единство представляет собой необходимые условия успеха. Такими организационными формами являются общие собрания (конференции) трудовых коллективов и советы трудовых коллективов (СТК). После вступления в силу Закона СССР о го-

сударственном предприятии (объединении) общее собрание (конференция) трудового коллектива должно стать одной из важнейших форм непосредственного участия трудящихся в управлении производством: выработке, принятии и выполнении решений по социально-экономическому развитию предприятия.

Важнейшими формами представительной демократии (участие трудящихся в управлении через избранных ими представителей) призваны стать СТК и другие общественные органы. Они должны активно участвовать в подготовке проектов решений с учетом общественного мнения и интересов коллектива.

Общее собрание (конференция) — полномочный орган трудового коллектива — избирает руководителей, СТК, заслушивает их отчеты, рассматривает проекты планов экономического и социального развития предприятия, определяет сметы расходования фондов экономического стимулирования, проекты технической реконструкции и т. д. Решения, принятые коллективом на общем собрании (не противоречащие существенному законодательству), должны выполняться всеми членами коллектива, в том числе и администрацией.

Совет трудового коллектива — выборный, постоянно действующий орган трудового коллектива, подотчетный общему собранию. Он осуществляет «верховную власть» на предприятии в период между общими собраниями, а также текущий контроль за выполнением их решений. Решения, принятые СТК в пределах его полномочий, также обязательны для всех членов трудового коллектива, включая администрацию. Эти решения не требуют ни согласования с администрацией, ни утверждения вышестоящими органами, их правомочно отменять только общее собрание. Таким образом, СТК призван реализовать функции трудового коллектива как полноправного хозяина на предприятии, самостоятельно решающего вопросы производственного и социального развития.

Однако этими весьма важными функциями не исчерпывается роль новых форм непосредственной и представительной демократии. Участвуя через эти организационные формы в управлении производством, каждый член коллектива сможет ощутить свою ответственность за принятие и выполнение решений, повлиять на выработку экономической политики, особенно при участии в решении стратегических вопросов развития предприятия (план, техническое перевооружение, смета расходов и т. д.). В то же время это и школа для участия в управлении на более высоком уровне (района, города, республики), где формируется ответственность за принятие решений на государственном уровне.

Ситуация, в которой «Советы, будучи по своей программе органами управления *через трудящихся*, на самом деле являются органами управления *для трудящихся* через передовой слой пролетариата, но не через трудящиеся массы»⁷, остается реальностью

и поныне. Выявляя объективные и субъективные причины этого положения, В. И. Ленин подчеркивал необходимость того, чтобы Советы действительно стали органами народовластия, и начавшееся участие трудящихся в управлении государственными и общественными делами рассматривал как «приступ к настоящему народному самоуправлению... к обучению народа управлять самим собой»⁸.

Думается, развиваемая в рамках трудового коллектива непосредственная и представительная демократия — это и приступ к народному самоуправлению, и важный способ обучения народа управлять самим собой. Как справедливо отмечает Ю. А. Тихомиров, необходимо постепенно привлекать людей к выполнению управленческих функций: переходить от простых функций к более сложным и увеличивать их объем, расширяя «участие граждан в формировании органов управления, подборе, выборе должностных лиц, определении целей и составлении планов, программ, анализе и использовании информации, принятии и выполнении решений, контроле и оценке полученных результатов»⁹. Участие в управлении на уровне трудового коллектива — первая ступень в привлечении масс к управлению, в развитии самоуправления с точки зрения влияния на принимаемые решения.

Но, как говорится, «гладко было на бумаге, да забыли про овраги». На пути реализации закреплённых в законе о госпредприятии принципов, методов, форм производственного самоуправления возникает немало препятствий. Выделим некоторые из них.

Прежде всего, это психологическая неподготовленность многих членов нашего общества к переменам, нежелание что-либо делать *самим* для изменения сложившейся ситуации, работать и принимать решения *самостоятельно*. Задача учиться работать, которую, как считал В. И. Ленин, «Советская власть должна поставить перед народом во всем ее объеме»¹⁰, чрезвычайно актуальна для нас и сегодня. Одно из противоречий нашего общества заключается в том, что оно нередко пытается решить накопившиеся проблемы и задачи перестройки на прежних направлениях, прежними способами. И это не только предпринимается «сверху», иных способов не видят подчас и «снизу». Так, С. Колесников ссылается на опубликованные в печати данные социологических исследований, проведенных АН СССР на 120 предприятиях: 52,6 % от 11 тысяч опрошенных видят главный резерв ускорения социально-экономического развития не в повышении заинтересованности, не в изменении хозяйственного механизма, а в *мерах административного порядка*. Причем, как показали исследования, год назад приверженцев административных методов было почти в три раза меньше¹¹. Как справедливо отмечает С. Колесников, «за этой цифрой — и нетерпеливое ожидание „чудесного избавления“ (и хорошо бы, конечно, одним махом) от надоевших экономических неуря-

диц, и привычка следовать „дисциплинарному“ стилю хозяйственной жизни»¹².

Но ведь за подобными ожиданиями и привычкой кроется неумение решать проблемы иными способами, а подчас и нежелание не только искать их, но и эффективно использовать уже найденное, причем именно со стороны рядовых членов коллектива. Об этом свидетельствуют следующие социологические данные. Если принять все вопросы, рассмотренные общими собраниями трудовых коллективов, за 100 %, то 73,5 % приходится на принятие коллективных договоров и обсуждение их выполнения (т. е. традиционный вопрос, всегда рассматривавшийся общими собраниями коллектива). В то же время лишь 4 % приходится на вопросы совершенствования организации труда, 3 — на распространение передового опыта, 2 — на воспитательную работу в коллективе и 1 % — на вопросы распределения фондов экономического стимулирования¹³. Как видим, те вопросы, по которым решения должны приниматься сегодня общим собранием, имеют очень малый удельный вес среди проблем, которыми на деле заняты общие собрания.

Возникает вопрос: насколько такие собрания — действительная форма *развития непосредственного участия трудящихся в управлении производством*, не являются ли они *формой* без нового содержания? Да, ведомственные инструкции пытаются «подправлять» закон о госпредприятии, администрация предприятий — проводить «политику сдерживания» по отношению к деятельности общего собрания и СТК, их решениям¹⁴. Но есть и другая сторона медали — недостаточная активность самих трудящихся. Об этом говорят следующие данные. Так, 27,5 % опрошенных рабочих не участвовали в реализации ни одного важного полномочия, предусмотренного законом о предприятии. В разработке и обсуждении планов экономического и социального развития участвовали 10,8 % рабочих и 22,4 % ИТР и служащих. Минимально участие рабочих (6,4 %), служащих и ИТР (5,4 %) в решении вопросов использования средств фондов экономического стимулирования¹⁵. Итак, налицо значительный резерв повышения социальной активности трудящихся в решении производственных и социальных задач предприятия.

Развить инициативу и творчество коллектива можно, как справедливо отмечает И. П. Смирнов, только предоставив ему реальную возможность влиять на планирование и организацию труда, распределение средств материального поощрения, выбор руководителей и др. Он приводит такие данные. Непосредственное участие в управлении производством принимают 43 % молодых рабочих, причем в основном они участвуют в подведении итогов соревнования, реже — в распределении жилья, мест в детсадах, приеме и увольнении работников и др. (Кстати, хотели бы непосредственно участ-

воват в управлении 72,1 %.) Большинство желающих участвовать в управлении производством хотели бы решать вопросы, связанные преимущественно с удовлетворением бытовых и культурных потребностей. Меньше интереса проявляют они к разработке производственных планов, использованию средств на развитие производства, приему и увольнению работников. Это говорит о недостаточной готовности молодых рабочих к управлению (они не видят реальной связи интересов коллектива и своих интересов), а также о недостаточном развитии хозрасчета, расширении прав предприятий.

Доминирующая причина низкой управленческой активности, по мнению самих молодых рабочих, в том, что их «никто не привлекал к решению этих вопросов». Каждый 10-й считает себя плохо подготовленным к управлению. Примерно 1/3 рабочих не осознает необходимости участия в управлении производством и считает, что это дело администрации. Пассивное отношение к управлению производством свидетельствует и о слабости стимулов: зарплата пока не зависит от эффективности работы предприятия в целом¹⁶.

Непосредственная и представительная демократия в рамках трудового коллектива действительно станет формой и методом самоуправления на производстве в условиях хозрасчета. Но в то же время успех развития хозрасчетных отношений во многом зависит от активной и заинтересованной деятельности членов коллектива, т. е. эти два процесса — развитие хозрасчета и развитие демократии на производстве — тесно взаимосвязаны. Только через развитие непосредственной и представительной демократии в рамках коллектива можно преодолеть пассивное и потребительское отношение его членов к предприятию как к субъекту, который может (и должен!) *дать* хорошую зарплату, квартиру (да побыстрее!), обеспечить хорошие условия труда и т. д. Но ведь предприятие в условиях хозрасчета сможет дать ровно столько, сколько создал весь коллектив (за вычетом средств, необходимых для развития производства). И каждый член трудового коллектива должен спрашивать не с предприятия как с чего-то противостоящего ему, а с себя. Тогда и возникает необходимость выяснить, как «сработал» коллектив, на что он может рассчитывать, где слабые места и как их преодолеть, и на основе полученной информации принимать решения, осуществлять контроль за их выполнением.

Выше говорилось о психологической неподготовленности трудящихся к переменам. Но это — сторона общей неподготовленности к участию в управлении вообще. Ситуация, в которой рабочим десятилетиями объяснялось, что «наверху» знают, что и как, и обо всем заботятся, дала свои результаты: не только пассивное отношение к участию в управлении, но и простое неумение в нем участвовать. Формирование умения управлять — задача насущная и очень актуальная, не менее актуальная, чем профессионально-квалификационный рост рабочего или инженера. Но если профес-

сиональную квалификацию еще можно частично совершенствовать в рабочее время, то вырабатывать навыки и умения управленческой деятельности — вряд ли, особенно в условиях хозрасчета. Участие в управлении в рамках предприятий и объединений связано с затратами времени: оно возможно только за счет свободного времени. В современных условиях, когда участие всех членов коллектива в управлении производством необходимо, должны быть найдены и реальные условия его осуществления, в том числе и время для этой деятельности.

И. П. Смирнов объясняет пассивное отношение значительной части молодых рабочих к управлению производством тем, что слабо действуют стимулы, в частности зарплата. Думается, не только в этом дело. Участие трудящихся в управлении производством в рамках трудового коллектива требует, с одной стороны, вне рабочего времени, с другой — определенного уровня знаний, компетенции, который может быть достигнут работником только при наличии свободного времени и его рациональном использовании. Но где взять это дополнительное свободное время? Каким образом можно связать проблему сокращения рабочего времени с процессами, происходящими в нашем обществе? Эту связь можно представить так: сокращение рабочего времени (и соответственно увеличение свободного) должно стать *стимулом* к ударному труду, поощрением за него. На сегодняшний день ситуация такова, что увеличение свободного времени не является стимулом для лучшей работы, так как связано с уменьшением заработной платы (для учащихся вечерних школ, матерей, имеющих маленьких детей). Иными словами, речь идет не о повышении заработной платы за участие в управлении (принял участие в общем собрании — пять рублей, излучил ситуацию в цехе — десять), а о возможности заработать свободное время для самообразования, занятий с детьми, помощи родителям, участия в управлении, наконец.

Стимулирование величиной рабочего времени было предложено самими трудящимися в ходе всенародного обсуждения проекта Конституции СССР, затем получило поддержку и обоснование у ряда экономистов и философов¹⁷. Суть ее в том, что «стимулирование свободным временем предполагает уменьшение рабочего времени при условии выполнения или перевыполнения дневной нормы и при сохранении заработной платы»¹⁸. Речь идет о стимулировании отдельных работников, которые выполняют дневные нормы за меньшее время, чем предусмотрено. Эта возможность стимулирования хорошей работы не только деньгами, но и уменьшением количественной доли рабочего времени позволяет расширить сферу стимулов в сторону наибольшего соответствия их реальным потребностям трудящихся.

Введение хозрасчета расширяет сферу стимулов: лучше работающие предприятия имеют возможность улучшать условия труда

своих работников, решать социальные вопросы. Но этими благами и услугами нельзя удовлетворить разнообразные потребности людей. Существует много потребностей (воспитание детей, обучение, самообразование, участие в общественных делах), удовлетворение которых предполагает в качестве своего условия наличие свободного времени. Последнее же можно «произвести» путем совершенствования деятельности производственного коллектива, сокращая тем самым количество необходимого рабочего времени.

Сторонники узкоэкономического подхода исходят из того, что стимулирующая роль денег беспредельна. Но она имеет границу, за которой добывание денег обесмысливается. Конечно, в наших условиях стимулирующая роль денег еще долго будет велика, для большинства трудящихся верхний «порог» денежного стимулирования еще не достигнут, но границы этого стимула видеть необходимо. Упование только на денежное стимулирование не учитывает и такого негативного последствия, как вещизм. Дифференциация же материального стимулирования, использование и денежных стимулов, и сокращения рабочего времени для тех категорий трудящихся, которые в нем особенно нуждаются и его *заработали*, будет способствовать развитию личности.

Однако вызывает несогласие стремление «заорганизовать» это свободное время. Так, И. П. Смирнов говорит о том, что для «отдельных видов работ, имеющих богатое творческое содержание, правомерно ставить вопрос о ...некотором сокращении норм основного рабочего времени с целью повышения квалификации и развития других форм подготовки к труду. При этом можно было бы организовать для некоторых категорий рабочих и специалистов один-два раза в месяц „творческие дни“ для знакомства с новой техникой, прогрессивной технологией... При чем такую работу не следует отождествлять с самоподготовкой, а рассматривать ее как часть обязательной производственной программы, проводить под контролем администрации, по разработанной методике на базе домов техники, центров переподготовки рабочих кадров, технических библиотек и сопровождать периодической проверкой квалификации тружеников»¹⁹.

Это фактически не дополнительное свободное время, а рабочее время, достаточно жестко зарегламентированное. Суть подобного предложения состоит в том, что перераспределение между свободным и рабочим временем предлагается провести «сверху», *дать* его работникам, т. е. они его *не зарабатывают*. Отсюда и стремление контролировать его использование. Заработанное же время человек использует свободно, как хочет. В этом — принципиальная разница. И, конечно, дополнительное свободное время необходимо всем работникам, например, для подготовки к участию в управлении и для самого этого участия.

Свободное время может зарабатывать не только отдельный

работник или отдельное подразделение трудового коллектива, но и весь коллектив, все предприятие в целом. Например, в случае повышения предприятием производительности труда «часть» этой производительности, точнее, часть времени, освобождающегося в связи с повышением производительности труда, позволяет сократить на известную величину рабочее время членов коллектива. Другая часть этого времени может обеспечивать снижение цен, но это тема особого разговора.

В итоге предприятие, осуществившее модернизацию, повысившее производительность труда, не увольняет работников, а лишь сокращает время их труда, осуществляя при этом дифференцированный подход к различным работникам и подразделениям. Это дает возможность поставить величину рабочего времени в зависимости от характера труда, его интенсивности, наукоемкости, ресурсосбережения на отдельных предприятиях, которые в настоящих условиях никак не связаны, т. е. рабочее время будет различным у работников разных предприятий в зависимости от результатов их деятельности. Численность коллектива, улучшившего свою работу, не уменьшается; сокращается рабочее время, поэтому нет опасений, что часть тружеников будет уволена. Возникает прочная и тесная связь работника и коллектива.

Таким образом, первое, что выигрывают хорошо работающие,— свободное время, которое можно использовать для непрерывного самообразования, участия в управлении, решения социальных проблем (жилищное строительство, занятия с детьми и др.). Это выигрыш социальный. Другой выигрыш, экономический, включает в себя несколько моментов: более низкие цены (или цены ниже общественно необходимых затрат) обеспечивают гарантированный сбыт, прочное положение предприятия, производитель выигрывает через снижение цен как потребитель. Снижение цен означает снижение издержек производства и повышение покупательной способности одной и той же суммы, т. е. выигрывают и коллектив как производитель товаров, и каждый член производственного коллектива как потребитель жизненных благ.

Возможно, не все члены коллектива захотят, чтобы стимулом было время. Этим людям необходимо предоставить совместительство по месту работы, либо они будут дополнительно заняты в кооперативах и т. д.

Итак, мы видим, что производственно-экономические и управленческие функции трудового коллектива тесно взаимосвязаны. Развитие демократии на производстве, расширение форм непосредственного и представительного участия всех членов коллектива в управлении с необходимостью предполагают полный хозрасчет как экономическую основу. С другой стороны, развитие самоуправленческих начал — важнейшее условие для развития хозрасчетных отношений. Проявление инициативы и самостоятельности, переход

от совещательных форм участия масс в управлении к участию в принятии управленческих решений и их выполнении неразрывно связаны с политической и правовой культурой личности, со становлением ее как субъекта управленческой деятельности.

¹ Конституция (Основной закон) СССР // Конституция общенародного государства М., 1978. С. 114.

² См., например: Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1978. С. 66.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 205, 209.

⁴ См.: Реформа управления экономикой. Проблемы и поиск. М., 1987. С. 287.

⁵ См.: Там же. С. 288—290.

⁶ См.: Абалкин Л. И. Каким быть новому пятилетнему плану? // Коммунист. 1989. № 6. С. 14.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 170.

⁸ Там же. Т. 34. С. 216.

⁹ Человеческий фактор и ускорение социально-экономического развития. М., 1988. С. 127—128.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 189.

¹¹ См.: Колесников С. Продолжающиеся уроки // Коммунист. 1989. № 1. С. 16.

¹² Там же.

¹³ См.: Реформа управления экономикой. Проблемы и поиск. С. 280.

¹⁴ См.: Торкановский Е. Производственное самоуправление: что на пути? // Коммунист. 1988. № 12.

¹⁵ См.: Реформа управления экономикой. Проблемы и поиск. С. 285.

¹⁶ См.: Смирнов И. П. Советский рабочий: формирование творческой личности. М., 1987. С. 64—72.

¹⁷ См.: Там же. С. 55—58; Толокина Е. Стимулирование свободным временем // Экон. науки. 1987. № 5; Чубаров К. К. Стимул — свободное время // Экономика и организация промышленного производства. 1985. № 10.

¹⁸ Толокина Е. Указ. соч. С. 82.

¹⁹ Смирнов И. П. Указ. соч. С. 57—58.

Раздел 3. ЭФФЕКТИВНОСТЬ В РАЗВИТИИ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ В СФЕРЕ ФИЛОСОФИИ И НАУКИ

В. К. БАКШУТОВ

Уральский университет

ТВОРЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ФИЛОСОФИИ И БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛИЗМ

Одним из основных условий формирования и развития творческих способностей человека является духовный климат общества, господство той или иной религиозной, идеологической или философской системы. В XX в. произошло существенное сужение влияния религиозной идеологии на жизнь и деятельность человека и значительно расширилась сфера воздействия философских идей на мысли, поступки и поведение человека. А так как «философия есть точно так же современная ей эпоха, постигнутая в мышлении»¹, то ее развитие выражает объективный творческий процесс самой действительности во всех ее проявлениях. В то же время догматизация философских систем не только снижает, но и убивает творческие способности всех субъектов творчества — от отдельного человека до политических партий и государства. Отсюда вытекает важность изучения творческой природы философии и причин ее догматизации, превращения в разновидность рационализированной светской религии или бюрократического идеализма, который разрушает творческие способности как отдельных лиц, так и целых наций.

1. Творческое развитие философии

Творческая философская мысль в современном мире выступает не только в виде духовной квинтэссенции эпохи, но и в качестве важного инструмента духовного возрождения человека как цельной, универсальной и творчески-деятельной личности. В этих условиях вопрос о месте философии в развитии творческих способностей человека и общества может быть правильно поставлен и решен только с позиций единства философского знания и его творческих интегративных функций.

Всякой философии присущи три момента, выражающие ее основные интегративные функции: онтологическую, гносеологическую

и антропологическую. Соотношение между этими моментами, как и содержание этих функций существенно изменяется на каждом крутом повороте человеческой истории, особенно в эпохи ломки старых мировоззрений и формирования новых философских и идеологических систем. Даже беглый взгляд на историю развития философского знания позволяет увидеть, *как* менялось соотношение между этими тремя моментами. На каждом этапе развития философии доминировал, как правило, один из этих моментов, другие же были всецело подчинены ему. Доминирующий момент брал на себя основную тяжесть развития философского мышления и выполнял творческую функцию философского знания. Это видно на примере истории западноевропейской философии.

Вся раннегреческая философия (милетская школа, пифагорейский союз, Гераклит, элеаты, Эмпедокл, Анаксагор, Левкипп и Демокрит) была занята поисками субстрата, всеобщей субстанции, единой сущности, выяснением сущего в космосе. *Онтологический* момент здесь явно доминировал, гносеологический — едва был намечен, антропологический, доставшийся в наследство от мифологического мышления, хотя и сохранял некоторые позиции, например, в золотых стихах Пифагора, но уже не доминировал. *Онтология* здесь исчерпывала почти все философское знание. В ней было выражено творческое начало нерасчлененного единства научного и философского знания эпохи.

Софисты и Сократ отходят от онтологической традиции, переходят от созерцания макрокосмоса к исследованию духовного мира человека. Творческая доминанта философского знания перемещается в сторону *антропологии* и аксиологии. Платоновская эйдология в какой-то мере продолжает онтологическую традицию, но учение Платона об идеях развивает созданную Сократом аксиологическую тенденцию и закладывает первый камень в фундамент философской гносеологии. У Аристотеля уже доминирует *гносеология*. Но гносеологизм в философии, как и гностицизм в христианстве, не смог завоевать и тем более сохранить сколько-нибудь долго доминирующее положение. Эпикуреизм, стоицизм, скептицизм, неоплатонизм как на греческой, так и на римской почве ядром своей философии имели антропологическую ориентацию. Но почти вся средневековая философия (от Лактанция и Августина до Декарта), развивая эйдологию Платона, имела явно онтологическую ориентацию. Оправдан ли был этот онтологический акцент в средневековой философии? Да, исторически он был оправдан. Только здесь философия могла отвоевать себе кусочек для самостоятельной творческой рефлексии. Философская антропология застыла на уровне римского стоицизма и оказалась пленницей церковного догматизма. Гносеология и конкретные науки находились еще в зачаточном состоянии. Поэтому именно *онтология* выполняла главную творческую функцию в философском знании в средние века.

Положение резко меняется в XVII—XVIII вв. Уже Декарт начинает рассматривать онтологическую проблематику сквозь призму теории познания. Кант решительно критикует онтологические устремления прежней философии. Гегель же не оставляет места для онтологии в своей философской системе. Во введении к «Большой логике» он писал, что «объективная логика непосредственно занимает место онтологии — той части указанной физики, которая должна была исследовать природу сущего вообще»².

В XIX в. онтология окончательно утратила свою доминирующую творческую роль в системе философского знания. Поэтому она и не нашла места в системе диалектико-материалистической философии. Со всей определенностью этот факт был отмечен Ф. Энгельсом, который писал, что «современный материализм является по существу диалектическим и не нуждается больше ни в какой философии, стоящей над прочими науками. Как только перед каждой отдельной наукой становится требование выяснить свое место во всеобщей связи вещей и знаний о вещах, какая-либо особая наука об этой всеобщей связи становится излишней. И тогда из всей прежней философии самостоятельное существование сохраняет еще учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика. Все остальное входит в положительную науку о природе и истории»³.

Ф. Энгельс, В. И. Ленин исключали онтологию из системы философского знания не потому, что были слепыми гегельянами, а потому, что были зрячими, далеко видящими вперед диалектиками. Онтологический момент утратил свою доминирующую роль в системе философского знания не по капризу Канта и Гегеля, а в силу имманентного творческого развития самой философии, чтобы оставаться духовной квинтэссенцией новой эпохи, в условиях бурного развития положительных, конкретных наук о природе и обществе, которые сменили онтологические блуждания прежней философии точным естественнонаучным и социальным знанием не только о частных сторонах действительности, но и о мире в целом. Как справедливо писал П. В. Копнин, «любая наука так или иначе рассматривает мир в целом»⁴.

Всякие попытки оживить онтологию, поставить ее в один ряд с гносеологией или антропологией — это попытки с негодными средствами. Они ориентируют нашу философскую мысль не вперед, а назад, к изжившим себя формам единства философского знания, и объективно затрудняют диалектико-материалистической философии выполнение ее творческой функции в системе современного научного знания. Такое оживление онтологии в марксистской философии уже имело место в 30—40-е гг. В разделе о диалектическом и историческом материализме «Краткого курса истории ВКП(б)» первая черта материализма трактовалась как учение о материи или о мире в целом. Этим была отдана дань прежнему онтологическому

подходу к единству философского знания. Не употребляя самого слова онтология, философы горячо взялись за ее восстановление. Каков результат этих горячих и вполне искренних стремлений втиснуть в прокрустово ложе онтологического мышления научное знание в середине нашего века, известно каждому. Попытка насильственной интеграции наук не удалась. Объединить науки на основе догматических схем, выработанных в лоне онтологического мышления, оказалось невозможным. Все, что выходило за пределы этих догматических схем, онтологически мыслящие философы объявили лженаукой: и кибернетику, и генетику, и теорию резонанса, и даже теорию относительности. Но на проверку лженаукой оказалась не кибернетика и не генетика, а анонимно онтологизированная философия. Этим вовсе не зачеркивается вся философская мысль 30—40-х гг., но из песни слова не выкинешь — что было, то было.

Этот урок наглядно показал, что онтология не может играть в системе диалектико-материалистической философии не только доминирующую, но и сколько-нибудь серьезную творческую, конструктивную роль. Онтологические блуждания, вместо того чтобы содействовать творческой интеграции современного научного знания, толкают философов на путь схоластического теоретизирования, заставляя исходить из абстрактных схем, рожденных в стороне от магистрального пути развития научного знания.

Онтологические блуждания в нашей философии не закончились до сих пор. Более того, в последнее время они обрели «второе дыхание». Вынашиваются планы создания марксистской философии как системы онтологического знания. Выпячивание онтологического момента в марксистской философии объективно ведет к реставрации донаучных философских представлений, когда кибернетика и генетика объявлялись лженауками, а «диалектика» Т. Д. Лысенко непогрешимой наукой, образцом науки и философии. На пути молчаливой онтологизации сложился философский догматизм 30—40-х гг. Сейчас сторонники онтологизации открыто и громко заявляют о своей приверженности к онтологическому моменту в системе философского знания и требуют создания марксистской онтологии. Это делает им честь, но не делает их позицию научно оправданной. Научно она не более оправданна, чем «диалектика» Т. Д. Лысенко, хотя, конечно, уровень аргументации иной, время иное, но общая тенденция развития мышления остается той же самой — дедуктивно-телеологической, идущей от общей, заранее созданной вне науки схемы (нечто вроде мировой схематики Е. Дюринга).

Ответ на основной вопрос философии: каков мир и как он познан? — диалектико-материалистическая философия может получить не с помощью новой онтологии, а на основе современных конкретных наук о действительности и ленинской теории отражения, которая выражает собой ядро новой философии — диалектику, ло-

гику и гносеологию. Это ядро выступает в качестве ведущего момента творческого развития современного философского знания и является главным методологическим рычагом творческой интеграции современных наук. В наше время творческое приращение философских знаний идет уже не за счет онтологической схематики, а за счет современной науки и научной диалектики, которая по своей природе противоположна не только метафизике, но и всей прежней онтологии. Современная онтология, если уж она так необходима,— это совокупность мировоззренческих выводов всех конкретных наук о природе, обществе и мышлении. Именно наука позволяет диалектико-материалистической философии правильно ответить на вопрос: *каков мир?* Вне этого всякие поиски особой философской онтологии — это поиски вчерашнего дня в развитии науки и философии.

Деление философского знания на онтологическое и гносеологическое теперь уже несостоятельно в своей основе, ибо онтология в лучшем случае может гальванизировать старые и изжившие себя философские идеи, но она органически неспособна творчески порождать *новое* знание. Приращение нового философского знания в лоне диалектико-материалистической философии всецело осуществляется за счет триединого ядра, состоящего из диалектики, логики и гносеологии. Онтология же не только противоречит требованиям современной научной диалектики, но и препятствует развитию творческих интегративных функций современной философии, выступает гносеологическим основанием догматизма и начетничества, создает условия для отрыва философии от науки. Сторонники создания марксистской онтологии не хотят или не могут видеть этого. Научная диалектика и ленинская гносеология решают эту проблему, поднимая знамя прогресса философского знания, выброшенного за борт метафизикой и онтологией.

Исторически онтология займет в системе диалектико-материалистической философии такое же место, что и гностицизм в философии раннего христианства: и здесь и там апелляция к архаическим формам мировоззрения с той только разницей, что гностики обращались к изжившим себя эмбриональным формам античной гносеологии, а современные онтологи апеллируют к перезревшей в течение двух тысячелетий онтологической стороне философского знания. Идеи гностиков оплодотворяли средневековую философию и возродились в философии Нового времени. Идеи современных онтологов ничего не возрождают, они пытаются оживить и реставрировать мертвые догматические схемы метафизического мышления прежней эпохи. Гностицизм выступал против онтологического догматизма средневековой философии, современный онтологизм объективно направлен против ядра диалектико-материалистической философии, выполнявшего главную творческую функцию в развитии современных наук. У гностицизма впереди было возрождение,

у онтологизма впереди могут быть только различные формы реставрации.

Современная научная диалектико-материалистическая философия не может возвратиться к онтологии как наука, не может вернуться к мифотворчеству. Но научная философия уже прочно осуществила «возврат якобы к старому» онтологическому основанию, используя достижения конкретных наук о природе и обществе для построения цельного философского мировоззрения.

Поиск творческой природы философского знания неизбежно упирается в поиск единого предмета диалектико-материалистической философии. В философской литературе существует множество различных определений предмета философии. Не перечисляя эти определения, хочу сказать, что предмет диалектико-материалистической философии — это не учение о бытии или о мире в целом, это не учение о познании мира и не учение о человеке, как иногда принято считать. Но это учение об *отношении* человека к миру и к самому себе. Это учение содержит онтологический, гносеологический и антропологический моменты, но не сводится ни к одному из них, ибо содержит нечто такое, что выходит за пределы каждого из этих моментов. Этим нечто является *ценностное отношение* человека как к миру в целом, так и к любой его микроскопической части, даже к слезинке ребенка, как это прекрасно показал Ф. М. Достоевский. Силой художественного чутья он шел в том же направлении, в котором развивалась диалектико-материалистическая философия.

Иногда говорят, что предмет философии — субъектно-объектные отношения. Это не совсем точно, хотя здесь много верного. Предмет философии — это учение о *ценностном отношении* человека как субъекта, а также других субъектов — партии, государства, человечества — к человеку, миру, себе и другим субъектам. Почему эти отношения нельзя назвать субъектно-объектными? Потому что объекты, как и животные, не способны к чему-либо относиться как к ценности и поэтому не могут иметь своей философии. Ценностные отношения, как и философия, привилегия субъекта — человека, партии, государства, человечества.

Некоторые исследователи, загипнотизированные легкостью и простотой онтологического подхода к определению содержания философских знаний, говорят об отношениях субъективного и объективного, мышления и бытия как об единственном предмете философии на всем протяжении ее развития. Но, во-первых, предмет философии постоянно изменялся и в ходе творческого развития философского знания наполнялся новым содержанием. Во-вторых, отношения субъективного и объективного, мышления и бытия — это не философия, а сама объективная реальность. Поэтому Ф. Энгельс, рассматривая основной вопрос философии, говорит не об отношении мышления и бытия, а «об отношении мышления к бытию»⁵.

Предмет философии — не отношение как таковое, а учение о *ценностном отношении* человека к человеку, обществу и миру в целом. Онтологическая ориентация в определении предмета философии является данью старым традиционным представлениям о философии как о форме чисто рационального постижения явлений окружающего мира. Но старый, традиционный взгляд на философию как на царство чистого разума уже изживает себя. Все чаще и чаще раздаются голоса в защиту философии, включающей в себя не только объективное знание о мире, но и ценностное отношение человека к этому знанию, в защиту философии, которая содержит в себе как истину, так и ценность.

С падением прежней роли религиозного мировоззрения и развитием науки философия больше привлекает к себе людей не тем, что она объясняет «мир в целом», а тем, что может выступать в качестве орудия духовного жизнетворчества. Философское жизнетворчество из причуды отдельных лиц становится духовным стремлением все более широкого круга людей. Максима жить по высшим принципам, выработанным мировой философской и этической мыслью, привлекает людей, чаще всего далеких от официальной рационализированной философской системы. Профессиональные же философы, не следующие в жизни тем мыслям, которые проповедуют, становятся резонерами, наподобие греческих софистов. Научной сегодня может быть только такая философия, в которой доминирует творческая роль *ценностно-антропологического момента*, а онтология и гносеология подчинены аксиологии. Характерное для классической русской и китайской философии преобладание нравственно-антропологического начала сегодня берет на себя основную роль в развитии творческих способностей не только в философии, но и в науке. Утрата же творческого аксиологического момента превращает философию в науку «без нравственных основ»⁶, которая сама не способна к творческому развитию и является тормозом развития творческих способностей человека. Такая «философия» в последние годы получила наименование «бюрократический идеализм». Вырастая на основе абсолютизации онтологического момента в философском знании, «философия» эта становится разновидностью рационализированной светской религии.

2. Философия бюрократического идеализма

В специальной философской литературе и публицистике последних лет нет недостатка в признании бедственного положения в развитии философских наук. Правомерными являются упреки в отрыве от жизни, схоластическом теоретизировании, говорится о превращении философии «в служанку политики, иногда высокопоставленную, но служанку»⁷. Справедливо отмечается, что если не преодолеть общего застоя в обществоведении, то философия «оста-

нется служанкой административной бюрократии, философией „чего изволите?“»⁸. Из духовной опоры общества, из силы, пробуждающей народ к активной творческой деятельности, она превращается в духовный наркотик, усыпляющий человека, подтачивающий его творческие силы, его веру в коммунистические идеалы.

Закон физики гласит, что можно опираться только на то, что оказывает сопротивление. И партия коммунистов может успешно опираться только на такую философию, как, впрочем, и литературу, которая способна оказать сопротивление натиску бюрократов с их амбициями и претензиями на всеислие и всевластие. Философия и литература «чего изволите?» неизбежно ведут народ к духовной спячке, а общество — к застою. «Философия» эта обосновывает волюнтаристский, административно-директивный метод руководства обществом. Характеризуя такую «философию», М. Ф. Антонов пишет: «Бюрократический идеализм необыкновенно живуч. В наши дни он поддерживается отраслевой системой и административными методами управления, которым вполне соответствует „метод философского обоснования“ волюнтаристических решений цитатами, надерганными из произведений классиков марксизма-ленинизма»⁹. Философия бюрократического идеализма и административно-бюрократическая система — это не два рядом стоящих явления, а две стороны одного — троцкистского, маоистского и полпотовского казарменного социализма, лишённого человечности и творческого духовного начала.

Слепая вера в абстрактные понятия и категории философии бюрократического идеализма более бесчеловечна, чем вера в бога или культ личности. Оправдывая во имя «высших», якобы государственных интересов процентоманию и очковитирательство в школах, вузах и науке, такая «философия» способствует подготовке функционально неграмотных, лишённых совести и творческих способностей «специалистов». А потом такие «спецы», воспитанные на отвлеченных идеях, безжалостно губят природу, культурные и исторические памятники, во имя выполнения плана раскрываемости преступлений сажают в тюрьму и ставят к стенке невинных людей. Поднимаясь на более высокую ступень бюрократической иерархии, эти «спецы» создают систему круговой поруки, взяток и страха перед своим всемогуществом, как это происходило в Узбекистане, Казахстане и некоторых других регионах страны. Философия бюрократического идеализма тесно связана с практикой, но не с практикой творческой, созидательной деятельности, а с антисоциалистической практикой, деструктивной деятельностью; она формирует не творческие способности, а способности к разрушению.

Философия бюрократического идеализма представляет собой, по сути, старый теологический способ мышления, известный религиям всех времен и народов. Этот способ прямо противоположен научному. Научный способ мышления по своему методу является

индуктивно-дедуктивным, идущим от частного к общему, а потом от абстрактного к конкретному, а теологический способ мышления является односторонне-дедуктивным, идущим только от общего к частному. Его основой является не живой человек с его материальными и духовными жизненными потребностями и интересами, а отвлеченные понятия: фетиш, душа, бог, мировой дух, абстрактно понятая природа, материя, идея, государство — и любая другая пусть менее общая абстракция.

Критикуя такой способ философского мышления, А Шопенгауэр писал: «Если в наглядном представлении призрак искажает действительность на миг, то в отвлеченном заблуждение может действовать тысячелетия, налагать на целые народы свое железное ярмо, душить благороднейшие побуждения человечества и даже при помощи своих рабов, своих обманутых, заключать в оковы тех, кого оно не в силах обмануть. Оно — тот враг, с которым поддерживали неравную борьбу мудрейшие люди всех времен; и только то, что они отвоевали от него, сделалось достоянием человечества»¹⁰. Против дедуктивно-теологического способа мышления решительно выступал известный русский мыслитель и революционер М. А. Бакунин: «Из всех деспотизмов деспотизм доктринеров или религиозных вдохновителей есть наихудший. Они так ревностно относятся... к торжеству своей идеи, что в их сердце не остается больше места ни для свободы, ни для достоинства, ни даже для страданий живых людей, реальных людей... Общая идея всегда есть отвлечение и по этому самому в некотором роде — отрицание реальной жизни»¹¹.

Борясь с теологическим способом мышления, идеалистической диалектикой Гегеля, В. И. Ленин в статье «О значении воинствующего материализма» ставит перед философами задачу «организовать систематическое изучение диалектики Гегеля с материалистической точки зрения»¹². Однако вместо материалистического прочтения Гегеля обществоведы, ответственные за развитие советской философии после смерти В. И. Ленина, организовали изучение философии Гегеля с позиций бюрократического идеализма, приспособив гегелевскую диалектику к нуждам и потребностям бюрократии. От механического замещения гегелевских понятий «мировой дух», «всеобщий государственный интерес» категориями «материя», «общенародное социалистическое государство» идеалистическая диалектика Гегеля не могла перерасти в материалистическую, ибо в основе философского метода оставался прежний дедуктивно-теологический способ мышления с его абсолютизацией роли общих понятий, презрением к конкретным явлениям и реальному, живому человеку, который рассматривается как «винтик», как объект, как исполнитель чужой воли, но не как субъект, творец своей жизни и создатель того общего, что именуется государством, обществом, цивилизацией.

Как и почему в нашем обществе возникает и распространяется

такая «философия»? Сегодня в условиях революционной перестройки социалистического общества это уже не вопрос для академических узкоцеховых споров «профессионалов», а вопрос социально-практический. Ибо если идеологам застоя удастся сохранить этот старый, средневековый способ теологического мышления в философии и закрепить его в сфере, занятой развитием творческих способностей, то наше общество вынуждено будет вернуться к средневековым темпам духовного развития.

В первые годы советской власти сторонники механистических идей в философии критиковали диалектику Гегеля не с позиций диалектико-материалистической философии, а позитивистски, отрицая философию как науку, игнорируя ее значение для развития естествознания. «Философию за борт!» — так называлась одна из работ С. Минина, опубликованная в 1922 г. В 1929 г. II Всесоюзная конференция марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений в своем решении отмечала, что механицизм подменял «революционно-материалистическую диалектику вульгарным эволюционизмом, а материализм — позитивизмом, объективно препятствуя проникновению методологии диалектического материализма в область естествознания»¹³. Механицизм в философии критикуют А. М. Деборин, Н. А. Карев, И. К. Луппол, Я. Э. Стэн и другие философы — представители так называемого «меньшевистствующего идеализма». Но объективно эта критика была направлена на отрыв философии «от актуальных задач социалистического строительства»¹⁴, как признавал сам А. М. Деборин. Недооценивая ленинское философское наследство, группа А. М. Деборина в то же время дает формалистические трактовки диалектики, близкие по своему содержанию к идеалистической диалектике Гегеля. Но, несмотря на идеалистические уступки, это все же была еще *самостоятельная* философская мысль, а борьба «механицистов» и «меньшевистствующих идеалистов» в основном была еще честным философским поиском истины.

В это же время между двумя философскими направлениями незаметно складывается третье, которое представляли М. Б. Митин, В. Ф. Ральцевич, М. Д. Каммари, Н. А. Скрыпник, П. Ф. Юдин, Е. М. Ярославский и некоторые другие философы и партийные деятели. Представители этого направления, критикуя деборинцев за отрыв от жизни, от практики социалистического строительства, установили весьма своеобразную связь с практикой. В их работах все больше начинает преобладать дедуктивный способ доказательств, теологический способ *оправдания* политической практики. Так зарождается философия бюрократического идеализма. Особенно быстро она начинает развиваться после 1928 г., когда идеи троцкизма под звуки фанфар об их преодолении начинают лихорадочно внедряться во все сферы общественной жизни. В 1933 г. под редакцией М. Б. Митина вышел учебник «Диалектический и исто-

рический материализм», где изложение философских проблем всецело было построено по дедуктивно-теологическому, чисто библейскому методу: от общего к частному, от законов и категорий к жизни. Философия была жестко разделена на диалектический и исторический материализм, последний стал рассматриваться лишь как распространение диалектического материализма на общественную жизнь.

В 1938 г. под напором темной оравы «философов» дедуктивно-теологический способ философского мышления был санкционирован И. В. Сталиным. С тех пор наша философия на целых полвека была превращена в значительной своей части в разновидность светской религии, бюрократический идеализм, в существовании которого было заинтересовано сталинское и брежневское окружение и каждый «винтик» бюрократической системы. Отныне речь идет уже не о том, что есть философская истина, а только о том, как служит та или иная философская идея интересам бюрократической системы, оправдывает ли действия администратора и произвол бюрократа. Дедуктивно-теологическое мышление в философии было особенно удобно для оправдания политической практики в годы культа личности и в период застоя. В те времена не было такой глупости в политике, которая бы не находила себе идеологического оправдания и «философского» обоснования. Но наиболее ощутимый ущерб философия бюрократического идеализма нанесла развитию творческого мышления и творческих способностей человека.

3. Разрушение творческих способностей

В отличие от прежних философских систем, доступных узкому кругу лиц и привилегированным слоям, официально исповедуемая у нас марксистская философия, превращенная в философию бюрократического идеализма, воздействует на умы многих миллионов людей. Но воздействие это носит не столько созидательный, сколько разрушительный характер. Философия, лишенная нравственного, антропологического и аксиологического начал, оказалась в тупике. Ориентированная на голый рационализм, она не способна содействовать развитию творческих способностей личности. Дедуктивно-теологический способ мышления в любой системе идей порождает догматизм и талмудизм. «Надо набраться смелости и признать,— пишет М. Ф. Антонов,— что мы создали систему марксистской философии, которую принципиально невозможно развивать дальше,— не случайно в ней за 150 лет не открыто ни одного нового закона, не введено ни одной новой категории»¹⁵. Творческое развитие современной философской мысли невозможно без ориентации на духовный мир человека. Онтологизированный диалектический материализм, ориентируя человека только на внешний, природный и

социальный, мир, неизбежно ведет к позитивизму и сциентизму. Поэтому философские системы Л. Толстого, М. Ганди, А. Швейцера, П. Тейера «выглядят более современными, чем диалектический и исторический материализм в современной его форме»¹⁶.

Лишенная духовного начала, философия бюрократического идеализма разрушает творческие способности во всех сферах и на всех уровнях интеллектуальной деятельности — от школьника до академика. Уже в пятидесятые годы некоторые ученые говорили, что раньше развитию науки мешала религия, теперь — философия. Результатом этих помех является устойчивая тенденция к снижению оригинальных идей и открытий в советской науке в последние десятилетия. По свидетельству видного советского специалиста по теории творчества А. Т. Шумилина, «на протяжении многих лет (с 1965 г.) количество и качество изобретений в нашей стране... не растет, а даже снижается. Число же инженеров и ученых растет. По числу инженеров мы превосходим Японию, США и ФРГ, вместе взятые. Число научных работников — 1/4 часть всех ученых мира. По числу же и качеству изобретений резко уступаем им. Только 0,3 % советских изобретений не имеют аналогов в мировой практике, только 1,5 % составляют принципиально новые изобретения!»¹⁷.

Особенно низок коэффициент оригинальных научных идей в общественных науках. Известный советский науковед академик Б. М. Кедров проанализировал репрезентативно сделанную выборку авторефератов кандидатских и докторских диссертаций, защищенных по философским наукам в Уральском университете в 70-е гг., и пришел к выводу, что только одна из 20 диссертаций содержала какие-то оригинальные идеи, а 15 — не имели никакой научной ценности. Уровень научности философских работ из года в год снижается. Не лучше ситуация и в экономических науках. Как пишет М. Ф. Антонов, наши академики-экономисты на протяжении последних десятилетий оказались научно бесплодными людьми, не выдвинули ни одной творчески-созидательной идеи¹⁸. Науковеды и специалисты по теории научного творчества ищут причины кризиса творческого мышления главным образом в ошибочных методиках научного творчества, в слабой теоретической подготовке, в *отсутствии творческих способностей* ученых. Но эти причины сами требуют объяснения; они имеют одну общую причину, которую можно определить как нарушение принципов социального равенства и социалистической справедливости в распределении таких духовных ценностей, как высшее образование, научная работа, литература, искусство, философия, журналистика.

Недавно в печати были опубликованы такие цифры. В нашей стране русские, составляющие более половины населения, имеют на 1000 человек 17 лиц с высшим образованием. А народ, составляющий 0,69 % населения, имеет на 1000 человек 600 лиц с высшим

образованием¹⁹, и его представители составляют 44 % всех докторов и кандидатов наук в Советском Союзе²⁰. Такого неравенства, такой несправедливости в распределении знаний не знает ни одна страна в мире.

По данным современной науки, природные задатки распределены равномерно между всеми классами, слоями и народами. Но нет абсолютного равенства между людьми. По расчетам польских социологов, только 30 % людей по своим природным задаткам способны закончить высшие учебные заведения и успешно овладеть высшей квалификацией²¹. Следовательно, из 600 дипломов, приходящихся на 1000 человек, только *половина* может являться полноценной. Другая же половина оказывается в руках людей, которые не смогут полноценно овладеть высшей квалификацией. Вручая им неполновесные дипломы об окончании вузов, государство вынуждает их поставлять обществу бездарных ученых, писателей, поэтов, философов и функционально неграмотных специалистов, которые не только не могут обеспечить равенство с наукой и техникой США, Японии или ФРГ, но и обрекают отечественную науку на застой, а общество — на постоянные экономические и технические кризисы и катастрофы.

Трагедии Чернобыля, Арала, Волги, российских деревень, все экологические и экономические беды, переживаемые страной, не только результат сознательного вредительства²², но и следствие функциональной неграмотности, *отсутствия творческих способностей*.

Псевдоученые кланы могут почти любого человека сделать доктором, академиком, но сделать его творчески мыслящей и интеллигентной личностью они не могут, да и не хотят. На долю русских, составляющих более 50 % населения страны, приходится менее 25 % кандидатов, докторов и академиков. Но это только явная часть грабежа способностей народа. Куда более опасно скрытое разрушение творческих способностей нации. В состав 25 % русских кандидатов, докторов и академиков часто допускаются не лучшие, наиболее способные и самостоятельно мыслящие ученые, а худшие, кто вынужден служить не науке, а псевдоученым кланам, которые зорко охраняют свою монополию в науке на всех ступенях ученой иерархии от подбора абитуриентов до выбора академиков. Вот в чем причина того, что только 0,3 % советских изобретений не имеют аналогов в мировой практике.

Философия бюрократического идеализма безразлична к истине и как огня боится правды, справедливости и совести человека, ибо при свете научной истины ее концепции, законы и «системы» лопаются как мыльный пузырь. Кто сегодня верит в концепцию «развитого социализма» и мифы семидесятых годов о социалистическом образе жизни?

Дипломированное мещанство в условиях авторитарного режима

может благоденствовать только в виде кланов тунеядцев, получающих пожизненную ренту за свои высокоценные дипломы и аттестаты и поставляющих обществу «образованный мусор». Получившие диплом по благу вряд ли обретут способность генерировать новые творческие идеи и быть примером философской совести для людей, которым они будут преподавать философию. В погоне за дипломом разрушаются творческие способности и человеческая совесть. В этом состоит главная причина продолжающегося падения творческой продуктивности советской науки.

Блок дипломированного мещанства и бюрократии разрушает творческие способности так же и тем, что создает искусственные препятствия для развития способностей русского и других народов нашей страны. Если опираться на упомянутое выше исследование польских социологов, то 283 русских из 1000, имея необходимые природные задатки для окончания вуза и овладения высшей квалификацией, проходят мимо высшей школы. Следовательно, только *один человек из шестнадцати* реализует свои природные задатки, а пятнадцать — вынуждены зарывать свои таланты в землю. В сравнении с этим массовым истреблением талантов и способностей русского народа меркнет даже глобальный грабеж нефти, газа, леса и других природных богатств России. Таких масштабов разрушения творческих способностей народа не знает ни одна цивилизованная страна. Даже американские негры в этом отношении находятся, видимо, в лучшем положении, чем русские в СССР.

Сегодня, когда главное богатство общества перемещается из сферы производства вещей в область развития способностей человека²³, нарушение социального равенства в распределении высшего образования грозит обществу не только разрушением творческих способностей одной нации, но и всеобщей стагнацией, ибо в мире никогда не было более косной силы, чуждой всякому творческому созиданию, чем дипломированное мещанство, вырастающее на почве социального неравенства в распределении высшего знания и философии бюрократического идеализма.

¹ Гегель. Философия права // Соч. Т. 7. М.; Л., 1934. С. 16.

² Его же. Наука логики. Т. 1. М., 1970. С. 118.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 25.

⁴ Копнин П. В. Введение в гносеологию. Киев, 1966. С. 11.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 283.

⁶ Антонов М. Перестройка и мировоззрение // Москва. 1987. № 9. С. 162.

⁷ Шинкарук В. И. Философия, перестройка, политика // Вопр. философии. 1987. № 12. С. 46.

⁸ Смоляков Л. Я. Об общественной роли интеллигенции в современной перестройке философской науки // Вопр. философии. 1987. № 12. С. 56.

⁹ Антонов М. Указ. соч. С. 159.

¹⁰ Шопенгауэр А. Полное собрание сочинений. Т. 1. М., 1900. С. 36.

¹¹ Бакунин М. А. Избранные философские сочинения и письма. М., 1987. С. 475—476.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 30.

- ¹³ Вестник Коммунистической Академии. 1929. Кн. 32(2). С. 243.
¹⁴ Вестник Коммунистической Академии. 1930. Кн. 42. С. 75.
¹⁵ Антонов М. Время устраивать дом // Москва. 1989. № 3. С. 159.
¹⁶ Там же. С. 160.
¹⁷ Шумилин А. Т. Теория творчества и современность // VI семинар по проблемам методологии и теории творчества. Симферополь, 1989. С. 10.
¹⁸ См.: Антонов М. Ф. Выход есть! // Наш современник. 1989. № 8. С. 71—86.
¹⁹ См.: Кузьмин Н. От войны до войны // Мол. гвардия. 1989. № 7. С. 118.
²⁰ См.: Москва. 1983. № 4. С. 197.
²¹ См. об этом подробнее: Бакшутев В. К. Социальные условия формирования творческих способностей // Научное творчество. Свердловск, 1984. С. 69.
²² См.: Белов В. И. Выступление на первой сессии Верховного Совета СССР 3 авг. 1989 г. // Наш современник. 1989. № 10. С. 5.
²³ См.: Бакшутев В. К. Главная духовная ценность // На смену! 1971. 25 мая.

В. А. МОЛЧАНОВ

Свердловский медицинский институт

ВОСПИТАНИЕ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ: МИРОВОЗЗРЕНИЕ ИЛИ МЕТОДИКА?

А зачем же их противопоставлять? Ведь для того, чтобы овладеть коммунистическим мировоззрением, нужно изучить весь цикл марксистско-ленинских наук. Изучать же их, как, впрочем, и преподавать студенту, совершенно невозможно без соответствующей методики — методики преподавания общественных дисциплин. Мысль эта общепризнанна. Весь коллективный, да и индивидуальный, опыт преподавателей-обществоведов именно об этом и говорит.

К сожалению, среди коллег-обществоведов всегда найдутся такие, кто на критическую постановку вопроса о методике, а тем более на попытку выяснить ее *объективную роль* в общественных отношениях современного вуза смотрит только как на подрыв основ. Опыт свидетельствует, что вести с ними честную и серьезную полемику затруднительно, ибо, исходя из «презумпции виновности» своего оппонента, они приписывают ему вздорные мысли, не церемонясь с ним как нарушителем корпоративной морали и священных «табу».

Оговоримся сразу: никто сегодня не ставит вопрос о преподавании общественных наук в вузе без соответствующей методики. Такая проблема была бы псевдопроблемой и автоматически ока-

залась бы за рамками мало-мальски серьезной дискуссии в области общественных наук. Вопрос о том, что сегодня у нас на Среднем Урале сложилась весьма тревожная ситуация, когда методика преподавания общественноназвания сплошь и рядом осуществляется... без соответствующих марксистско-ленинских наук. Парадоксально, но факт! В итоге получается, что, даже сдавая государственный экзамен «на пять», молодежь наша усваивает философию... без мышления, эстетику... без чувства прекрасного, этику... без нравственности, политическую экономию социализма... без чувства хозяина, а научный коммунизм... без коммунистического мировоззрения.

Поэтому вовсе не случайно на Всесоюзном совещании обществоведов 1 октября 1986 г. прозвучали слова: «По информации Свердловского обкома КПСС, более половины всех опрошенных студентов вузов города сказали, что им не хватает умения вести аргументированные споры, дискуссии по политическим вопросам, поскольку во время обучения в вузе они не получают навыков защиты идеологических ценностей социалистического общества, взглядов и убеждений»¹.

Что это значит? Это значит, что студент наш в итоге пяти лет учебы так и не научился видеть разницу между тем, что является социализмом, и тем, в чем социализма и в помине нет. Потом он становится руководителем социалистического трудового коллектива, не приобретая иммунитет к ведомственности, бюрократизму, технократическому подходу, остаточному принципу, философии подражательности, комчванству — всему тому, из чего и складывается механизм торможения. А ведь с методикой в его обучении марксизму-ленинизму все было хорошо. Иначе не становились бы его учителя благополучно один за другим вначале доцентами, а потом профессорами... Но все дело как раз в том, что марксизм следует усваивать не столько по законам методики, сколько по законам самого марксизма.

Отношение к методике — это факт не психологический, а общественный. Ведь за нашим отношением к методике кроется общественное отношение к марксистско-ленинскому мировоззрению, мировоззрения — к реальной жизни, а этой жизни — к социализму... Словом, определяя свою позицию относительно методики преподавания общественных наук, преподаватель-обществовед вступает в объективные, общественные идеологические отношения с другими людьми. И потому-то присмотреться к «анатомии» этих идеологических отношений следует научно и всерьез.

1. Марксизм ... без Маркса?

В редакцию свердловской областной молодежной газеты «На смену!» пришло письмо. «Нельзя объять необъятное. И потому

каждый выбирает для себя основное, то, в чем он может реализовать себя максимально. Выбирает дело. Что толку, если ты придешь на производство, зная от корки до корки труды К. Маркса. Ведь здесь будут ждать от тебя другого: план давай, показывай, какой ты специалист. Чем будешь оправдываться, завалив этот самый план,— Маркса цитировать?» (А. Михайлов, студент, г. Свердловск).

Вот уже не первый год в предсессионной череде зачетов по научному коммунизму назойливо повторяется одна и та же ситуация:

— Здравствуйте,— обращается студент.— Мне нужно получить зачет. Вот зачетка.

— Хорошо,— отвечает преподаватель.— Посмотрим, как Вы занимались в течение этого полугодия...

— Я присутствовал на всех семинарских занятиях,— скажет один.

— ...посетил все лекции,— добавит другой.

— ...отсутствовал только по уважительным причинам, о чем и справка имеется! — объяснит третий.

— ...все наверстаю к летнему государственному экзамену, можете не сомневаться! — заверит четвертый.

Но при этом они исповедуют утонченный принцип студенческого рационализма: лучше прочесть учебник от корки до корки, на худой конец, составить конспект по спасительной хрестоматии, лучше уж посещать лекции, чем изучать Маркса, Энгельса и Ленина... по первоисточникам.

— И хорошо, что существуют учебники и лекции! Ведь они, в сущности, для того и нужны, чтобы сделать более продуктивным труд каждого студента. А труд этот, извините, немногим легче любого другого! — слышится мне возмущенный голос оппонента. Уверен, такое понимание добросовестности найдет поддержку не в одном десятке или даже сотне голосов. Но и тысячу таких мнений давайте сравним лишь с одним-единственным, правда, весьма компетентным.

На память приходит высказывание Фридриха Энгельса: после того, как социализм превратился из утопии в науку, он требует того, чтобы с ним обращались как с наукой, т. е. чтобы его изучали. Что это значит? Когда в 1890 г. студент Берлинского университета, будущий журналист Йозеф Блох обратился к Ф. Энгельсу за рекомендациями по изучению марксовой теории материалистического понимания истории, последний охотно выполнил просьбу. Но при этом добавил: «...я прошу Вас изучать эту теорию по первоисточникам, а не из вторых рук,— право же, это гораздо легче»². Вот ведь, оказывается, как! Легче всего научную суть марксизма можно понять не по учебнику, а именно по работам К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Если, конечно, изучать,

а не заучивать. Заучивать-то как раз проще именно по учебнику.

Кстати, Ф. Энгельс в своем мнении сегодня не одинок. «Редкий учебник, изобилующий цитатами из трудов К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, не искажает смысла сказанного классиками хотя бы из-за самого способа цитирования», — пишет в молодежную газету «На смену!» студентка Уральского политехнического института Лена Рычина. «Тех, кто изучает философию по верхам, по комментариям в учебнике, можно только пожалеть. Любой первоисточник классиков марксизма-ленинизма — это интереснейшая вещь. Разговор с умным человеком всегда полезен. А здесь идет разговор с тобой на самом высоком уровне доверительности и конкретности», — соглашается с ней однокашник И. Вадимов.

Но о чем же конкретно ведется этот доверительный разговор с читателем? Что именно теряет тот, кто склонен изучать марксизм «из вторых рук»? Свидетельство Георгия Васильевича Чичерина: «Дорабатывать до конца свою мысль — вот чему учился всякий при общении с Владимиром Ильичом. В. И. Ленин постоянно вышучивал со своим неподражаемым юмором всякую расплывчатую, неясную и недодуманную мысль. Его собеседник учился у него тому, что всякая человеческая мысль должна быть добросовестной работой, а не безответственным самоуслаждением или блефом. Пусть каждый учится у Владимира Ильича тому, что мысль есть нечто гораздо большее, чем настроение и инстинкт. Она должна быть логически доведена до конца»³.

Итак, мышление — это, во-первых, определенное культурное умение, а не инстинкт. Во-вторых, оно — духовная работа, т. е. добросовестный, систематический труд. В-третьих, труд этот логический и, следовательно, самостоятельный.

...Жил в античные времена большой ученый по имени Эвклид. Он давал уроки царю. И когда высокопоставленный ученик пожелал быстрее и без особого труда овладеть наукой, ученый решительно возразил: «Нет царского пути к геометрии!» Да и вообще в культуре, добавим мы. А почти две тысячи лет спустя великий немецкий мыслитель Гегель с печальной иронией констатировал: вопреки предупреждению Эвклида, все еще находятся любители легкой жизни. Их «царский путь в науке» состоит обычно в том, чтобы читать рецензии на философские произведения да, пожалуй, предисловия и первые параграфы этих произведений.

Это словесное паразитирование на готовых результатах чужого умственного труда даже породило целую философию, именующую себя позитивизмом. «Этот дрянной позитивизм», — называл ее Карл Маркс за тот дух мещанства, духовного потребительства и алогизма, который она в себе концентрировала. Но как бы ни совершенствовалась эта техника «царского пути в науке», нельзя в принципе мыслить за другого. По этому поводу ученый-этнограф М. М. Ковалевский вспоминал: «Из бесед с Марксом нетрудно

было вывести убеждение, что фундаментом его экономических и политических доктрин была философия Гегеля. Он однажды сказал мне в упор, что логически можно мыслить только по диалектическому методу, ну а нелогически — хотя бы и по позитивному»⁴.

Следовательно, кто добросовестно мыслит — тот добросовестно трудится. И наоборот! Таков урок, преподанный нам Эвклидом, Гегелем, Марксом и Лениным. А мыслить добросовестно — значит всегда видеть реальные противоречия жизни, разрешать, а не бояться их. Не в этом ли заключен ответ студенту А. Михайлову, который считает, что на производстве с тебя спросят, что ты сделал на рабочем месте, а не что из Маркса прочитал. Ведь разные это, согласитесь, вещи: «читать Маркса» и «работать по Марксу»!

Умение делать свое дело толково, творчески, а не по шаблону люди издавна называли умом. Ум — это умение или способность разрешать противоречия. Наукой о таком умении и выступает материалистическая диалектика. «Живой душой марксизма» называл ее В. И. Ленин. Мимо нее-то и проходят те из «рациональных» студентов, которых вполне заслуженно жалеет И. Вадимов.

Но в усвоении марксизма есть еще и другая, может быть, не менее важная сторона. Студенты часто сетуют, что им трудно разобратся в той или иной работе. Характерно, что классики марксизма писали свои произведения прежде всего для рабочих и те их понимали вполне. И это несмотря на то, что образование у них было не «без пяти минут высшее». Так в чем же дело? Почему то, что было вполне по силам сознательному рабочему прошлого, порой оказывается не по зубам современному студенту?

Иные высокопоставленные свердловские обществоведы не видят в этом абсолютно никакой проблемы, а встретившись с этой проблемой в публикациях своих коллег, снисходительно замечают: «Более чем сомнительно, что рабочие в начале века усваивали „Материализм и эмпириокритицизм“...» Но ведь незнание фактов не есть аргумент!

Член Коммунистической партии с 1903 г. бывшая работница-трикотажница Т. Ф. Людвинская вспоминает о своих встречах с В. И. Лениным: «С большим интересом слушал он о том, как была принята его книга „Материализм и эмпириокритицизм“... Особенно радовался Ильич тому, что партийный актив большевистского подполья, передовые рабочие, как только появилась книга, принялись с большим рвением изучать ее, и многие из них стали чувствовать себя настолько сильными в этих вопросах, что смело и с успехом выступали против махистов. Я назвала имена Александра Буйко, партийного профессионала, в прошлом рабочего Путиловского завода, большевика Бублеева с Семянниковского судостроительного завода... работниц Поли (фабрики Паля) и Ксюши (с фабрики Торнтон). В спорах на философские темы эти товарищи иной раз доводили интеллигентов-ревизионистов до того, что те, не имея

возможности выставить сколько-нибудь серьезные аргументы, пускались на грубый обман. ...Нельзя, говорил Владимир Ильич, недооценивать опасность заражения верхушки рабочих реакционными идеями, надо разгромить всех, кто ревизует марксистскую теорию. Затем, возвращаясь к услышанному рассказу, с удовлетворением продолжал:

— Вот и доказательство того, что рабочие в состоянии разобрататься в таком сложном вопросе! Они пролетарским чутьем понимают рабовладельческие идеи, преподносимые под видом чистой науки»⁵.

Иначе, как исходя из жизни, из различного к ней отношения, вопрос этот не объяснить. Ведь научный коммунизм, или марксизм, есть учение о животрепещущих противоречиях человеческого бытия, которые всем нам приходится сегодня решать. Но именно Рабочий, преобразующий мир своим трудом, больше других зажат в тисках этих противоречий. В самом деле, мир сегодня насчитывает 5 млрд человек. Из них 660 млн составляют рабочие, производящие примерно 3/4 мирового общественного богатства. Да и четверть, производимая не ими, все же создана теми орудиями труда, что изготовлены в промышленности. Так что все человечество живет сегодня благодаря труду рабочего класса. В силу этого «рабочий гораздо более независим в своих суждениях, более восприимчив к действительности... и не смотрит на все сквозь призму личных интересов», — писал Фридрих Энгельс⁶. Потому-то именно рабочий обладает ярко выраженной потребностью эти противоречия понять.

Верно, однако, и обратное. Кто оторван от проблем действительной жизни или имеет к ним отношение весьма косвенное, тот, естественно, равнодушен и к научно-теоретическому выражению таких проблем. Другими словами, тот равнодушен к теории марксизма как духовному выражению интересов рабочего класса.

Что верно в общем, то верно и в частности. При ближайшем рассмотрении оказывается, что все мы, советские люди, живем в обществе трудящихся, а студент у нас освобожден на время учебы от непосредственного производительного труда. При этом он продолжает в полной мере пользоваться всеми благами и правами трудящегося человека. Говоря проще, живет за счет труда рабочего класса.

Само собой разумеется, что, освободив студента на время от производительного труда и связанных с ним обязанностей, рабочие рассчитывают, что тот, помимо чисто профессиональных навыков, овладеет еще и теоретически развитым сознанием рабочих — их мировоззрением. При чем сделает это с той же добросовестностью, с какой они, в свою очередь, создают ему все условия для усвоения культуры и развития. Вот почему, когда студент либо отказывается от изучения марксизма, либо изучает его формаль-

но (для зачета, экзамена и диплома), оценивать это следует однозначно и лишь по самым высоким нравственным меркам. Это значит, что студент отказывается разделять с трудящимися не только их образ жизни, но также и их образ мыслей. А жить за счет других, но при этом не разделять с ними ни того ни другого — значит ставить себя вне рамок нравственного отношения к другим людям и к самому себе. Как говорится, «единожды солгавший, кто тебе поверит?». Кто допустил лицемерие в одном случае, может претендовать на звание порядочного человека разве что в своем воображении.

Думать иначе — значит признавать за собой право и привилегию пользоваться двойной меркой: одной для себя, второй для других. Но, как утверждал К. Маркс, «принимать *одну* основу для жизни, другую для *науки* — это значит: с самого начала допускать ложь»⁷.

Итак, изучать ли марксизм... по Марксу? Вопрос этот вовсе не замыкается лишь стенами учебной аудитории. В нем четко выражено личное отношение студента к науке, к жизни, к другим людям, наконец, к самому себе. Ведь главный продукт марксистско-ленинского образования — это ум. Но не ум вообще, а, как говаривали в старину философы, ум «практический», т. е. нравственный, или, выражаясь по-современному, «мировоззренческий», тот, что хорошо отличает истину от заблуждения, а правду от лжи. Как в примечательном диалоге двух великих гуманистов:

— Собственно, диалектика, — сказал Гегель, — не что иное, как упорядоченный, методически разработанный дух противоречия, присущий любому человеку, и в то же время великий дар, поскольку он дает возможность истинное отличить от ложного.

— К сожалению, — заметил Гете, — эти умственные выверты нередко используются для того, чтобы ложное выдать за истинное, а истинное за ложное.

— Бывает и так, — согласился Гегель, — но только с людьми умственно повредившимися⁸.

Думается, что без всякого опасения впасть в неточность можно сказать так: ум мировоззренческий, или мудрость, — это ум, воспитанный на диалектике К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. И состоит он в умении видеть жизнь во всей ее противоречивости, в способности эти противоречия разрешать, но разрешать именно под углом зрения интересов рабочего класса. Первое невозможно без второго, как, впрочем, и наоборот. Ибо *ум без классово ориентированного мировоззрения ничуть не лучше, чем мировоззрение... без ума!*

2. Об основном противоречии марксистско-ленинского образования студентов

Вот ситуация, весьма характерная и взятая отнюдь не из газет. На собрании проголосовали искренне и единодушно за то, что думать теперь следует по-новому. Разошлись и... стали поступать по-старому. Причем уже под сенью новых решений, формул и слов: «перестройка», «ускорение», «гласность». Понятно, противоречие...

Но вот вопрос: ежели голосовали сознательно, то продолжают поступать по-старому разве бессознательно? Конечно же, нет!

Философ-марксист, умудренный 25 веками опыта человеческой мысли, скажет по этому поводу примерно так: следовательно, есть сознание, проявляющее себя в словах, а есть сознание, проявляющее себя в делах. Последнее в традициях философской науки и называют обычно мышлением, разумом либо мудростью. А в традициях народных просто «умом».

Есть такая пословица: «Все умные думают одинаково». Рассказывают, что индийский падишах Акбар усомнился в ее истинности. «Как же так? Головы у всех разные, а мысли в них одинаковые?» — удивился он. И визирь падишаха по имени Бирбал решил это ему доказать. Он приказал садовникам спустить воду из большого бассейна в саду, а опустевший водоем покрыть большой белой простыней. Потом разослал по всему Дели глашатаев, которые объявили приказ: каждый горожанин должен принести в шахский сад кувшин молока и вылить его в бассейн.

А к вечеру горожане потянулись с кувшинами в дворцовый сад. Каждый из них — молодой и старый, бедный и богатый, мужчина и женщина, мусульманин и индус — был себе на уме, рассуждая так: «В бассейн нальют молока так много, что не беда, если я вылью кувшин воды, благо вечером не видать».

Наутро падишах и Бирбал пришли к бассейну. Бирбал приказал садовнику снять простыню. И что же? Бассейн был полон воды.

— Покровитель бедных! — обратился Бирбал к оторопевшему повелителю. — Все умные думают одинаково. Теперь вы убедились, сколь правдива эта пословица. Не так ли? Суть ее вот в чем: про любое дело люди рассуждают по-разному, кто во что горазд. Но вот коль затронешь их корысть — тут все рассудят одинаково⁹.

А какова же, так сказать, философия спора? В чем ее научная и общественно-политическая суть?

Во-первых, существуют некие общие для всех людей схемы их духовной работы, такие, например, как добро и зло, ум и глупость, прекрасное и безобразное, которым подчиняется в данную историческую эпоху каждая отдельная человеческая голова. Во-вторых, схемы эти в сознании не возникают, а проявляются. В-третьих, возникают они и формируются прежде всего в стихии человеческих потребностей и интересов, реальных дел и поступков.

Итак, два сознания!? Конечно! И если кому-то это может показаться парадоксом, то классической философии это известно уже давным-давно. Она фиксирует эту реальную жизненную проблему как соотношение сознания и идеального. Или же, выражаясь словами К. Маркса, как общественные отношения сознания и «объективных мыслительных форм». «Правил методики» в их числе!

В разные времена отношения эти складываются по-разному: порой иронично, а порой и драматично. Это значит, что между ними может быть полнейшее совпадение. А при определенных обстоятельствах такого совпадения может и не быть. Очень точно это подмечено в известной пословице: «благими намерениями дорога в ад вымощена».

Указанные обстоятельства позволяют понять, почему, к сожалению, бывает так, что студент наш усваивает лишь „анатомию“ марксистско-ленинской науки, но при этом вовсе не усваивает ее диалектику, ее «живую душу». Вот пример.

Экзамен по научному коммунизму венчает мировоззренческую подготовку студента. Уже немало лет приходится слышать довольно полные и бойкие ответы о коммунизме. Но вот что обычно настаивает и удручает. Как правило, даже самый зрелый выпускник, блестяще объяснив, что нужно для построения коммунизма, смолкает при вопросе: «А для чего же коммунизм нужен вам лично?» Бывает, правда, что и не молчит. Одна из выпускниц, услышав этот нетрадиционный вопрос, вначале забеспокоилась, потом заметалась, а при повторном вопросе заплакала навзрыд, приняв его за провокацию со стороны экзаменатора.

А ведь знать, для чего нужен коммунизм лично каждому, равнозначно четкому и ясному пониманию того, что такое коммунизм и как его практически создавать. В противном случае полностью стираются все критерии, которые отличают марксистско-ленинское мировоззрение от всевозможных подделок под него, от самого обыкновенного мещанства. Так что слезы эти не объяснить одной лишь психологией. Из-за неумения мыслить творчески они и полились. Ведь при вузовском ажиотаже с методикой наш подопечный учится не тому, *как думать*, а тому, *что думать* да как говорить. Правда, вместо слез порой приходилось слышать и такой вот ответ: «Коммунизм нам нужен для того, чтобы хорошо жить». На просьбу уточнить, что значит «хорошо жить», выпускник с чувством абсолютной уверенности в своей правоте ответил: «Это когда получаешь по потребностям». Воистину, лучше бы и тут слезу пролить!

Зажиточность без культуры — так определил суть мещанского идеала А. С. Макаренко. Ведь главный итог вековых раздумий, борьбы и труда многих поколений людей состоит в том, что для человека высшим и самым интересным предметом в Универсуме является сам Человек со всеми его «несовершенствами». Свобод-

ное развитие каждого как условие свободного развития всех — таков основной вывод научного коммунизма, или марксизма, основной пафос этой науки. Кто не понял этого, тот не понял в марксизме ровным счетом ничего и обречен на то, чтобы путать и в жизни, и в науке цели коммунизма с его средствами, пролетарскую суть научного коммунизма с мещанской сутью его многочисленных ненаучных форм.

Как же так случается, что, блестяще усвоив, из чего состоит марксистская наука, на самом финише учебы и, следовательно, на старте самостоятельной жизни студент забывает главное: о чем она? Объяснить это лишь индивидуальностью преподавателя было бы весьма наивно, все равно что объяснять общественные явления не социологией, а психологией. Ведь отношения преподавателя к студенту — это объективные общественные отношения идеологического порядка, которые складываются между ними по поводу, так сказать, «идеального рабочего класса», или марксистско-ленинской науки.

Обращаясь к преподавателю, студент, даже сам того не подозревая, вступает в духовные общественные отношения с рабочим классом в целом. Поэтому-то уже с первого курса студент должен иметь дело с его «идеальным» представителем — с Преподавателем Марксистской Науки, с чьей помощью он обращался бы к реальным проблемам реальной жизни. Но, увы! Имеет он дело с преподавателем одного предмета, который по долгу службы каждый последующий год отсылает своего подопечного не к Классу Рабочих, а в класс преподавателя другого предмета (философии, политической экономии, этики, эстетики, научного атеизма и научного коммунизма), ибо мировоззрение превратилось тут в «предмет». Каждый из них возделывает свою делянку, отвечает за свой участок марксизма, добросовестно и во всеоружии методики делясь им со студентом. И выходит, что знанием Марксизма со студентом поделиться некому, а вопрос о логике целого он должен уж как-нибудь решить для себя сам. Парадоксально, но факт!

В самом деле, вначале наш студент изучает философию. Он твердо помнит, что трактуется в этой науке о «наиболее общих законах развития природы, общества и мышления». Став постарше, он приступает к изучению политической экономии, хорошо усвоив, что наука эта о производстве, распределении, обмене и потреблении материальных благ в обществе. И, наконец, завершая образование, он запомнит, что научный коммунизм изучает «социально-политические закономерности движения человечества по пути коммунизма». А получив полагающиеся ему оценку и диплом, пережив первые радостные эмоции, наш студент в конце концов не может не задаться вопросом: ну, хорошо, я познал законы, которым подчинена вся движущаяся материя; знаю экономические законы, по которым движется материальная и социально-полити-

ческая жизнь людей, но вот незадача: знаю ли я, как же мне жить?!

Недоумение такое возникает нередко, зачастую оставаясь без квалифицированного ответа. И ответ на вопросы о сущности человека, смысле его бытия и предназначении в этом мире вчерашние, да и сегодняшние, студенты часто ищут не у Маркса, а либо у Фрейда, либо в философской или художественной литературе экзистенциализма, либо в ставших сегодня модными восточных религиях, на худой конец в Евангелии или же в мешанстве всякого рода. Так, например, один в целях терапевтического эффекта 1728 раз на дню читает какую-нибудь мантру. Другая отдает золотое кольцо цыганке, дабы та сняла с нее «порчу», а затем пишет расписку нечистой силе. Третий во всеоружии современного естествознания и математической логики отгадывает судьбу при помощи... ЭВМ. Четвертый сочиняет очередную «мировую схему», по которой мир-де состоит из «объектов», «подобъектов» и «надобъектов», а над всем этим витает вечный дух, и т. п.

Что ж, особенно удивляться в общем-то и не приходится. Свято место пусто не бывает. Должен же быть чем-то заполнен тот вакуум, что возникает неизбежно из разделения труда в мировоззренческой подготовке студента — из растаскивания коммунистического мировоззрения по разным «предметам-квартирам». В чем причина этого разделения, которое порождает настоящую мировоззренческую стихию и объективно закрепляет ее своеобразной системой «коллективной безответственности», озабоченной лишь «единообразием методических требований»? Конечно, все дело в ведомственности. Той самой, что мешает сегодня действительно (а не формальному) обобществлению труда и нашего социалистического хозяйства. Той, что склонна подменять большой вопрос об отношении Мировоззрения к Жизни многочисленными вопросиками об отношении одного «предмета» к другому, третьему и т. д.

Насколько такое разделение труда правомерно? Ведь неделя же в принципе, например, человеческая мудрость. Ею, так же как честью и совестью, нельзя обладать по частям: либо ими обладаешь, либо нет! В марксистском мировоззрении ответы на все эти вопросы студентов, безусловно, есть. И ответы убедительные! Но в том-то и дело, что возможны они лишь с позиций Большого Марксизма, всей его системы. Вот почему, на наш взгляд, важно устранить то, что мешает совпасть внутренней логике марксистско-ленинского мировоззрения и внешней форме организации педагогического процесса. Устранить то, что заставляет преподавателя совершать неизбежную в условиях разделения труда подмену вопроса о соответствии научного коммунизма реалиям жизни вопросом о соответствии научного коммунизма методике преподавания общественных наук.

Да, речь о том, что вся многоступенчатая лесенка марксистских

наук должна быть пройдена студентом рука об руку с одним преподавателем. А потому и оценивать его уникальный мировоззренческий труд следует только по конечному результату: по тому, способен ли молодой человек видеть сегодняшний мир с позиций интересов рабочего класса, сознательно строить в соответствии с этим личную судьбу, проявляя мировоззрение не столько в словах, сколько в чувствах, мыслях и делах.

Если нет «царского пути в науке», то нет его и в жизни. Нет его не только для студента, но и для преподавателя. Да и быть не может! Что же все-таки зовет преподавателя и студента свернуть на этот облегченный «царский путь»? Да тот по существу своему индивидуалистический образ жизни и учебы, который все пять лет студент наш ведет. «Каждый за себя, один декан за всех», — такой действительный принцип исповедует он. Вот и возникает вопрос: зачем студенту-индивидуалисту коллективистское мировоззрение рабочего класса? С чего это вдруг практический индивидуалист станет мыслить смело и коллективистски?

Тут-то и совершается великая подмена: вместо методически развитого марксизма студент сталкивается с методикой... без марксизма.

3. Методика преподавания, или «Ирбитский синдром»

«Семь раз отмерь, а один отрежь», — так издавна обозначила народная мудрость серьезное и компетентное отношение ко всякому делу. Иначе говоря, всякое дело следует начинать с умом. Кто начинает дело с умом, тот по заведенному в человеческой истории правилу и является «начальником» этого дела. «Раз умный, значит, быть тебе начальником», — говорят ему.

Если рождаются новые, более передовые формы человеческого общежития и общее дело ладится и процветает, мнение это становится прочной нормой общественного сознания, приобретает характер «объективной мыслительной формы». Нет большой беды, если несколько позже придут другие и, подключаясь к общему делу, надумают сказать уже так: «Раз начальник, значит, несомненно, умен». Это еще не опасно, но уже симптом.

Но вот дело забуксовало. Пошло, так сказать, на холостых оборотах. Раздались трезвые голоса: нужно менять подход к делу! От них отмахнулись привычным тезисом-дубинкой: «Не обобщать!» Возникает настроение: как бы улучшить дело, ничего не меняя. И вот тут-то безобидный поначалу симптом может превратиться в опасный синдром. Имя ему — культ личности начальства.

...Начальник цеха Ирбитского химико-фармацевтического завода В. П. Бахарев не ждал указаний сверху. Брал инициативу и ответственность на себя: обновлял в духе времени производственные отношения на заводе, внедрял бригадные формы организа-

ции труда... И тем самым невольно обнажил некомпетентность официального руководства завода.

— Мы, в конце концов, можем обойтись и без начальника цеха Бахарева,— заявил на одном из совещаний раздосадованный самостоятельностью подчиненного директор Н. Поляков.

— Лучше, думаю, обойтись без директора завода Полякова,— отрезал В. Бахарев.

Возник острый, характерный для перестройки конфликт. Начались гонения на новатора, которые смогло пресечь лишь постановление ЦК КПСС¹⁰.

Партбюро завода, Ирбитский горком партии встали на сторону администрации, по старой привычке считая, будто истина может исходить лишь от начальства. «Раз начальник, значит, несомненно, умен. А кто против начальства, тот против интересов общего дела» — такова суть «ирбитского синдрома». Вот эта-та старая, доставшаяся нам от доперестроечных времен «объективная мыслительная форма» и подвела Ирбитский горком. Правда, после постановления ЦК КПСС положение в данном случае нормализовалось.

Но не изжит пока еще, к сожалению, сам «ирбитский синдром». Да и прописан он не только в Ирбите. Встречается он и в сфере общественных отношений вуза. В частности, в сфере преподавания общественных наук.

Констатируя сложившееся положение в обществоведении вообще, и в вузовском в частности, на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев сказал: «Теоретические представления о социализме во многом оставались на уровне 30—40-х годов... Такое отношение к теории не могло не сказаться отрицательно — и действительно сказалось — на общественных науках, их роли в обществе. Ведь это, товарищи, факт, что у нас нередко даже поощрялось всякого рода схоластическое теоретизирование, не затрагивающее чьи-либо интересы и жизненные проблемы»¹¹.

И что же обществоведы?

Сегодня вузовские обществоведы по причине перестройки разделились на три весьма неравные группы. Первая, сменив старую схоластику на науку, жадно изучает факты реальной жизни, факты социализма, но ее составляет подавляемое меньшинство. Другая, самая многочисленная, добросовестно ударились в методическую работу, меняя старую схоластику на новую. А третья панически боится своей революционной науки. Будучи весьма солидной по численности, опираясь на нейтралитет второй, свой страх она компенсирует тем, что выискивает «ошибки» у первой, занимаясь навешиванием политических ярлыков. Скажем, по данным отдела писем Московского ГК КПСС, более трети всей корреспонденции приходится на кафедры общественных наук.

Впрочем, это и неудивительно. Ведь если на уровне 30—40-х гг.

осталась общественная наука о социализме, то на таком же уровне неизбежно должны остаться и общественные отношения общественных к своей науке, к жизни, к студентам, а также их отношения между собой.

В чем же, однако, коренная причина существования этих трех групп?

Причина эта не просто в психологии. Она — в объективной двойственности общественного положения преподавателя общественных наук. Ведь, с одной стороны, он выразитель мировоззрения рабочего класса, его идеолог-теоретик. Зато с другой — он обыкновенный чиновник, служащий того или иного министерства, вуза, кафедры. Он подчинен ведомственным законам, принужден выражать и обосновывать ведомственные интересы. С этим же связана и та чисто ведомственная путаница, приобретающая прочность предрассудка, когда преподаватель оказывается в роли специалиста (философа, политэконома и т. д.) не столько перед своим коллегой, сколько перед студентом, т. е. как раз там, где он должен быть представителем *всего марксизма*. Потому-то и считается так, что, чем больше в вузе кафедр общественных наук, тем лучше, с ведомственной точки зрения, обстоит в нем дело с преподаванием марксизма-ленинизма и коммунистическим воспитанием студенчества.

Что ведомственность противоречит коренным интересам социализма — это сегодня общепризнанный факт. Если говорить проще, то подлинное человеческое удовлетворение от своей профессии преподаватель-обществовед получит, лишь ориентируясь на реальный социализм, в центре которого стоит рабочий класс. А вот зарплату да повышение по службе — ориентируясь на свое ближайшее начальство, т. е. практикуя знакомый нам уже «ирбитский синдром». Альтернативы этой не избежит никто. Понятно, что в одну из трех обрисованных нами групп попадет обществовед в зависимости от того, что именно выберет он сам. Но выбор сделает неизбежно, особенно в условиях перестройки, которая наступательно, последовательно ломает «ирбитский синдром».

Вспоминается случай. Была в молодежной газете «На смену!» в 1987 г. дискуссия на тему, как в вузе идет перестройка. «Студент наш подразболтался. Диплом получить хочет за просто так. На лекции не ходит. Смеет судить о качестве лекций. Словом, нужно подзавинтить гайки да принять более строгие меры». С таким, по существу, предложением выступил один из наших коллег. Позиция эта комментариев, думаю, не требует. Процесс демократизации ставит сегодня все на свои места. Скажу другое: я, наоборот, приятно удивился — хоть и архаичная позиция, но зато как смела! Попробуй кто-нибудь публично да сказануть такое. В общем, коллегу за откровенность и смелость публицистическую я весьма зауважал.

На ближайшем заседании кафедр общественных наук руководство сказала: публикация институту нанесла вред. Нет-нет, обсуждения или осуждения содержания статьи и в помине не было. Было лишь осуждение факта самой публикации: зачем-де, о чем думаем, принародно говорить?!

«Меня сократили!» — чутко сориентировался наш автор.

Ныне он — официально утвержденный пример для всех моих коллег... И, конечно же, само собой разумеется, добросовестнейший методист.

«Позвольте, позвольте! А что в этом-то плохого? — слышится мне раздраженный вопрос оппонента. — Ведь всякое дело две стороны имеет: одно дело — *что делать*, а уж совсем другое — *как*. Применительно к человеку надо. Тут свои законы есть, психология и все такое... Вот они-то и называются „методикой“ этого дела».

Тому, кто с этим гневным монологом согласен, хочется посоветовать: пусть он заглянет в любое пособие по методике преподавания общественных наук в вузе и убедится, что, кроме тривиальностей, там ничего, как правило, нет. Суть этих тривиальностей хорошо вскрыл и высмеял еще немецкий философ Гегель. Психологические рекомендации, как изучать логику, замечал он, сводятся, главным образом, к следующим правилам. Кто плохо видит учебник по логике, непременно должен: а) надеть очки; б) придвинуть поближе свет; в) да книгу положить поудобнее, — иначе не научишься мыслить вовсе¹². Необходимейшие правила, что ни говори! А главное, поди попробуй сказать, что правила эти неверны...

На банальностях тогда и настаивают, когда желают создать видимость дела, пройти мимо его существования. Словом, чем больше «методики» у преподавателя, тем меньше умения и желания мыслить самостоятельно у нашего студента, тем меньше у него желания идти навстречу противоречиям реальной жизни и под углом зрения интересов рабочего класса их разрешать — об этом свидетельствует сама жизнь.

Помнится, случилось мне приболеть. Подменил тот самый collega-методист. На семинарском занятии, посвященном законам социализма, предусматривался серьезный разговор о рабочих починах. Доводы просты: кто социализм реально делает, тот и знает, что такое социализм. Очень нравилась моим студентам-медикам такая мысль. На следующем занятии спрашиваю, как прошел семинар. «Да вот, — отвечают, — преподаватель недоумевал: при чем здесь Травкин, Сериков да Стаханов? Ведь не по Стаханову, а по учебнику предстоит экзамен сдавать».

В другой раз на обсуждении моего открытого занятия претензии предъявили уже мне самому. «Параллель между перестройкой и революцией надо продуманно проводить, — сделал замечание заведующий методической секцией научного коммунизма, — т. е., с одной стороны, перестройка — это революция, а с другой — нет».

«А вот недавно в газете "Советская Россия", — отвечаю, — передовой рабочий, Герой Социалистического Труда сказал, что Октябрьская революция для нас закончится только с построением коммунизма. Ведь это — реальный факт жизни!» «А рабочий нам не указ!» — снова услышал я. Решение секции научного коммунизма гласило: резко поднять методический уровень моего профессионального мастерства.

Как обычно действует добросовестный «методист»? Обсудив свое занятие, заметит: «Теоретически, т. е. по содержанию, конечно, к вам претензий нет, но вот методически...» И дальше идет анализ, опирающийся на весьма странные «основания». Анализируется обычно не то, что ты делал и говорил, а как раз то, чего ты не говорил и не делал, по принципу «мне вот кажется, что нужно было...» Нередко на этой зыбкой почве происходят даже «дискуссии». Споры такого рода, обычно ведущиеся с самым серьезным видом, весьма напоминают озабоченность двух схоластов, один из которых пытался донять козла, а другой в это время подставлял дырявое от ветхости решето, дабы не пролить млека истины. В самом деле, ведь там, где нет нужды опираться на дела и факты, можно дать полную волю своему «спекулятивному коню» — безудержному потоку догадок, предположений и мнений: Правда на поверку всегда оказывается, что в потоке мнений ведущим будет все же мнение начальства. А уж оно-то и становится Главным Фактом, ибо идет под протокол.

Другими словами, методика — это та библия, на которой в вузе присягают не сути самого дела, а верности руководящему мнению об этом деле начальства. И потому-то ее весьма нежно любят и лелеет весь вузовский бюрократизм.

Где же выход? Принципиальный выход, безусловно, есть. «Научная работа преподавателя — залог его профессионального роста, условие высокого качества педагогического процесса», — сказано на Всесоюзном совещании обществоведов 1 октября 1986 г.¹³ Ведь настоящая наука — это и есть жадность к принципиальности и фактам жизни, реальный путь преодоления схоластики и догматизма в вузе.

Резкое повышение уровня научной работы преподавателей неизбежно приведет к решительной демократизации общественных отношений в вузе, а следовательно, к перераспределению влияния и ролей. Ведь наука ориентируется на истину, а не на руководящее мнение начальства. «Я прав потому, что я доцент» или же «доцентом я являюсь потому, что я прав» — разные это, согласитесь, вещи. Вот почему и существует сегодня своего рода «частная собственность» на науку, ревниво охраняемая сложившейся ранее бюрократической иерархией. Это значит, что наукой можно заниматься лишь начальству либо с позволения начальства. Если же кто-то, нарушая неписанные законы «ирбитского синдрома», взду-

мают заняться ею на свой страх и риск, то немедленно в той или иной форме последует окрик: «Забросил методику! Смеет заниматься наукой без разрешения начальства!! Ведь это моральное разложение, научный карьеризм!!!»

Словом, методика — незаменимое средство там и тогда, где и когда есть необходимость превратить марксиста-обществоведа из искателя истины в чиновника общественных наук.

В итоге (и это тоже госэкзамен констатирует из года в год) студент наш не смеет: а) применять принципы научного коммунизма к фактам реальной жизни; б) применять одни свои знания к знаниям другим в) да и вообще свое суждение иметь. С чем это связано? Одну коренную причину — что марксизм-ленинизм как коллективистское мировоззрение ложится на неподходящую для него индивидуалистическую почву — я уже указал.

Есть и другая причина: прежде чем студент наш проявит запуганность, так сказать, научно-мировоззренческую, оказывается, он уже запуган вообще. Вот документально подтвержденный факт. В газете «На смену!» секретарь комсомольской организации I курса санфака СГМИ Дмитрий Миргасимов прямо так и говорит: «Мы не знаем наших прав, а если и знаем, то молчим. Мы привыкли к рабской психологии, полагая: так легче жить — за тебя подумают... Сужу обо всем этом по нашему последнему комсомольскому собранию. В повестке дня — самоуправление. Самоуправление, которое подразумевает влияние студентов на ход учебного процесса, аттестацию преподавателей и выбор их всей группой, внедрение северского почина в условиях вуза... В ответ... реплики: это у нас не пройдет, ничего не получится, все останется на своем месте, а кончится тем, что мы себя плохо зарекомендуем... Почему? В наши головы с детских лет вбивали: начальник всегда прав!»¹⁴

Феномен запуганного студента объясняется просто: его воспитал запуганный преподаватель.

Не секрет, что обществовед в вузе для того и существует, чтобы задавать образец, модель политического поведения всем прочим преподавателям. А уж через них, разумеется, и студентам. Скажем, если преподаватель кафедры философии и научного коммунизма лебезит перед начальством, то преподаватель с иной кафедры делает из этого вывод: нужно подождать с перестройкой, ибо пора говорить начальству в глаза то, что думаешь, еще не пришла!

Ну, а уж если в коллективе сложился идейно-политический союз той группы обществоведов, что навешивает ярлыки и пишет доносы, с администрацией и аппаратом парткома... То о перестройке нечего и говорить!

Вся перестройка в этом случае неизбежно уйдет в «методическую» работу. Проще говоря — в песок.

- ¹ XXVII съезд КПСС и задачи кафедр общественных наук. М., 1987. С. 31.
- ² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 396.
- ³ Воспоминания о В. И. Ленине: В 5 т. Т. 4. М., 1984. С. 411.
- ⁴ Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе: В 2 т. Т. 2. М., 1983. С. 41.
- ⁵ Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 2. М., 1984. С. 283—284.
- ⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 357.
- ⁷ Там же. Т. 42. С. 124.
- ⁸ Эккертман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М., 1981. С. 560.
- ⁹ См.: Забавные рассказы про великомудрого и хитроумного Ырбала. М., 1978. С. 135—136.
- ¹⁰ См.: О статье «Сколько брать на себя?», опубликованной в газете «Правда» за 20 апреля 1986 г.: Постановление ЦК КПСС // Правда. 1986. 18 мая.
- ¹¹ О перестройке и кадровой политике партии: Докл. Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на Пленуме ЦК КПСС, 27 янв. 1987 г. // Правда. 1987. 28 янв.
- ¹² См.: Гегель. Сочинения: В 14 т. Т. 5. М., 1937. С. 31.
- ¹³ XXVII съезд КПСС и задачи кафедр общественных наук. С. 31.
- ¹⁴ На смену! 1988. 1 июня.

Б. М. КЕДРОВ

К ТЕОРИИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА ¹

Всякое наблюдаемое нами явление требует своего объяснения, которое достигается путем раскрытия его сущности, а значит, его теоретической трактовки. Это касается и таких явлений, как научное открытие и техническое изобретение. Их теоретическое объяснение включает в себя, во-первых, анализ самого процесса их свершения, т.е. их историю, а во-вторых, выявление породивших их причин и условий протекания.

Основным инструментом для выяснения того или другого вопроса служит диалектическая логика с ее категориями. В «Диалектике природы» Ф. Энгельс показал, что всякое научное познание проходит три ступени: оно начинается с единичного (Е), поднимается затем к особенному (О) и завершается, наконец, всеобщим (В). Это значит, что оно двигается от опытного установления отдельных факторов (Е), затем переходит к их первичной систематизации, к их группировке по некоторым особым признакам, например сходства и несходства (О), и завершается установлением связи между найденными ранее особенными группами, что достигается открытием общего закона (В). Такой именно путь прошло открытие закона сохранения и превращения энергии, как показал сам Ф. Энгельс. Таков же был путь подготовки и открытия перио-

дического закона Д. И. Менделеевым. Такова и история многих других научных открытий. Однако логику не интересуют детали того, каким образом совершались и совершаются переходы от одной ступени познания к другой, от Е к О и далее от О к В. Логика устанавливает только одно, а именно, что за ступенью Е должна следовать и следует ступень О, а за этой последней — ступень В. Конкретный же путь таких переходов, совершающихся в голове отдельного ученого, изучает психология. Ее интересует, например, то, что именно послужило толчком к постановке и поискам решения новой научной задачи, которые завершились данным конкретным открытием в трудах данного ученого. Далее психолога занимает и то, какими вспомогательными образами, как своего рода строительными лесами, пользовался ученый в поисках истины.

Рассматривая в целом какое-либо открытие, составляющее предмет одновременно логики и психологии, мы должны рассматривать его как некоторый познавательно-психологический феномен, в котором принимают участие как факторы логически осознанного характера, так и факторы бессознательного, которые осознаются лишь после того, как открытие уже завершено.

Это можно показать на многих примерах из истории науки. Когда А. Кекуле искал формулу бензола, то сначала он упорно пытался представить ее в виде открытой цепочки, состоящей из атомов углерода и водорода. Совершенно случайно он наткнулся на мысль о том, что надо замкнуть такую цепочку в кольцо. И это явилось решением проблемы. Здесь препятствием к ее решению явилась привычка химиков представлять органическую молекулу обязательно в виде цепочки атомов. Такую привычку, которая мешает открытию, стоит как препятствие на его пути, мы назвали познавательно-психологическим барьером, или, короче, барьером. Случайную же подсказку, которая навела мысль ученого на решение задачи, мы называем трамплином при преодолении барьера. Однако в голове самого ученого до того, как он совершил открытие, не было никакого представления ни о характере барьера, стоявшего на пути его творческой мысли, ни о характере трамплина, подсказавшего ему путь к решению задачи. То и другое до поры до времени оставалось в сфере бессознательного и было осознано только после того, как открытие уже свершилось. Ибо тогда стало явным то, что именно мешало предстоящему открытию (барьер) и что именно подсказало путь к открытию (трамплин).

Такую же картину мы видим и в техническом творчестве. Здесь также действуют свои барьеры, мешающие изобретению, и свои трамплины, способствующие ему. Известна история изобретения висячих мостов конструктором Брандтом. В области мостостроения существовала как барьер привычка укладывать пролеты моста на опоры (быки). Но такой привычный способ оказался

непригодным в случае глубокой пропасти, через которую надлежало перебросить мост. Задача казалась неразрешимой, и Брандт долго с ней мучился. Случайно он наткнулся на паутину, и она как трамплин подсказала ему путь преодоления барьера, т.е. путь решения задачи.

Несомненно, Кекуле отлично знал, что цепочки могут замыкаться в кольцо, а Брандту с детства была знакома паутина. Весь фокус в том, что мысль о кольце или о паутине должна была появиться в голове ученого или изобретателя как раз в тот момент, когда они тщетно бились над решением задачи. Здесь как бы пересекаются два ряда необходимых событий, совершенно независимых друг от друга: во-первых, ряд, выражающий поиск решения той или иной задачи, а во-вторых, ряд внешних событий, отражающих замыкание каких-то цепочек или полет осенней паутины, попавшей на лицо изобретателя. Подсказка (трамплин) как нечто чисто случайное появляется в пункте пересечения обоих необходимых, но независимых друг от друга событий. Так конкретизируется общее определение случайности, данное Курно и Плехановым.

Анализируя рассмотренный путь научного познания, а также технического творчества, мы можем установить, что при переходе от Е к О, как правило, мы опираемся на метод индукции, т.е. движемся от частного к общему. Этот путь хорошо отработан в ходе развития человеческого мышления и обычно не вызывает у нас особых затруднений. Напротив, переход от О к В обычно встречает известные затруднения, ибо он не может быть осуществлен с помощью приемов индукции — приемов отсутствия, присутствия или сопутствующих изменений. Как правило, они оказываются здесь безрезультатными.

Другие же приемы, столь же эффективные, как индукция, отсутствуют в распоряжении мыслителя, поэтому его мысли приходится работать в сфере бессознательного. А здесь на сцену выступает интуиция как способ непосредственного умозаключения, который не опосредуется сознательно применяемыми логическими приемами. Именно с помощью такой интуиции Кекуле догадался замкнуть цепочку в кольцо, а Брандт угадал в обычной паутине ключ к построению висячих мостов. Однако во многих случаях процесс работы интуиции вообще не фиксируется мыслителем, который схватывает лишь ее результат, а не ее ход. Ибо интуиция не фиксируется в нашем обычном сознании, а проходит в сфере неосознанного нами, или, правильнее было бы сказать, в сфере надсознательного (мы подразумеваем, что сознательное есть наше обыденное сознание с его формальной логикой).

И. П. Павлов говорил по одному случаю, что он помнит начальный момент, когда встала перед ним некоторая задача, и конечный момент, когда он ее уже решил. А вот как она решалась, он, по его словам, забыл. Это и есть, по его мнению, интуиция.

Здесь нужна одна поправка: не «забыл», что означало бы «выпало из памяти», а вообще не зафиксировал в своем сознании с самого начала. Вот почему очень трудно изучать процесс научного открытия или технического изобретения: решающий момент в нем осуществляется интуицией, работа которой, как правило, не фиксируется логическим мышлением.

Когда же открытие или изобретение осуществилось, его результат обрабатывается логически и освобождается от всего постороннего, что принимало активное участие в ходе его свершения. В таком логически обработанном виде открытие или изобретение становится достоянием всего мира. Реальная же их история со всеми познавательными-психологическими зигзагами остается, как правило, нераскрытой.

Это можно показать на примере того, как отличалась информация в печати о создании химической атомистики Дж. Дальтоном и об открытии периодического закона Д. И. Менделеевым от реального процесса их открытия.

До сих пор мы рассматривали категории Е, О, В как ступени научного познания, иначе говоря, брали их в генетическом аспекте. Но эти же три категории могут быть использованы при анализе научно-технического творчества с точки зрения различных действующих в нем и обуславливающих его факторов, т. е. речь пойдет о структурном аспекте. В этом случае все три названные категории рассматриваются в их единстве и взаимной обусловленности, как выражающие три основные стороны, или три разреза, научно-технического творчества, точнее сказать, факторы, обуславливающие характер его протекания.

Первая сторона, *логическая* — это закономерность развития мировой общечеловеческой мысли. Она не зависит от того, в какой именно стране, в какое конкретное время, какими именно людьми разрабатывается наука и техника. И в этом смысле эта сторона научно-технического творчества может быть выражена категорией В. Так, к началу 60-х гг. XIX в. развитие мировой химии закономерно подвело мысль ученых к необходимости найти всеобщую связь между элементами, свести их в общую систему. Как говорят в таких случаях, задача «витала в воздухе». Поэтому в то время ее улавливали ученые различных стран и по-своему высказывали, не сговариваясь между собой. Это были Ньюлендс в Англии, Шанкуртуа во Франции, Штреккер и Л. Мейер в Германии и, наконец, Д. И. Менделеев в России. Подобное созревание научной проблемы в рамках развития всей мировой науки является первой причиной, причем самого общего, абстрактного характера, выдвижения данной проблемы на очередь дня, а затем и стимулом ее решения.

Однако такое логическое рассмотрение истории научно-технического творчества не дает еще возможности ответить конкретно на вопрос о том, почему же данное открытие или изобретение было

сделано в данной стране в данное время. Почему, например, периодический закон был открыт в России и именно в 60-е гг., а не в Англии, Франции или Германии, хотя в этих странах раньше стала осознаваться необходимость его открытия?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо вспомнить, что Россия 60-х гг. XIX в. испытывала бурный подъем освободительного и культурного развития, молодые творческие силы включались в активную борьбу политического характера, шли в область научного или художественного творчества. Это была эпоха быстрого экономического развития России, расцвета духовной и общественной жизни русского народа. Она требовала, как в свое время эпоха Возрождения на Западе, титанов мысли и порождала таких титанов. Среди них были и такие, как Бутлеров, Сеченов, Менделеев. Естественно поэтому, что именно в России должны были найтись могучие научные силы, которые оказались способными не только уловить, но и на деле решить поставленную мировой наукой задачу. Добавим еще, что к особым условиям России того времени надо отнести и то обстоятельство, что в умах русских ученых, особенно у молодого поколения, не успели еще развиться и закрепиться метафизический метод мышления и склонность к узкому эмпиризму. Между тем в странах Западной Европы за предшествующие века то и другое заняло в науке господствующее положение и прочно закрепилось в качестве познавательного психологического барьера, стоявшего на пути естественнонаучного прогресса.

Такой именно барьер и препятствовал открытию периодического закона. С ним столкнулись ученые Англии, Франции, Германии, но не смогли его преодолеть. Не случайно, а вполне закономерно преодолел его великий русский ученый. Таким образом, конкретные причины, объясняющие время и место появления открытия, выражаются категорией особенного (О), но в ее единстве с категорией В, которая выражает логику развития мировой научной мысли.

Сторону О в научно-техническом творчестве изучают *общественно-исторические науки*, в том числе *социология науки* и *техники*, выявляющие конкретные условия, в которых развиваются наука и техника. Эти науки раскрывают причины и условия появления научных открытий и технических изобретений в соответствующее время и в определенном месте.

Наконец, сторона Е связана с личностью самого ученого или изобретателя, с его психологией, субъективным настроением его мысли, со всем его образом жизни, с его предшествующим воспитанием и учением, с его семейной обстановкой, друзьями и противниками, словом, со всей его биографией. Здесь на первый план выступает прежде всего *психология*, а также та часть истории науки, которая занимается жизнеописанием великих людей — ученых и изобретателей. Правда, здесь идет речь о незначитель-

ных событиях по сравнению с теми, которые выражаются категориями В и О в научно-техническом творчестве. Но это такие «мелочи», касающиеся психологии ученого, которые позволяют проникнуть в скрытый механизм протекания открытия или изобретения, понять то, как был преодолен познавательный-психологический барьер, о котором было сказано при рассмотрении стороны О.

О том, какой важной оказывается сторона Е, свидетельствуют хорошо известные факты. Приведу только один: Д. И. Менделеев любил отдыхать, раскладывая карточные пасьянсы. Он даже сам их выдумывал. И вот в самый острый начальный момент открытия периодического закона отказал обычный прием составления таблиц. Тут на помощь пришел способ пасьянса: химические элементы с их свойствами были написаны на отдельных карточках, а затем разложены «по масти и по значению». «Химический пасьянс» завершился великим открытием.

Таковы три структурные стороны самого открытия или изобретения. Их нельзя разобщать, разрывать между собой, их необходимо всегда брать в единстве и взаимообусловленности. А это означает, что для того, чтобы подлинно по-научному изучать научно-техническое творчество, надо уметь подходить к его анализу строго комплексно, т. е. одновременно с позиций логики, истории науки, социологии, психологии, видя в этой области человеческой духовной деятельности единство и нераздельность таких трех сторон, которые выражаются категориями В, О, Е. Эти три категории, как впервые доказал Ф. Энгельс, дают нам ключ к пониманию истории, логики и психологии научно-технического творчества, а следовательно, ключ к созданию общей его теории. По этой причине я считаю невозможным обойти имя Ф. Энгельса, когда речь идет о трехступенчатости движения научной мысли к познанию истины и о трехсторонности в объяснении этого движения. Поэтому разработанную мною концепцию, изложенную выше, я с полным основанием именую *энгельсовской*.

В заключение позволю себе дать историческую справку личного характера. Изложенную выше концепцию я стал разрабатывать, основываясь на трудах Ф. Энгельса, еще перед войной, но особенно подробно — начиная со второй половины 40-х гг. Тогда же были сделаны мои первые публикации по данному вопросу. Они были затем обобщены, систематизированы и продолжены далее в таких моих работах, как «О марксистской истории естествознания» (1968), «Микроанатомия великого открытия» (1970) и многих других. Но я не психолог по специальности, а потому не мог двигаться в этой области достаточно уверенно. Вот почему теперь я с удовлетворением отмечаю, что высказанные мною положения в области теории научно-технического творчества позднее получили поддержку у ряда специалистов-психологов, занимающихся изучением научного творчества: у кандидатов психологических наук Д. Б. Богоявлен-

ской и Н. Л. Гиндилис и доктора психологических наук М. Г. Ярошевского. Последний в ряде своих работ популяризировал изложенные выше взгляды, назвав их трехаспектной концепцией. Такое название я считаю весьма удачным, ибо в нем отражена категориальная трехсторонность — генетическая и структурная — научно-технического творчества, опирающаяся на категории Е, О, В диалектической логики. Это последнее обстоятельство, как мне кажется, всегда надо подчеркивать и не забывать, что данная концепция принадлежит Ф. Энгельсу.

¹ Основные положения статьи были изложены автором в докладе на научной конференции в Ярославле в 1983 г.

А. Н. ФОМИН

УрО АН СССР

ОБ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ РАБОТЕ СО ШКОЛЬНИКАМИ: ПРИБЛИЖЕНИЕ К НАУЧНОМУ ТВОРЧЕСТВУ

XXVII съезд КПСС значительное внимание уделил вопросам воспитания и образования молодежи, подъему творческой энергии и созидательной инициативы всех слоев нашего общества.

В Институте математики и механики УрО АН СССР проводится большая общественная работа по повышению качества математического образования учащихся средних школ и студентов вузов.

В настоящей статье приводится конкретный материал, который позволяет дать положительный ответ на вопрос: может ли ученик средней школы после соответствующей подготовки заниматься творчеством, получать результаты, достойные опубликования в научной литературе? Занятия по математике проводились с двумя учениками средних школ — Сергеем Дядьковым и Владиславом Рожиным. Первый из них привлек внимание высоким результатом на областной математической олимпиаде. Он был единственным среди девятиклассников, сумевшим решить весьма трудную задачу. Встреча с девятиклассником Владиславом Рожиным произошла на защите рефератов по математике. Его работа получила высокую оценку жюри конкурса.

Сергею Дядькову, а затем и Владиславу Рождину я предложил заняться под моим руководством теорией групп подстановок. К этому времени уже был опыт такой работы со школьником Олегом Матвеевым под руководством кандидата физико-математических наук Г. В. Бабикова.

Наверное, каждый из математиков при решении задач замечал, что иногда возникает необходимость рассмотрения вспомогательных вопросов, для формулировки и решения которых достаточно небольшая система понятий, в основном первоначальных. У меня создалось мнение, что подобного рода системы понятий вполне доступны для учеников восьмых — десятых классов. Следовательно, 15—17-летний школьник после соответствующей подготовки может решать возникающие подобным образом вопросы. Мне представляется, что это — один из возможных путей привлечения школьников к научно-исследовательской работе. Разумеется, здесь очень важно, чтобы задача, предложенная ученику, не была надуманной, имела научную ценность (пусть очень небольшую), чтобы решение этой задачи вводило ученика в актуальное направление науки или в достаточно обширную тему.

С другой стороны, необходимо встречное желание, добрая воля ученика. В этом отношении мне повезло и с Сергеем Дядьковым, и с Владиславом Рождиным. Кроме того, родители и учителя поощряли их внешкольные занятия по математике. (Интересно отметить, что оба ученика — из простых трудовых семей. Отец С. Дядькова — инженер, в его семье пятеро детей. Отец В. Рождина был рабочим, сейчас также инженер, у него двое детей.)

Особенно я обращал внимание на то, чтобы дополнительная нагрузка не повлияла отрицательно на успеваемость учеников. Мне хотелось также, чтобы в качестве стимула занятий математикой у молодых людей выступало желание познавать и творить. К чести Сергея Дядькова и Владислава Рождина следует сказать, что они как были, так и остались скромными, у них не появилось элементов зазнайства и высокомерия по отношению к своим сверстникам. Оба самозабвенно и увлеченно работали, проявляя трудолюбие и настойчивость при достижении поставленных перед ними целей.

Творчество не может быть строго регламентировано. Вместе с тем оно должно подчиняться некоторым правилам, в частности быть достаточно организованным, иначе все выльется в одно бесплодное необузданное фантазирование. Ясно, что процесс обучения и воспитания ученика при разных конкретных условиях будет проходить по-разному. Например, если ученик в необходимой мере подготовлен, то ему достаточно дать соответствующую литературу с указанием, что и к какому сроку нужно самостоятельно изучить. (Так я впоследствии и поступил по отношению к Владиславу Рождину, когда возникла необходимость, чтобы он овладел знаниями по линейной алгебре.) Однако начинать мы были вынуждены с нуля:

нам еще предстояло наладить взаимопонимание и взаимоотношения.

Я занимался с каждым из учеников в среднем раз в неделю по два часа. Во время летних и зимних каникул мы делали перерывы. За первое полугодие каждый из школьников овладел двумя курсами (элементы теории абстрактных групп и элементы теории групп подстановок). Для этого использовались книги М. И. Каргаполова, Ю. И. Мерзлякова «Основы теории групп», М. Холла «Теория групп» и Х. Виландта «Конечные группы подстановок». Кроме того, был изучен и третий курс, состоящий из элементов философии, социологии, этики, методологии, связанных с учебно-преподавательской и научно-исследовательской работой. На многих наших учебных занятиях отводилось 10—15 минут для обсуждения этого дополнительного материала, причем использовался усвоенный учеником конкретный фрагмент математической теории. Например, мы довольно подробно разобрали вопросы: что означают слова «понимать математический текст (определение, теорему)»? в каком смысле и каким образом необходимо понимать то или иное математическое определение или утверждение? Если ученик знает, что он понял математический материал во всех нужных смыслах и в достаточной мере, то он приобретает уверенность в своих силах и способностях.

Также были обсуждены вопросы, относящиеся к использованию, применению математических знаний. Я стремился, чтобы ученик умел применять каждое из усвоенных математических понятий, определений, утверждений при изучении как можно более широкого круга конкретных математических и нематематических объектов. Это делает его более уверенным в себе, более активным и смелым.

Через несколько занятий ученики начинали самостоятельно ставить математически грамотные вопросы и давать на них ответы. Вот типичный пример. Я привожу Владиславу Рожину доказательство теоремы о том, что транзитивная группа подстановок является 2-транзитивной тогда и только тогда, когда стабилизатор одной точки транзитивен на множестве остальных точек. Ученик сразу ставит вопрос: а как обстоит дело для k -транзитивных групп подстановок при k , большем двух? Сам формулирует теорему для этого случая и, используя аналогию, доказывает ее.

Как только знания ученика становились достаточными, ему давалась научно-исследовательская задача.

Целью работы Сергея Дядькова было нахождение условий, необходимых и достаточных для того, чтобы группа A могла быть стабилизатором точки в 2-транзитивной группе подстановок определенного типа, например типа M . Решение этой задачи свелось к нахождению минимального множества наиболее простых (и поэтому удобных для применения) соотношений, которым должна

удовлетворять группа А. Здесь Сергею Дядькову пришлось преодолеть целый ряд трудностей. По существу, он имел дело с довольно сложными формулами. Говоря о методе своей работы, он заявлял, что занимается символьным счетом, чем-то напоминающим преобразования школьных алгебраических формул и вместе с тем резко отличающимся от школьной алгебры тем, что рассматриваемые объекты подчиняются другим закономерностям.

В итоге Сергей Дядьков сформулировал и доказал новую математическую теорему. Этот результат в качестве теоремы 1 вошел в нашу совместную статью, депонированную в 1984 г. в ВИНИТИ.

Владиславу Рожину было предложено решить вопрос о подобии 2-транзитивных групп подстановок типа М. Изучая теорему С. Дядькова, Владислав Рожин заметил, что свойства стабилизатора точки можно представить одной конструкцией, которую он назвал комплектом. Используя это понятие, В. Рожин переформулировал результат С. Дядькова по-новому: каждый комплект порождает 2-транзитивную группу подстановок типа М, и каждая 2-транзитивная группа подстановок типа М имеет порождающий ее комплект. Далее он исследовал свойства комплектов, ввел понятие связанности комплектов и доказал теорему о том, что 2-транзитивные группы подстановок типа М подобны тогда и только тогда, когда порождающие их комплекты связаны. Характеризуя свой метод, В. Рожин говорил, что он работал (действовал) с математическими объектами способом, который очень напоминает способ действий с обычными вещественными предметами. Работа В. Рожина депонирована в ВИНИТИ в 1985 г.

В настоящее время теоремы С. Дядькова и В. Рожина нашли применение при изучении конкретных классов 2-транзитивных групп подстановок.

В заключение отметим, что привлечение школьников к творческой работе является интересным и полезным делом. Этот вид общественной работы хорош тем, что он тесным образом связан с основной работой научного руководителя. Ученик, приобретая умение работать самостоятельно, развивает свои творческие способности, расширяет кругозор и благодаря этому более осмысленно выбирает свою будущую профессию.

**О РАЗВИТИИ
МАТЕМАТИЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ ШКОЛЬНИКОВ
В ПРОЦЕССЕ ТВОРЧЕСКОЙ РАБОТЫ**

Изучение элементов высшей математики школьниками под руководством педагогов не является сегодня чем-то уникальным. Качественно новый шаг — это вовлечение учащихся в исследовательскую работу. Импульсом к этой работе у нас послужил такой случай.

В связи с движением за улучшение математического образования в школе Институт математики и механики УНЦ АН СССР направил в январе 1981 г. группу своих сотрудников по школам города для изучения на местах эффективности преподавания математики по новым программам и учебникам, сменившим в 60-е гг. учебники А. П. Киселева. На одном из уроков геометрии в 9-м классе средней школы № 79 преподаватель А. П. Павлова показала мне реферат по теории вероятностей, который был написан на уровне студенческой курсовой работы. Автору реферата, семикласснику Олегу Матвееву, было тогда 11 лет. Из беседы с ним выяснилось, что школьную математику он прошел в 3—4-м классе по учебникам А. П. Киселева. С началами математического анализа познакомился в 4—5-м классе по «Справочнику по высшей математике» М. Я. Выгодского. Этот случай подтвердил старую истину: обучение математике на начальном этапе должно быть очень простым и доходчивым.

Дальнейшее продвижение О. Матвеева в математике было изложено в ряде публикаций¹. Коротко: в 1984 г. в 15 лет он окончил школу, через 3 года с отличием — Уральский государственный университет им. А. М. Горького. Одновременно с дипломом представил кандидатскую диссертацию, посвященную исследованиям матричных уравнений, став после этого соискателем для сдачи кандидатских экзаменов при кафедре прикладной математики. На работу был распределен в Институт математики и механики УНЦ АН СССР. В мае 1989 г. (в 20 лет) защитил кандидатскую диссертацию в Московском государственном педагогическом институте им. В. И. Ленина, причем один из оппонентов написал в отзыве, что, по существу, это докторская диссертация. Первую научную работу Олег опубликовал в 13 лет, выступал по результатам диссертации на многих всесоюзных конференциях и одной международной. Сама диссертация была написана им в 14 лет (в 10-м классе). Однако сейчас нельзя стать соискателем, не имея доку-

мента о высшем образовании, и... пришлось ждать (за это время были получены другие интересные результаты, которые вошли в переработанный текст диссертации). Интересно, что в 20—30-е гг., не имея высшего образования, стали кандидатами наук академик Н. Н. Боголюбов (в 19 лет) и ряд других ученых.

Таким образом, этот случай — уникальный. Так как я был руководителем научной работы О. Матвеева, то раскрою здесь некоторые аспекты, имеющие, на мой взгляд, большое значение для развития способностей в области математики.

Прежде всего, талант надо поддерживать. Должен обратить внимание на следующее. Еще в 6-м классе, за год до нашей встречи, Олег участвовал в защите рефератов, олимпиадах и обратил на себя внимание, но это не привело ни к каким последствиям. Почему? Это я узнал намного позже того, как стал с ним заниматься.

Мысль вывести О. Матвеева в «большую науку» у меня возникла сразу, как я познакомился с ним. Дело в том, что лет за 20 до этой встречи, работая в педагогическом институте, я заинтересовался вопросами образования и демографии. Почему 100 лет назад можно было указать немало величайших ученых, сделавших очень крупные открытия до 20—25 лет (Гаусс, Галуа, Абель, Лагранж, Лаплас...)? Обычный ответ, что наука в то время была слабо развита, слишком прост, чтобы объяснить все. Тогда же я защищал учебники А. П. Киселева, выступив против реформы математического образования в школе².

Были предложения, чтобы О. Матвеев закончил школу по возможности раньше, но я был против этого. Из ряда наблюдений я сделал вывод, что в развитии способностей огромную роль играет «мини-среда», особенно в подростковом возрасте. Необходимо также общение со сверстниками, так как отсутствие такого общения приводит к некоммуникабельности, эгоцентризму и, возможно, угасанию способностей. Этому имеется ряд примеров. В более старшем возрасте развитию способностей могут мешать особенности сексуального развития, несложившаяся личная жизнь и другие причины. Эти установки прямо вытекали из моих исследований в области демографии³.

Таковы соображения самого общего рода, без учета которых серьезных и стабильных успехов не было бы. Меня интересовали следующие вопросы. 1) Можно ли в наше время, в конце XX в. помочь подростку достичь научных результатов мирового уровня? 2) Можно ли это сделать в России (примеры столетней давности относятся к наиболее развитым в то время странам)?

Моя задача была строго прагматической. Ситуация складывалась так, что многое могло помешать поставленным целям. В журнале «Студенческий меридиан» за 1988 г. сообщалось, что я занят якобы проблемами «социального взросления» (адаптации?) О. Мат-

веева и т. п. Это неверно. Почему-то мои слова: «Матвеев сейчас сильнейший математик, сильнее многих докторов наук в Свердловске» — были редактором полностью заменены. О. Матвеев в настоящее время, после защиты диссертации, — это сложившийся ученый. Он может, например, высказывать мысли (не обязательно по математике), с которыми, скажем, я не вполне согласен. Отсюда, естественно, не следует, что он не ошибается и превзошел всех по всем статьям, но его дальнейшее развитие во многом уже будет определяться им самим.

Перейдем к более частным аспектам. Прежде всего встал вопрос о выборе темы. В нашем эксперименте тема должна была удовлетворять ряду условий: быть не очень абстрактной, соответствовать уровню образования Олега, быть достаточно трудной и обширной, чтобы можно было действительно проверить его возможности. Я остановил выбор на матричных многочленах, в частности на вопросе нахождения их корней. Тема была весьма трудной: полиномиальными уравнениями над матричными кольцами и другими классическими алгебрами с середины XIX в. занимались многие математики, в том числе и крупнейшие (Сильвестр, Ван-дер-Варден, Эйленберг и др.); но эти уравнения плохо поддавались решению. Основная теорема алгебры для матричных уравнений не имеет места. В последние годы были предложены методы для решения некоторых односторонних матричных уравнений и уравнений Риккати. К решению же уравнений общего вида, произвольной степени, по сути дела, неизвестны были даже подходы. Итак, задача была классическая. Здесь-то и интересно было проверить возможности Олега.

Он познакомился с работами И. А. Лаппо-Данилевского, П. С. Казимирского, В. М. Петричкова, с диссертацией М. И. Худого. Особое же внимание было уделено статьям американских математиков Дж. Денниса, Дж. Трауба и Р. Вебера, в которых они предложили итерационные методы решения односторонних матричных уравнений.

Сначала перед Олегом была поставлена задача обобщения теоремы Безу на случай матричных многочленов общего вида над полем. Мне было известно решение в виде некоторого разложения. Но Олег дал другое решение. Далее он интенсивно и довольно долго думал над следующей задачей: как построить операцию, которая переходила бы в операцию правого (или левого) деления для односторонних многочленов, чтобы получить ряд аналогов теорем теории делимости. Построенная им операция была названа «соединение с индексом». Таким образом, в 1983 г. в 13 лет он написал и опубликовал свою первую научную статью «О многочленах общего вида над кольцами». В октябре 1983 г. Олег успешно выступил на XVII Всесоюзной алгебраической конференции в Минске.

Решение вышеприведенной задачи, по формуле Сурье⁴, было «работой около» при подходе к главной задаче — к решению матричных полиномиальных уравнений. Эти «размышления около» необходимы для тренировки ориентации, интуиции. Дальнейшие «поиски около» были связаны с записью многочленов общего вида, которая могла быть неоднозначной. Я построил простой иллюстрирующий пример и таким образом стимулировал размышления Олега на эту тему. Он ввел понятие основных матриц (я затем вывел формулы, выражающие эти матрицы через коэффициенты многочлена) и многочлены, названные затем каноническими, так, что два многочлена определяли одну и ту же матричную функцию, если построенные для них канонические многочлены совпадали. Однако такие многочлены были построены еще в 1906 г. французским математиком Отоном. Он повторил и главный результат Отона о представлении полиномиальной матрицы над полем комплексных чисел S многочленом над кольцом матриц над S (Олег сделал это, когда поле S произвольно).

Были и другие «повторы». Например, понятие дифференцируемости матричной функции следовало из соответствующего понятия, введенного Хаусдорфом (также Фреше и др.); понятие аналитичности — из соответствующего понятия, введенного Ринглемом и др. Эти «повторы» результатов известных крупных математиков, причем за короткий промежуток времени, есть, видимо, один из главнейших показателей роста способностей. Я не сразу говорил, что эти результаты уже получены, чтобы не расхолаживать Олега и стимулировать работу дальше. Я сообщал о «повторах» после того, как он получал уже новые, более важные результаты, причем делал это в осторожной форме: «Кажется, такой результат я где-то все же видел», «Надо посмотреть литературу» и т. п. (Это также была работа по воспитанию осведомленности и интуиции, «работа около».)

Я заметил, что результат Отона можно расширить: матрицу над кольцом целочисленных многочленов можно представить в виде многочлена над кольцом целочисленных матриц. Следовательно, задача о решении полиномиальных уравнений над кольцом целочисленных матриц является алгоритмически неразрешимой (это следует из неразрешимости 10-й проблемы Гильберта). Видимо, целесообразнее строить и исследовать не прямые, а итерационные методы для решения матричных полиномиальных уравнений. Наше внимание к итерационным методам было связано с тем, что прямые методы для односторонних уравнений были весьма сложны; как их перенести на уравнения общего вида, было совсем неясно. Олег сначала думал обобщить метод Ньютона на матричные уравнения (некоторые обобщения такого вида уже были). Я объяснил ему, что это уточняющий, локальный метод, который для матричных уравнений особо «чувствителен» к выбору начального приближения

(которое он не определяет), что нужно попытаться построить более удобный метод, и дал ему книгу А. М. Островского «Решение уравнений и систем уравнений», в которой был предложен метод обратной интерполяции для решения обыкновенных алгебраических уравнений.

Этот метод и предыдущие результаты привели к пониманию того, что для решения поставленной задачи нужно рассматривать матричные функции, заданные рядами общего вида. Это положило начало аппарату, который Олег Матвеев использовал в дальнейшей работе.

Он создал аналог метода Островского для решения матричных уравнений произвольного вида. Затем Олег перенес результаты на уравнения над произвольными банаховыми алгебрами. Он также показал, что его метод решения таких уравнений в определенном смысле оптимальный (по сравнению, например, с методом академика Л. В. Канторовича). Следует отметить, что в области матричных уравнений О. Матвеев решил задачи, которые многие годы ждали своего решения.

Важным показателем роста способностей как «умения ориентации» в определенной области знаний является не только повторение результатов крупных математиков, но и самостоятельная постановка серьезных крупных задач. Это, кстати, лучшая защита от мелких задач и незначимых тем, которые обюрокраченная наука может навязывать через своих представителей (зав. отделами и т. п.) как «важные», «актуальные».

Насколько уникален описанный случай? Большие способности встречаются вообще не так уж и редко, но надо уметь ими управлять. В мировой печати сообщалось о таких случаях в последние годы (Рут Лоуренс, Саид Джалал и др.), однако те аспекты (условия) общего или частного рода, о которых шла речь в статье, были здесь нарушены.

В. И. Ленин писал, что в нашем народе «есть много и много живых сил, могущих проявить грандиозные способности в большей степени, чем это можно представить»⁵. Дело в том, что реализовать возможности непросто. Опыт показывает, что в основе развития математических способностей лежит особый труд по решению задач «около», на подходе к поставленной с самого начала главной, большой задаче, труд по приобретению навыков ориентации в определенной области математики и что это «умение ориентации», или способности, значительно совершенствуется в процессе творческой работы.

⁵ См.: *Бабиков Г. В.* Некоторые вопросы педагогики способностей в области математики // Научно-технический прогресс и научное творчество: Тез. докл. Всесоюз. конф. Свердловск, 1988. Ч. 2. С. 155—157; *Бабиков Г. В.* О некоторых

вопросах формирования математических способностей на индивидуальных внеклассных занятиях // Совершенствование подготовки студентов к внеклассной работе по учебным предметам в школе. Киров, 1989. С. 49—54; *Матвеев О. В.* Матричное уравнение: [Интервью] // Сов. Россия. 1989. 16 июня.

² См.: *Бабинов Г. В.* Школа и развитие науки // Методика преподавания математики в вузе и школе. Свердловск, 1965. С. 160—166.

³ См.: *Бабинов Г. В.* Зигзаги демографии // Наш современник. 1986. № 12. С. 136—139.

⁴ См.: *Адамар Ж.* Исследование психологии процесса изобретения в области математики. М., 1970. 152 с.

⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 205—206.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Раздел 1. Способность к творчеству: сущность и значение	
Корюкин В. И. Приоритет творческой деятельности	4
Копалов В. И., Копалова Л. Г. Социальная детерминация развития способностей личности	8
Гончаров С. З. Самодеятельность формирует творца	25
Шумилин А. Т. Талант и творчество	40
Раздел 2. Социально-экономические, нравственно-психологические и политические аспекты развития творческих способностей	
Пьянова Л. А. Творческие способности человека как содержание общественного богатства (социально-экономический аспект)	55
Остапенко Н. Н. Нравственный аспект творческих способностей специалиста	67
Князев В. М. Творчество и медитация	75
Костин В. А. Диалектика самодеятельности и централизма	81
Костина Н. Б. Трудовой коллектив как орган самоуправления: опыт и перспективы	97
Раздел 3. Эффективность в развитии творческих способностей в сфере философии и науки	
Бакшуттов В. К. Творческое развитие философии и бюрократический идеализм	108
Молчанов В. А. Воспитание творческого мышления: мировоззрение или методика?	122
Кедров Б. М. К теории научно-технического творчества	139
Фомин А. Н. Об индивидуальной работе со школьниками: приобщение к научному творчеству	145
Бабиков Г. В. О развитии математических способностей школьников в процессе творческой работы	149

**ФОРМИРОВАНИЕ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ:
СУЩНОСТЬ, УСЛОВИЯ, ЭФФЕКТИВНОСТЬ**

Сборник научных трудов

Редактор И. В. Зырянова
Технический редактор А. В. Курленко
Корректор Т. В. Шептунова

Темплан 1990

Сдано в набор 19.02.90. Подписано в печать 12.07.90.
Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Бумага писчая № 1. Гарнитура ли-
тературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,30. Уч.-изд.
л. 9,60. Тираж 700 экз. Заказ № 48. Цена 1 р. 50 к.

Свердловский инженерно-педагогический институт.
Свердловск, ул. Машиностроителей, 11.

Типография изд-ва «Уральский рабочий».
Свердловск, пр. Ленина, 49.

Выйдет из печати

сборник научных трудов
**«Содержание и перспективы развития
инженерно-педагогического образования»**

Ответственный редактор
профессор Е. В. Ткаченко

Объем 10,0 уч.-изд. л.

Цель сборника — дать исходный справочный и содержательный материал для читателя, который работает в области организации, утверждения и развития инженерно-педагогического образования.

В сборнике приведены основные концептуальные положения инженерно-педагогического образования, пример типовой квалификационной характеристики инженера-педагога, рассмотрены вопросы организации и развития инженерно-педагогического образования, в том числе организации непрерывного инженерно-педагогического образования.

Заявки направлять по адресу:

Свердловск, Д-12, ул. Машиностроителей, 11.
Редакционно-издательский отдел СИПИ.

Выйдет из печати

сборник научных трудов
**«Интеграционные процессы в педагогической
теории и практике»**

Ответственный редактор
профессор В. С. Безрукова

Объем 10,0 уч.-изд. л.

В сборник научных трудов включены статьи по результатам многолетних исследований проблемы педагогической интеграции: ее сущности, форм проявления, интеграции педагогических и технических знаний, механизмов интегрирования, создания интегративных курсов.

Заявки направлять по адресу:

Свердловск, Д-12, ул. Машиностроителей, 11.
Редакционно-издательский отдел СИПИ.

Выйдет из печати

сборник научных трудов
**«Содержание и методика
психолого-педагогической подготовки
инженеров-педагогов»**

Ответственный редактор
доцент П. Ф. Кубрушко

Объем 10,0 уч.-изд. л.

В сборник включены работы по проблемам содержания и методики психолого-педагогической подготовки инженеров-педагогов: по совершенствованию структуры и содержания психолого-педагогической подготовки, активизации учебно-познавательной деятельности, диагностике профессиональной подготовленности и др.

Сборник адресован преподавателям и научным работникам вузов, осуществляющим подготовку инженеров-педагогов.

Заявки направлять по адресу:

Свердловск, Д-12, ул. Машиностроителей, 11.
Редакционно-издательский отдел СИПИ.